

За жуками в Африку: записки постдока

Василий В. Гребенников
(v_grebennikov@mail.ru)

Ottawa, Canada
2015

В.В.Гребенников: За жуками в Африку: записки постдока

Аннотация

Книга написана молодым исследователем-зоологом, с детства занимающимся жуками. В ней он ведёт живой и серьёзный разговор о профессии энтомолога, об удивительном мире пугающих на первый взгляд и чрезвычайно увлекательных насекомых. Автор последовательно проводит читателя путём начинающего учёного – от поисков первой работы, неразрывно связанных с научными изысканиями и страстным желанием путешествовать, до состоявшегося молодого исследователя.

Книга рассказывает о трёх годах жизни автора в ЮАР, о работе на кафедре зоологии Преторианского университета в качестве постдока и о путешествиях по южной и восточной Африке. Рассказ об исчезающих лесах и населяющих их почти невидимых уникальных жуках в знаменитых горах Эльгон, Кения, хребте Абердаре и путешествии по пустыне Намиб сопровождается тонкими наблюдениями за жизнью африканцев вне глянцевого туристского проспекта. Автор видит Африку не из окна туристского отеля или 'сафариного' Лэндровера: с рюкзаком и энтомологическим оборудованием за плечами проходит он десятки километров, едет в тряских переполненных микроавтобусах-"матату", ночует в палатке в поисках жуков и 'горных туманов'. Книга пронизана симпатией и сочувствием к судьбе африканского континента с его трагическим прошлым, уникальной природой, неиссякаемым жизнелюбием и тревожным будущим.

"За жуками в Африку: записки постдока", без сомнения, будет интересен широкому кругу читателей. Что такое постдок, как впервые напечатать научную статью, как строить отношения с коллегами и многие другие вопросы затрагиваются автором в этой книге. Молодые люди, планирующие своё будущее в науке, найдут в ней рецепт из первых рук, как преодолеть первоначальные сомнения и трудности академической работы. Затаённая жизнь насекомых, порой невообразимые пружины её движения будут интересны юным и не только юным натуралистам. Люди, интересующиеся дальними странами, смогут подумать вместе с автором о судьбе далёкого африканского континента.

Friendly anonymous reviewer, 2005

Contents

Пролог.....	4
Глава 01.....	9
Глава 02.....	14
Глава 03.....	20
Глава 04.....	25
Глава 05.....	32
Глава 06.....	37
Глава 07.....	43
Глава 08.....	52
Глава 09.....	62
Глава 10.....	67
Глава 11.....	73
Глава 12.....	78
Глава 13.....	85
Глава 14.....	91
Глава 15.....	94
Глава 16.....	104
Глава 17.....	109
Глава 18.....	114
Глава 19.....	118
Глава 20.....	124
Глава 21.....	138
Глава 22.....	142
Глава 23.....	150
Глава 24.....	156
Глава 25.....	164
Глава 26.....	169
Глава 27.....	177
Глава 28.....	183
Глава 29.....	189
Глава 30.....	196
Глава 31.....	203
Глава 32.....	210
Эпилог.....	216

Пролог

Насколько я себя помню, мне всегда хотелось путешествовать по экзотическим, желательным тропическим, странам. Многие годы мне часто снился один и тот же сон в незначительных вариациях: будто мне срочно нужно лететь не то в Чили, не то в Аргентину, что пересадка где-то в Центральной Америке или в Африке, что я хочу там остановиться на несколько недель, и спешно выбираю, где и как это лучше сделать. Обычно такие сны начинали мне сниться примерно в середине февраля, когда в северном полушарии предыдущий летний полевой сезон путешествий оставался уже давно позади, а следующий должен был начаться на раньше, чем через несколько месяцев.

В начальной школе я с упоением прочёл книгу сэра Артура Конан Дойля "Затерянный мир" о путешествии в Южную Америку. Это было, пожалуй, началом отсчёта моего интереса к экзотическим странам. Что же касается Африки, то большое впечатление на меня произвела книга американского зоолога Джорджа Шаллера "Год под знаком гориллы" о его уединённой жизни на вулканах Вирунга в самом центре континента. Уже на старших курсах университета в библиотеке Зоологического института в Санкт Петербурге я листал многочисленные монографии француза Рене Жаннеля и бельгийца русского происхождения Пьера Базилевского о жужелицах Мадагаскара, Кении, Танзании и прочих чрезвычайно интересных стран и давал себе слово отправиться рано или поздно туда в путешествие.

По мере того, как росло и укреплялось моё страстное желание поехать в далёкое путешествие, я всё больше надеялся сделать это частью своей карьеры. По образованию я энтомолог, специалист по насекомым. Для этого я сперва закончил биолого-почвенный факультет Ростовского-на-Дону университета, а затем защитил кандидатскую диссертацию по морфологии и родственным отношениям одной всеветно распространённой группы маленьких жуков-жужелиц. Необходимость получать жужелиц из-за рубежа неизбежно свела меня с коллегами из разных стран и ещё в аспирантуре я выспрашивал у них о том, насколько это возможно организовать длительную поездку в какой-нибудь интересный регион мира. Ответы приходили самые разные, однако мало-

помалу я укреплялся во мнении, что это возможно и что лучше всего мне отправиться на постдок.

Постдок это не имеющее в русском языке адекватного эквивалента сокращение от английского "post-doctoral fellow". Это человек только что защитивший свою первую, а в англоязычных странах единственную, диссертацию и поехавший делать небольшой и строго очерченный исследовательский проект на новую кафедру и часто в другой город сроком от одного до трёх лет. Это своего рода промежуточная ступень между последней учёбой и первой работой. Очень часто на постдок люди едут в другую страну. Как раз то, что мне и было нужно.

Впервые о такой сравнительно малоизвестной в России форме продолжения карьеры я узнал ещё студентом, просматривая журнал "Nature". На последних 20-30 листах мелким шрифтом печатались и сейчас продолжают печататься объявления об открывающихся в мире академических позициях, из которых добрую половину составляют постдоки. Мне казалось странным, что каждую неделю журнал сообщал об открытии десятков постдоков в нейрофизиологии, биохимии, генетике и прочих околomedicalных областях биологии, в то время как по насекомым позиция объявлялись исключительно редко. Я просмотрел толстые подшивки "Nature" за несколько последних лет, не нашёл ничего для себя подходящего и слегка приуныл.

На младших курсах аспирантуры в Москве я продолжал раздумывать о поездке на постдок. Тогда же мне стало ясно, что только совсем малая часть этих позиций объявляется в печати. Подавляющее большинство постдоков организуются не через объявления в "Nature", а через непосредственный контакт с потенциальным работодателем. В роли последнего, как правило, выступает профессор или другой постоянный сотрудник кафедры, который из фондов государства или университета получает деньги на то или иное исследование и набирает команду молодёжи для этой работы. Либо университет ежегодно выделяет средства на два-три постдока и приглашает всех желающих написать проект и принять участие в конкурсе. В последнем случае конкурс бывает очень высоким и для победы совершенно необходима сильная заинтересованность и поддержка принимающей кафедры.

Знания - отличная вещь, однако, как правило, они приходят только вместе с опытом. Свою первую полную заявку я написал на заключительном курсе аспирантуры и послал её на конкурс на кафедру энтомологии университета Квинсленда в австралийском городе Брисбэне. Несколькими годами позднее я путешествовал по Австралии, посетил эту кафедру и даже прочитал там лекцию. В тот вечер мои австралийские коллеги рассказали, насколько были они удивлены получить моё первое письмо из далёкой России на неуклюжем английском касательно постдока. Надо отдать им должное, они не разубедили меня приниматься за это заранее обречённое дело и согласились поддержать мою заявку на межфакультетском конкурсе. Последний срок отправки документов в Австралию истекал в феврале и к тому времени я заполнил все необходимые формы, получил три рекомендательных письма от московских профессоров, и на двух страницах написал свой первый проект работы над личинками крайне интересных австралийских жужелиц. Я отправил этот пакет в Брисбэн заказным письмом за примерно половину моей месячной стипендии и приготовился ждать результатов конкурса. Ответ должен был прийти в мае; я был преисполнен оптимизма и тем временем поехал в продолжительную экспедицию по Центральной Азии.

Сейчас я прекрасно понимаю, что шансов у такой заявки не было никаких. Самое главное в любой академической заявке это проект, то есть несколько страниц текста с описанием задачи и важности предлагаемого исследования. Существуют толстые книги о том, как лучше писать такие заявки и как сделать их конкурентоспособными. Ничего этого я разумеется не знал, мой проект был написан по наитию и оттого по своим конкурсным качествам был, я полагаю, первым от конца. Дело осложнялось тем, что мой английский язык в то время был ещё очень далёк от желаемого уровня, да и обещанная поддержка кафедры была больше на словах, чем на деле. Таким образом шансов поехать в Брисбэн у меня было ровно ноль.

Но ничего этого я не ведал. Я удачно провёл свой полевой сезон в Туркмении, столкнулся там нос к носу с леопардом, вернулся в Россию с полными ящиками интереснейших жуков и приготовился ждать вестей из Австралии. Наконец в июле пришло известие, что моё заказное письмо из Москвы до Брисбэна шло четыре с половиной месяца и опоздало к

конкурсу совершенно безнадежно. "Ладно, - подумал я, - в следующий раз нужно посылать свои документы заранее".

Следующей зимой я стал вновь готовить свои документы на конкурс. На этот раз я посылал две заявки: снова в Университет Квинсленда и ещё один пакет в тропический центр Университета Джеймса Кука всё в той-же Австралии. Там работал мой коллега Бенджамин Джойс и в ответ на моё письмо он любезно сообщил, что с удовольствием поддержит мою заявку и представит её на конкурс. Эту последнюю заявку я посылал на государственный общеавстралийский конкурс и как это всегда бывает с государствами, мне следовало заполнить совершенно бесконечное количество разных форм и написать огромный проект на восьми страницах. По правилам этого конкурса иностранцы приглашались принимать в нём участие, однако при прочих равных предпочтение отдавалось австралийцу.

На этот раз я учёл свой прошлогодний опыт и отослал свои пакеты заранее и ускоренной почтой. На конкурс в Брисбэне я успел; разумеется его проиграл и вскоре получил от них письмо на бланке университета с вежливым отказом. Впоследствии я получал много такого рода отказных писем и все они были исключительно похожи друг на друга. Они всегда приходили в тонких конвертах и были написаны на одном листе бумаги. Сперва меня благодарили за интерес к их программе и за участие в конкурсе, затем сообщали, что заявок в этом году было исключительно много и что они искренне сожалеют, что на мой проект денег у них не осталось. Тем не менее этот отказ скорее воодушевил меня чем наоборот, ибо наконец я добрался до участия в реальном конкурсе, и мой пакет был рассмотрен наравне со всеми остальными. Заявке с Джойсом повезло меньше. Он прочитал её, немало удивился и, разумеется, посчитал безнадежно обречённой на провал и оттого на последнем этапе поленился переслать на конкурс. Уже затем он написал мне, что причиной тому было моё очень малое количество публикаций. К тому времени у меня из печати вышли всего две небольшие статьи, а Джойс уверял, что для приличного постдока их следует иметь не меньше десятка.

Моя защита диссертации затянулась и вместо положенных трёх лет я проболтался в аспирантуре пять с половиной. За это время я написал ещё три заявки на постдоки. Две из

них были посланы с интервалом в год в департамент энтомологии Смитсоновского Института в Вашингтоне и предполагали долгие полевые работы по тем же жужелицам в экзотическом Эквадоре. Ещё до отсылки первого письма я побывал в Смитсониане, мои друзья-энтомологи научили меня азам искусства написания подобных проектов и даже дали копию одного из них. Обе мои заявки были отклонены двумя одинаковыми и скучными письмами, подобными таковому из Австралии. В один немецкий фонд я послал проект годового исследования жуков Мадагаскара и тоже получил отказ. Положительным итогом всей этой возни был драгоценный опыт и всё более укрепляющаяся "упёртость" довести дело до победного конца.

Уже перед самой защитой диссертации я связался с профессором Клайдом Купером из университета Претории и сообщил ему о своём желании поработать с ним. Написать Куперу мне посоветовал мой канадский товарищ Брюс Мунро. Он знал, что у Купера постдоки появляются постоянной чередой. Купер занимался пластинчатоусыми жуками скарабами и в этой области был одним из самых известных и активных авторов. Я предложил Куперу сделать проект по личинкам жуков-жужелиц или жуков-стафилинов Африки. В ответ Купер написал, что если я хочу приехать к нему работать, то это могут быть только скарабы. Я согласился и затем с его помощью написал сразу две похожие заявки на общеуниверситетский и общегосударственный конкурс в Южной Африке.

Тем временем я защитил свою диссертацию в Москве, вернулся в свой родной Ростов-на-Дону и устроился на работу в противочумный институт. Через месяц пришёл отказ из немецкого фонда; ещё через две недели подоспел второй отказ из Вашингтона. Вскоре пришёл отказ из общегосударственного фонда Южной Африки. Итого за три года у меня накопилось восемь отосланных заявок: пять были отклонены, две не дошли до конкурса и результат ещё одной был пока неизвестен. В виду такого положения дел я твёрдо запланировал, что предстоящей зимой подготовлю и разошлю до десятка пакетов и буду делать это до тех пор, пока рано или поздно я не получу желанный постдок.

И вот однажды я зашёл в интернет-кафе на Пушкинской улице в Ростове-на-Дону проверить накопившуюся за неделю почту. Чаще делать это я не мог, ибо работа в противочумном институте часто задерживала меня допоздна. В моём ящике было

несколько сообщений и одно из них от Клайда Купера. В этом же зале парой недель раньше я уже получил один за другим два отказа и вот сейчас приготовился увидеть ещё один. Когда дошла очередь открыть сообщение Купера, то я прочитал следующее:

"Василий, Ваша заявка поддержана. Официальное письмо и приглашение будут отосланы почтой через пару дней. Сообщите, когда планируете приехать в Преторию. Постарайтесь успеть в экспедицию по Намибии в октябре. Клайд."

Эта книга есть история моего без малого трёхлетнего "жучино" постдока в Африке. Я надеюсь, что она будет интересна студентам и аспирантам для адекватного представления, что такое постдок и хотят ли они этого на самом деле. Ещё эта книга о бесконечном удовольствии от занятий энтомологией, бескрайности мира насекомых и о моих попытках сделать изучение жуков своей профессией. Я надеюсь, что читателю будет интересен мой небольшой опыт жизни в Африке, на этом крайне своеобразном и во многом трагическом континенте, о котором за его пределами известно очень и очень мало.

Рукопись этой книги была написана в селе Беневское на Дальнем Востоке России, куда я направился со своей женой Татьяной специально с этой целью сразу после возвращения из Африки. Финансирование моего постдока, а соответственно и сбора материалов для этой книги, происходило из постдокторанского фонда университета Претории и исследовательских проектов профессора Клайда Купера, за что я им искренне благодарен. Мои путешествия по Восточной Африке были частично профинансированы Канадским Музеем Природы в Оттаве, Музеем Естественной Истории в Чикаго и фондом Эрнста Майра Музея Сравнительной Зоологии Гарвардского Университета.

Глава 01

Несколько месяцев минуло между получением положительного известия от профессора Купера и моим отлётом в Африку. Всё это время я покупал билеты, получал визы и всячески готовился к предстоящей поездке, включая более внимательное чтение многочисленных научных работ своего будущего шефа и, кроме того, просмотр всей

доступной мне на русском языке литературы о континенте вообще и Южной Африке в частности. Последней, на удивление, было совсем немного, да и большинство книг было издано во времена советские и оттого были, как правило, политически ангажированные. Тогда я с удивлением узнал, что до прихода к власти Нельсона Манделы в 1994 году между нашими странами не существовало дипломатических отношений. Это обстоятельство, ровно как и экзотическая природа страны и материка, делало мою поездку особенно интересной.

О своем работодателе профессоре Купере я знал тоже сравнительно немного. В разных энтомологических журналах за последние несколько лет я разыскал два десятка его статей, часто в соавторстве. Почти все работы Купера были посвящены пластинчатоусым жукам. Это группа из тринадцати родственных семейств всеветно распространенных жуков с примерно 25-30 тысячами видов, что есть примерно 6-8% всего мирового разнообразия жуков. Ещё я знал, что Купер заведует кафедрой зоологии и энтомологии университета Претории и что за последние годы у него побывало немало аспирантов и постдоков из разных стран. Все они изучали те или иные аспекты морфологии пластинчатоусых жуков: жилкование их крыльев, строение ротового аппарата, форму репродуктивных органов, микроструктуру глаз и прочих систем органов. Купер использовал эти данные для выяснения родственных отношений между отдельными группами пластинчатоусых, что собственно и было основной задачей всех сравнительно-морфологических исследований. Профессор Купер брал меня постдоком в свою лабораторию, чтобы я занимался морфологией личинок различных представителей надсемейства прастинчатоусых и тем самым внёс дополнительный и новый пласт информации для исправления и улучшения филогенетического древа этих жуков. В своих немногочисленных письмах ко мне Купер был всегда немногословен и очень конкретен.

Сказать по правде, я не особенно желал заниматься личинками именно пластинчатоусых жуков. Дело в том, что отряд жуков есть фантастически большая и разнообразная группа животных и оттого специалист по одной подгруппе внутри отряда может знать очень мало или почти ничего о всех прочих подгруппах. Именно так и было в моём случае. Лет семь до и во время своей аспирантуры я работал с личинками жуков-жужелиц. В течении пары последних лет перед отлётом в Африку я всё больше и больше занимался жуками

стафилинами. В мире насекомых и жужелицы, и стафилины были очень далеки от пластинчатоусых жуков, и это означало, что мне потребуется осваивать почти совсем незнакомую группу жуков. Кроме того, на мой взгляд, личинки пластинчатоусых были далеко не самыми эстетичными и напоминали коротенькие и толстенькие немецкие колбаски, которые неуклюже двигаются в почве. Иными словами никаких персональных оснований для работы с личинками пластинчатоусых у меня в ту пору не было. В своём первом письме я предложил Куперу тему по личинкам стафилинов, однако он мне ответил, что его интересуют только пластинчатоусые и что он готов поддержать мой проект только по этой группе. Я размыслил, что лучше согласиться и поехать в Африку заниматься пластинчатоусыми, чем не поехать вообще. Кроме того я полагал, что оказавшись в Претории, я смогу по выходным отставлять своих "официальных" личинок в сторону и заниматься в своё свободное время другой более интересной мне группой жуков. В последствии я убедился, что это предположение оправдало себя вполне.

Наконец наступил день отлёта в Африку. Я попрощался с родными и друзьями и приготовился увидеть их не раньше, чем через два года. Таков был срок моего контракта в Африке и в этот период я не намеревался возвращаться на родину, ибо планировал проводить свои отпуска в путешествиях по этому континенту. Все мои вещи в дорогу уместились в одном рюкзаке. Среди прочего я вёз полный набор экспедиционного оборудования, включающий палатку, спальный мешок с теплоизоляционным дном, компактный примус и две портативные кастрюли. Пожалуй самой ценной частью моего багажа был старинный и очень хороший микроскоп с австрийской рисовальной насадкой начала XX века и небольшая коллекция личинок жуков в спирту и на микроскопических препаратах. Со мной находились около двадцати пробирок с личинками пластинчатоусых жуков, которых я взял с собой на исследование в Африку из коллекции Зоологического Института в Санкт-Петербурге, самого полного отечественного собрания жуков. Другую часть багажа составляли личинки жужелиц и стафилинов; их я намеревался изучать в Претории в свободное от основной работы время.

Прямого рейса из Москвы в ЮАР не существовало и поэтому я отправился сперва в Париж, и затем в Йоханнесбург. Мой самолёт вылетел из аэропорта Шарля де Голя уже в сумерках, пересёк Средиземное море и я с волнением осознал, что подо мной внизу

находится Африка. Ночью с воздуха Европа вся светится жёлтым электрическим светом. В продолжении всей моей первой африканской ночи я выглядывал время от времени в иллюминатор и только изредка видел красные огни костров. Когда рассвело, внизу показалась земля необычного красно-коричневого цвета. Пассажиры стали просыпаться, в салоне включили свет и принесли завтрак. Пилот самолёта по радио сообщил, что мы только что пересекли реку Лимпопо, оказались в воздушном пространстве ЮАР и что нам следует готовиться к посадке. Весь перелёт занял неполных 12 часов.

Я летел в Африку с большими планами. Самой главной моей задачей была, конечно, официальная работа с личинками пластинчатоусых. С тех пор как наша с Купером заявка на этот проект была подана, я понемногу начал приглядываться к этим жукам и малопомалу находил в них всё больше и больше интересного. Я рассуждал, что при искреннем отношении к изучаемой группе насекомых и при постепенном накоплении знаний по ней, группа эта рано или поздно станет мне по-настоящему интересной и мне не надо будет делать над собой усилие для работы с ней. Ещё я думал о том, что это и в самом деле интересно погрузиться в совершенно новую для меня область и начать работать с чистого листа.

Помимо чисто научной, меня немало волновала и социальная компонента моих предстоящих лет работы в Претории. До сих пор всю свою жизнь я только и делал, что учился: в школе, в университете и, наконец, в аспирантуре. Ни разу до сих пор мне не платили зарплату за мою работу с жуками, а лишь только стипендию. Постдок был самой настоящей работой со всеми её компонентами: ясной задачей, определёнными сроками выполнения, наличием начальника и моей отчётностью в форме научных статей. Работа эта предполагала проверку моей профессиональной квалификации и эта мысль меня немного волновала. Кроме того, я ехал в совершенно неизвестную страну на новую для меня кафедру работать среди десятков незнакомых людей и со всеми ими мне предстояло выстроить отношения. Подлетая к Йоханнесбургу, я совершенно твёрдо решил приложить по-настоящему максимум усилий, чтобы и профессионально, и социально моя работа и жизнь на новом месте сложились как можно лучше.

Другой моей задачей в Африке была неофициальная энтомологическая работа с личинками других жуков, не только пластинчатоусых. Я надеялся, что даже самая интенсивная работа над моим "официальным" проектом будет оставлять немного свободного времени, чтобы изучать насекомых интересных мне лично. Субботы и воскресения я планировал целиком посвящать этой неофициальной тематике, в то время как все пять рабочих дней будут заняты нашим с Купером проектом. Я полагал, что неразумно проводить абсолютно всё время, занимаясь пластинчатоусыми, ибо это неизбежно вызовет перенапряжение и чувство усталости от работы только с этой группой. Планируемая смена направлений работы позволит мне в выходные немного отдохнуть от официальной работы и оставит достаточно времени на выполнение собственных неофициальных проектов. В разнообразии таковых у меня никогда не было недостатка.

Ещё в продолжении своего постдока я намеревался много путешествовать. Особенность работы энтомолога предусматривает большое количество поездок для сбора насекомых в природе и для изучения коллекций в естественно-исторических музеях. По условиям контракта у меня имелись небольшие средства для международных поездок в продолжении моего постдока. Кроме того, я намеревался искать и получать деньги на свои поездки из различных частных и общественных научных фондов. Часть своего времени в Южной Африке я планировал посвятить привычному для меня делу написания заявок в эти организации на проведение своих экспедиций по континенту. В случае отказа, я был готов потратить на эти цели часть собственной зарплаты.

Отправляясь в Преторию я планировал использовать своё там нахождение как временную базу для проникновения и знакомства с близлежащими странами и континентами, в первую очередь с самой Африкой. Более всего мне хотелось посетить самые высокие вершины континента: горы Килиманжаро, Кения, Эльгон, Камерун, хребты Абердаре, Рувензори и вулканы Вирунга. Причина моего повышенного интереса к горам в том, что там почти всегда живут очень разнообразные и интересные жуки, которых мне хотелось поймать и изучить. Кроме того, за годы своих путешествий по Кавказу, Карпатам и Центральной Азии я здорово полюбил этот тип ландшафта и со временем потребность регулярных горных походов стала характерной чертой моего характера. Помимо континентальной Африки, в моём списке мест для посещения были острова Мадагаскар и

Занзибар; первый из-за уникальной фауны и флоры в результате длительной изоляции от континента; а второй был мне интересен как оплот мусульманства в тропической Африке. Помимо этого я надеялся иметь повод и возможность посетить некоторые музеи и энтомологические институты в Европе и Северной Америке, а так же съездить при случае в Австралию или Латинскую Америку. Глядя на глобус, мне казалось что из Претории до них несравненно ближе, чем из России.

Из этих размышлений меня вернул к действительности голос капитана самолёта:

"Мадам и месье. Наш самолёт произвёл посадку в международном аэропорту Йоханнесбурга. Местное время 10 часов 20 минут. Температура воздуха +28 градусов. Прослушайте, пожалуйста, информацию для транзитных пассажиров. Пассажирам, следующим на внутренние рейсы до Кейптауна, Порт Элизабет, Джорджа, Аппингтона и Дурбана просьба приготовиться к иммиграционному и таможенному контролю. Пассажирам, следующим на международные рейсы до Мапуту, Хараре, Булавайо, Водопадов Виктории, Габароне, Виндтука, Лусаки, Луанды и Антананариво, просьба пройти к соответствующим выходам в международной зоне аэропорта. Командир корабля и экипаж благодарят Вас за Ваш выбор авиакомпании Эйр Франс и надеются снова видеть Вас на нашем воздушном судне. Желаем Вам счастливого времяпровождения в Африке".

Глава 02

Мой работодатель Клайд Купер пообещал встретить меня в аэропорту Йоханнесбурга и на машине отвезти оставшиеся до Претории 70 километров. В ответ я написал ему, что опознать меня в толпе приехавших можно будет по высокому рюкзаку и характерной майке с рисунками жуков. Про себя Купер сообщил только, что он "седой парень с бородой". После минимальных пограничных и таможенных формальностей я получил свой багаж, вышел в зал для встреч и Клайд сразу подошёл ко мне. Ему было около пятидесяти лет; среднего роста, одетый в спортивного фасона синие трусы и безрукавку, с широкой и одновременно подвижной фигурой. Уже потом я заметил, что Клайд всегда ходит не просто выпрямившись, а отчасти даже выгнувшись назад и голова его при этом

запрокинута настолько, что борода всегда торчит вперёд и указывает прямо на собеседника.

- Добро пожаловать в Южную Африку, - сказал он, когда мы обменялись рукопожатиями.
- Это весь твой багаж? - он указал бородой на мой рюкзак. - Ну что-же, отлично, пойдём тогда на автостоянку. Я оставил машину в гараже внизу.

На эскалаторе мы спустились к подземной автостоянке, прошли вдоль рядов припаркованных машин и подошли к внушительных размеров внедорожнику. На его борту была укреплена красочная эмблема с профилем слона на красном контуре африканского континента и снизу было написано: "Природоохранительный фонд Mazda".

- Вот наша машина. Клади рюкзак в багажник и садись впереди. Это отличная модель. Через пару недель мы поедем на ней в экспедицию по Намибии, и там ты с ней познакомишься поближе.

После долгого перелёта и беспокойной ночи в узком кресле самолёта я чувствовал себя на редкость бодрым. Вероятно, причиной тому было возбуждение от осознания факта прилёта в Южную Африку. По дороге из аэропорта я всё старался разглядеть в окно признаки того, что это была действительно Африка. Автомобили двигались по левой стороне дороги и это обстоятельство потребовало от меня нескольких месяцев, пока я не научился правильно поворачивать голову при переходе дороги. Ландшафт за проволочными заборами вдоль дороги был достаточно однообразным: красноватая сухая земля с остатками прошлогодней высокой высохшей травы. Кое-где были разбросаны небольшие группы деревьев.

- Всё это чёртовы иммигранты. - сказал Клайд. - Я имею в виду эти деревья. Почти все деревья в Претории и в округе импортированы из Южной Америки или Австралии. Это эвкалипты. Сейчас начало весны и всю зиму, конечно, не было ни капли дождей. Скоро всё зазеленеет. Смотри - зебры. - он ткнул пальцем в сторону от дороги.

Клайд говорил на английском языке с едва уловимым акцентом. На въезде в огороженный кампус университета из будочки выскочил жизнерадостный чернокожий охранник в аккуратной белой форме и обменялся с Клайдом несколькими фразами на незнакомом мне языке. На мой вопрос Клайд ответил:

- Это Африкаанс; один из двух бывших государственных языков. На нём говорят буры - потомки голландцев. Я думаю, тебе он не понадобится.

Претория была первым увиденным мною южноафриканским городом. Первое что бросалось в глаза, это обилие на улицах чернокожих людей. Дома были большей частью невысокие, высотой в 2 - 3 этажа, сложенные из небольшого по размеру кирпича характерного красноватого цвета. Участки земли около домов были все за заборами такой высоты, что перелезть его было совсем непросто. На забора тут и там висели большие плакаты с изображением человека в форме и с мечом в руках. Под человеком большими буквами было написано: "Мгновенная реакция". Над некоторыми заборами дополнительно висели кольца колючей проволоки и несколько раз я замечал тонкие электрические провода, натянутые поверх заборов, и, очевидно, под напряжением. Было заметно, что забота о безопасности в этом городе есть дело серьёзное.

Университет Претории - самый большой и богатый в стране. Он компактно расположен в восточной части города и, стоит-ли говорить, окружён по всему периметру высоким металлическим частоколом с раздвоенными и заострёнными верхушками. Впоследствии мне не раз пришлось убедиться, что для воришек компьютеров и велосипедов этот забор препятствием не служил, однако очень эффективно мешал мне возвращаться домой в поздний час, когда его магнитные вращающиеся двери любили выходить из строя. Учебный год был во второй половине, лекции шли в самом разгаре, и по кампусу университета бродили толпы вечно юных студентов, прижимая к себе неизменные учебники. Клайд зарулил на крытую автостоянку и указал пальцем на двухэтажное здание с надписью "Диеркунде".

- Это наша кафедра. Бери свой рюкзак и пойдём. Я покажу тебе твой кабинет и познакомлю с народом.

Здание кафедры зоологии и энтомологии образовывало квадрат с внутреннем двориком, где стояло ещё два одноэтажных маленьких домика, в которых физиологи держали своих подопытных животных для экспериментов. В холле на первом этаже висело огромное живописное и стилизованное изображение африканской саванны с целой коллекцией различных животных. Центральное место в композиции занимал гигантский навозный жук-скарабей и его шар. На заднем плане стоял несоразмерно маленький слон. Клайд заметил мой восхищённый взгляд:

- Это я пригласил художника, чтобы он нарисовал представителя каждой группы животных пропорционально их важности и суммарной биомассе. Вот и получилось, что насекомые и вообще членистоногие самые многочисленные и оттого самые большие на рисунке. Совсем не то, что эти волосатые и вонючие млекопитающие. Ясное дело что из насекомых мы выбрали скарабея. Нет сомнений, что пластинчатоусые, особенно навозники, самые эстетичные среди всех жуков.

Я подумал, что стафилины или жужелицы ничуть не хуже, однако вслух этого не сказал. Мы поднялись на второй этаж, обогнули несколько углов коридора, прошли мимо огромного скелета слона и Клайд открыл своим ключом один из кабинетов. Это была небольшая комната, разделённая переносной ширмой на две части, в каждой из которых стояли столы, а посередине лежало несколько мешков с песком. Людей в комнате не было.

- Вот, Василий, это твой кабинет. Вот твой компьютер. На песок пока не обращай внимания. Мы привезли его в прошлый раз из Намибии чтобы разводить на нём Пахизом. Здесь вас будет двое. В этом углу сидит Боб Браун; он сейчас на Мадагаскаре и вернётся через неделю. Если хочешь, ты можешь оставить сейчас здесь свои всякие рабочие вещи. Ты вроде писал, что привезёшь микроскоп. Одним словом, я зайду за тобой минут через двадцать и отвезу на твою квартиру. Кстати, вот тебе... - Клайд полез в карман и вынул несколько разноцветных банкнот. - здесь 200 рэндов; на первое время должно хватить, а завтра тебе наверняка дадут уже аванс. Ничего, потом отдашь. У нас на кафедре ещё никто с голоду не помирал. - Он довольно хмыкнул. - А пока пойдём, я познакомлю тебя с людьми.

Клайд быстро представил меня нескольким сотрудникам кафедры, имена которых я, конечно, сразу забыл. Я знал, что в настоящее время у него было ещё двое молодых сотрудников вроде меня: девушка из Колумбии и парень из Новой Зеландии. Оба они были его аспирантами и писали свои диссертации по родственным отношениям различных групп навозных жуков. Ещё был постдок из Соединённых Штатов, но он недавно нашёл себе постоянную преподавательскую работу в Северной Каролине и вот-вот должен был уехать туда. Я попросил Клайда представить меня этим людям.

- Да, конечно, пойдём. - сказал он. - Джероми улетает через неделю и сегодня его нет. Кармен тоже в отъезде, а вот Джон должен быть у себя в кабинете. Давай я отведу тебя к нему быстро, да нам надо уже спешить. У меня сегодня ночное дежурство по кварталу.

Кабинет Джона и Кармен был прямо напротив моего. Джон был один и сидел за столом с разобранными на части жуками. Лет ему казалось слегка за 30. С нашей первой встречи и до сегодняшнего дня Джон в моём сознании прочно ассоциировался с немного кинематографическим идеалом мужественности, открытости и прямоты. Внешне этому способствовало его многолетнее увлечение спортом, среди прочего культуризмом. Значительно позже Джон сказал мне, что в своей ранней молодости он участвовал в финале новозеландского чемпионата по этому виду и занял там не последнее место. Действительно, при первом знакомстве он производил немного устрашающее впечатление своими размерами и формой, если-бы не открытое и исключительно доброжелательное выражение лица. Внешне Джон напоминал Спартака в одной из киноверсий. Ещё до поступления в южноафриканскую аспирантуру он успел немало попутешествовать по Новой Зеландии, Новой Гвинее, без вреда для себя побывал в знаменитом своими преступлениями Порте Морсби и совершил две месячные экспедиции в верхнем течении Амазонки. "Чуть не сдох в тот раз" - всегда добавлял он и рассказывал, как он с товарищем заблудились на каноэ в Эквадоре и несколько дней питались всякой дрянью. Джон был сильно увлечён жуками-навозниками и бросил приличную государственную службу в Окланде, чтобы приехать в Преторию и делать диссертацию по этой теме. После защиты он планировал пригласить в Африку съёмочную группу BBC делать полнометражный

фильм о поведении этих жуков и по воскресеньям писал для него сценарий. В ответ на представление меня Клайдом, Джон поднялся из-за стола и широко улыбнулся:

- Привет, Василег, - сказал он с ударением на последнем слоге и моя кисть утопла в его могучей руке. - Наконец-то ты приехал; мы все тут тебя ждали. Надо же в конце концов, чтобы кто-то разобрался с этими чёртовыми личинками!

- Его зовут Василий, Джон, Василий! - поправил Клайд.

- Васи...лег, - с усилием и старанием произнёс Джон. - Хорошее имя!

С тех пор я так и остался для Джона Василегом, однако и это было слишком длинно и со временем я редуцировался до сперва Вас, а затем до Вэз. Я не пытался исправить Джона, полагая, что людям виднее, как меня называть. Впоследствии я ввел себе правило внимательно прочитывать разные официальные документы, приготовляемые Джоном, и исправлял там написание моего имени. Через несколько месяцев я настолько привык к своим новым именам, что стал ими подписывать свои послания для Джона и других моих новых англоязычных друзей.

Этой ночью я лежал в кровати в небольшой комнате университетского общежития и старался разобраться в обилии впечатлений и эмоций от моего первого дня в Африке. Мне нравилось здесь абсолютно всё: и кафедра, и университет, и супермаркет неподалёку, куда я успел забежать за продуктами вечером и потратить часть денег Клайда, и даже тема моей будущей работы. В глубине души я не переставал удивляться, с какой это стати университет Претории согласился взять меня на эту совершенно академическую и неплохо оплачиваемую работу. Затем я снова подумал, что мне предстоит трудиться над совершенно для меня новой группой жуков, читать новую литературу, разыскивать личинок этих жуков по зарубежным музеям и вообще работать над своим проектом. На самом деле в работе этой было много пока непредсказуемого и я критически взвешивал свои шансы с работой этой справиться. "Завтра-же надо начинать" - подумал я. Я полагал, что искреннее отношение к поставленной задаче так или иначе обернётся хорошим результатом. А ещё я намеревался находить время для своих собственных неофициальных

исследований личинок других интересных мне групп жуков и делать это так, чтобы не страдала основная работа. И ещё хорошо бы было успеть как следует попутешествовать по Африке. Я вспомнил слова Клайда, что мой сосед Боб Браун сейчас на Мадагаскаре. "Счастливчик", - подумал я и в ту же минуту уснул.

Глава 03

Если ты, дорогой читатель, ещё не окончательно потерял свой интерес к моему повествованию, то тогда я решусь совершить небольшое отступление от хроники моего африканского постдока и подробнее рассказать о сути моей работы с жуками. По совершенно непонятным причинам меня с раннего детства интересуют жуки. Причина этой сомнительной страсти мне неведома, однако я точно помню, когда она вспыхнула с полной силой и продолжает "пылать" по сей день. Одиннадцати лет от роду, я получил в подарок от своего дяди по отцовской линии русское издание книги Жана Анри Фабра "Жизнь насекомых" и с тех пор я отмечаю этот день, как начало своей энтомологической карьеры. В старших классах школы я прилично пренебрегал уроками в угоду весенним экскурсиям за жуками в окрестную ростовскую степь и круглогодичным занятиям в кружке натуралистов местного зоопарка. Свой школьный выпускной вечер я пропустил, отправившись за жуками в самостоятельную экспедицию на Кавказ. Пять лет учёбы в университете и ещё пять лет в аспирантуре сделали из меня профессионального жуковеда с большим опытом экспедиций и переворачивания тяжёлых камней и с чрезвычайно малыми шансами трудоустройства по моей экзотической специальности. Зайдёшь так, бывало, в кабинет к потенциальному работодателю и спросишь: "Вам нужен жуковед?" Люди сперва удивлялись, а затем говорили что нет, не нужен. Вот поэтому работы мне приходилось искать по всему свету и Южная Африка оказалась первой страной, которой я понадобился.

Но, шутки в сторону. Жуки - это отряд класса насекомых. Жуков на свете известно около 350 тысяч. Птиц, к примеру, известно в 35 раз меньше. В отличии от птиц, среди жуков есть ещё очень много неизвестных новых видов, особенно в тропических лесах и горах. Реально ожидать, что всего жуков никак не меньше миллиона видов. Да и имеющиеся 350

тысяч есть уже огромное разнообразие и необходимо его классифицировать, выделить и назвать разные подгруппы и вообще построить системы отряда, где каждый вид занимал бы своё строго определённое положение среди родственных ему видов. Между видом и отрядом в системе жуков есть ещё несколько иерархических категорий; виды объединяются в рода, близкие роды - в трибы и надтрибы, и все они - в семейства и надсемейства. Всего семейств жуков около 170, среди них есть состоящие всего из одного или нескольких видов, большинство включает от нескольких сот до нескольких тысяч, и самые крупные, такие как стафилины или долгоносики, объединяют десятки тысяч видов. Отряд Жуки - это группа эквивалентная прочим отрядам насекомых, например Бабочки, Стрекозы, Мухи. В Претории мне надлежало заниматься пластинчатоусыми жуками. Это была группа из тринадцати родственных семейств с несколькими тысячами родов и примерно тридцатью тысячами видов.

Далее. Жуки есть насекомые с полным превращением и, подобно бабочкам, их личинки совершенно не похожи на взрослую особь. Личинка эта вылупляется из отложенного самкой яичка, ползает, питается, растёт, несколько раз линяет, сильно увеличивается в размерах и накапливает питательные вещества. Если личинке повезёт и её не съедят паразиты или хищники, то в конце развития она находит себе укромное место где нибудь в земле или под корой, линяет там последний раз и превращается в неподвижную куколку. Некоторое время эта куколка покоится и в организме насекомого происходят удивительные превращения практически всех систем органов. Из куколки вылупляется взрослый жук способный к полёту и размножению. Отсюда и происходит название "полное превращение", в то время как развитие прочих групп насекомых, таких как тараканы и клопы, проходит без стадии куколки. Это изучают в начальной школе и если мой читатель раньше этого не знал, то, значит, в школе он валял дурака.

Теперь о целях моей работы в Южной Африке. Разнообразие жуков нужно классифицировать, то есть отнести родственные виды в рода, рода в трибы и трибы в семейства и подсемейства. В пределах одного семейства могут быть несколько десятков подсемейств. Группировка жуков происходит на основании их родства, при этом наиболее родственные виды объединяются в один род, группа других родственных видов - в другой, а родственные рода объединяются в трибы. Иными словами выстраивается

филогенетическое дерево, где виды представлены листьями, рода - тонкими веточками с этими листочками, семейства - толстыми ветвями и дальше по аналогии.

"Зачем - спросите вы, - всем этим заниматься? Ведь существует же уже классификация и все виды отнесены в роды, а роды - в семейства." Да, существует. Беда в том, что существующая система остаётся ещё очень и очень несовершенной и её надо критически проверять и исправлять. Очень часто бывает, что род жуков относят к тому или иному семейству на основании поверхностных и оттого второстепенных признаков и он остаётся в этом семействе лет сто, пока другой критический жуковед не посмотрит на этот род внимательно и не выяснит, что он принадлежит к совершенно другому семейству. Или, предположим, имеется род жуков с несколькими сотнями видов внешне похожих между собой, а после внимательной ревизии оказывается, что род этот был искусственно образован и в его составе есть несколько неродственных групп видов, каждую из которых необходимо выделять в отдельные роды. Такую критическую работы нужно проводить и перепроводить постоянно со всеми жуками, отчего филогенетическое дерево отряда будет постоянно улучшаться и всё более полно отображать тот единственный и уникальный путь, которым на самом деле проходило эволюционное развитие жуков.

Итак, родство есть единственный критерий группировки всех живых организмов вообще и жуков в частности. Мерилом родства служит, в несколько упрощённом виде, степень похожести одного организма на другой. Считается, что чем больше один вид жука похож на другой и чем больше у них одинаковых признаков, то тем более они родственны. Основным источником признаков для сравнения у насекомых всегда было и остаётся внешнее строение взрослой особи. В идеале, конечно, нужно сравнивать не только морфологию взрослого насекомого, но и таковую их яичек, личинок, куколок, особенности поведения, биологии, физиологии всех стадий и все остальные поддающиеся сравнению признаки, вплоть до последовательности нуклеотидов в молекулах ДНК. Реальность, тем не менее, такова, что из-за нехватки сил и средств во многих семействах жуков за последние сто лет не было предпринято даже сравнения внешних признаков взрослых особей, в то время как личинки подавляющего числа видов вообще неизвестны, а исследования физиологии и биохимии начаты только для совсем немногих видов. Причина

такого положения дел очевидна. Такая работа не приносит непосредственной и скорой практической выгоды, и оттого большого приоритета она не имеет.

Пластинчатоусые жуки, которыми всю свою жизнь занимался Клайд, есть своеобразное исключение с том смысле, что от знания их разнообразия и биологии человеку есть прямая и непосредственная польза. Среди них есть крупная группа жуков, которые питаются исключительно навозом и оттого имеют большой экономический эффект как его утилизаторы и очистители пастбищ. Иллюстрацией тому было жалкое положение на австралийских фермах в первой половине двадцатого века, когда на континенте в невероятных количествах размножился европейский скот. Фауна млекопитающих Австралии в своём естественном виде имела из травоядных разве что кенгуру, и оттого немногочисленные и мелкие нативные австралийские навозные жуки совершенно не могли справиться с переработкой тысяч тонн навоза от расплодившихся коров и овец. Пастбища со временем оказались покрытыми сплошной коркой сухого навоза и скотине стало нечего есть. На неубранном свежем навозе развивались миллионы мух и их несметные полчища создавали дополнительные неудобства. Проблема с утилизацией навоза в Австралии была успешно решена, когда туда привезли и выпустили навозных жуков из сходных по климату районов южной Африки. Фауна навозников Африки разнообразна чрезвычайно и вполне справляется с утилизацией отходов миллионных стад копытных животных на этом континенте. Что-же касается австралийских навозных мух, то помимо пластинчатоусых, из Африки были интродуцированы жуки-карапузики, личинки и взрослые особи которых встречаются на падали или свежем навозе и питаются почти исключительно личинками мух. Таким образом африканские жуки спасли жителей Австралии от незавидной участи утонуть в навозе и быть съеденными полчищами мух.

Однако большинство пластинчатоусых жуков для человека экономически либо безразлично, либо вредно. Личинки многих видов живут в почве и питаются корнями растений, что приводит к значительным потерям урожая. Особенно страдает сахарный тростник, посадки молодых деревьев и ещё корты для гольфа. На них личинки рода Афодиус выедают корни на квадратных метрах газонной травы и это приносит приличные убытки владельцам кортов. Так или иначе, пластинчатоусые среди прочих жуков есть одни из наиболее значимых и это обстоятельство, вместе с большими академическими

заслугами профессора Купера и его авторитетом положительным образом повлияло на решение университета Претории выделить средства на их изучение. В свою очередь Клайд решил, что пора посмотреть на их личинок и тут как раз подвернулся я.

Таким образом, темой моей работы было изучение морфологии личинок пластинчатоусых жуков и критический пересмотр существующей классификации на основании моих новых данных. Новизна работы была в том, что в отличие от взрослых жуков, морфология личинок была практически полностью неизученной. Конечно, не могло идти и речи об исследовании личинок всех тридцати пяти тысяч видов. Моей задачей было изучить личинок примерно сотни видов, которые представляли бы все основные подразделения пластинчатоусых жуков, выделенных предыдущими исследователями на основании морфологии взрослых особей. Мне предстояло сосредоточить в своих руках необходимый для исследования материал, а для этого следовало запросить или посетить лично все основные естественно-исторические музеи мира и получить от них необходимых мне личинок. Задача эта уже сама по себе была нелёгкая, ибо для трёх из тринадцати нужных мне семейств личинки пока не были известны вообще, а для оставшихся десяти личинки были известны крайне неравномерно. Для большинства интересующих меня групп личинки были собраны всего один или несколько раз из далёких и экзотических мест, вроде Огненной Земли, Центральной Азии или Новой Каледонии. Всех этих редкостных личинок нужно было разыскать в коллекциях и сравнить заново по всем системам органов: головная капсула, усики, верхние и нижние челюсти и губы, грудь, три пары ног, брюшко. Моей задачей было найти все возможные отличия в морфологии, на этом основании проанализировать степень родства между представителями разных групп и сделать заключение о классификации изученных организмов. Мой отчёт о всей работе на постдоке должен был быть в форме большой академической статьи по этой теме с подробными морфологическими рисунками изученных структур, списком признаков, их анализом и финальным филогенетическим деревом. Рукопись этой статьи должна была быть послана в один из уважаемых энтомологических журналов, пройти там рецензию у анонимных специалистов по филогении пластинчатоусых и затем редактор журнала принял бы решение о том, стоит или не стоит эту рукопись в журнале печатать. Если замечаний будет мало и статья будет принята в печать, это будет означать, что моя работа была выполнена должным образом и с задачей своего двухгодичного постода я справился вполне.

Таким было положение дел с моим предстоящим проектом в Южной Африке. Моей первой задачей было получение личинок максимально большого числа семейств, подсемейств и триб пластинчатоусых жуков. Информацию о наличии этих личинок в том или ином музее я должен был почерпнуть из многочисленных и пока мне неизвестных статей напечатанных по всему миру за последние полсотни лет. Как правило, одна такая статья имеет описание и рисунки той или иной интересной личинки и обязательно указывает, в какой из музеев эти личинки затем были отправлены на постоянное хранение. Затем мне предстояло связаться с кураторами этих музеев и убедить их прислать мне эти личинки на изучение. Очень часто кураторы не могут или не хотят искать пузырьки с нужными мне личинками среди тысяч других подобных пузырьков и тогда мне следует самому ехать в эти музеи на поиски материала. Часть нужных мне личинок находится у частных лиц, и мне их тоже надо было убедить расстаться с их сокровищами и прислать мне их на изучение. Таким образом, моя первая трудность была с накоплением необходимого материала в своих руках, и задача эта была отнюдь не из лёгких.

Была ещё и вторая серьёзная сложность. Я опасался, что даже если я получу необходимых мне личинок, то не смогу обнаружить среди них достаточного количества морфологических различий для принятия осмысленного решения о родственных отношениях. Несколько раз за последние несколько лет я приглядывался к личинкам пластинчатоусых и все они на первый взгляд казались исключительно похожими. Я от души надеялся, что более тщательное изучение деталей их строения под микроскопом позволит со временем найти достаточное количество признаков для анализа; однако это была именно надежда и отнюдь не уверенность. Таким образом, к началу моего постдока было по меньшей мере два принципиальных вопроса и оба они требовали немедленного решения: смогу ли я получить необходимый мне материал и удастся ли обнаружить у личинок достаточное количество отличий. От этих двух вопросов во многом зависело справлюсь ли я со своей работой или нет.

Глава 04

Наутро я проснулся довольно рано, наскоро позавтракал купленными накануне на деньги Клайда продуктами, завернул с собой два бутерброда на обед и пошёл на работу. Моё общежитие было всего в полутора километрах от кафедры зоологии и энтомологии, однако мне стоило некоторого труда сориентироваться на незнакомом университетском кампусе и отыскать нужное мне здание кафедры. По причине раннего утра студентов было ещё совсем мало и на газонах вдоль тротуаров степенно расхаживали крупные ибисы на высоких ногах. Они засовывали свои длинные клювы в аккуратно подстриженную газонную траву, не улетали, а только недовольно косились когда я прошёл рядом с ними. Перед зданием нашей кафедры росло четыре старые джакаранды родом из Южной Америки и в это время была как раз пора цветения. Дворники ещё не успели сделать свою дневную работу, и оттого тротуар перед главным входом был покрыт опавшими за ночь мелкими фиолетовыми цветами и от их запаха воздух имел ощутимую плотность.

Кафедра ещё не начала работать, и входная дверь была закрыта. Я отпер её своим ключом, поднялся на второй этаж и проследовал в свой кабинет мимо знакомого скелета слона. Вчера Клайд успел объяснить мне свои требования касательно трудовой дисциплины. Он сказал, что никого не волнует когда и насколько я прихожу или ухожу, и я полностью свободен определять продолжительность и интенсивность своей работы. Доступ на кафедру и в мой кабинет был круглосуточным все дни в году. Главное, чтобы мой основной проект был выполнен хорошо и вовремя. Мне такое положение дел было очень по душе.

Первым делом надлежало навести в моём кабинете порядок. Мне понадобилось с десятков ходок к ближайшему мусорнику, чтобы освободить пол от намибийского песка. Мой микроскоп в дороге был завёрнут в несколько слоёв старых футболок и прочей ветоши, чтобы предохранять его от сотрясений. Одну из этих тряпок я употребил на уборку пыли и мытья полов в кабинете, после чего выложил в пустой шкаф свои немногочисленные книги и ящички с коллекциями личинок жуков на микроскопических препаратах. Микроскоп я прикрыл пластиковым пакетом для защиты от пыли и поставил его на угол стола. Затем развесил на стене фотографии важных для меня по разным причинам людей, среди них моих родителей, друзей студенческой поры, моих жучиных коллег, Чарльза Дарвина и будущей жены Татьяны. С ней я познакомился лет пять назад во время учёбы в

московской аспирантуре. Там она делала филологическую диссертацию об аллюзивных особенностях англоязычного текста. Через пару месяцев после первой нашей встречи я уехал в полугодовую экспедицию по Центральной Азии и Кавказу, а вернувшись в Москву, успел вовремя, чтобы проводить Таню на годичную стажировку в Калифорнию. Когда она вернулась в Россию, мне ещё оставалось провести полгода в Канаде, теперь уже на своей стажировке. Счастливы мы были, что по пути в Россию Таня смогла заехать ко мне на месяц в Оттаву. Так мы и продолжали с тех пор разъезжать по своим профессиональным делам и в среднем проводить вместе по месяцу в год. Когда я уезжал в Африку, Таня уже полгода как находилась в Великобритании. Мы надеялись, что она со временем сможет приехать ко мне в гости в Преторию. Я с приличной долей грусти подумал о нелепости современной академической жизни, которая заставляет каждого из нас, как одержимого, ездить из одного университета в другой и из одной страны в другую дабы не отстать от постоянно уходящего поезда карьеры и не позволяет создать такой естественной институт, как семья. Я поспешил прогнать эти мысли прочь; в самом начале двухгодичного постдока думать о грустных вещах совсем не следовало.

Раздался стук в дверь и в мой кабинет вошла белокурая женщина:

- Здравствуйте, доктор Гребенников. - сказала она. - Я - Ирэн Бэйли, секретарь кафедры. Помните, я несколько раз отвечала на ваши письма, когда профессор Купер был в отъезде? Как вы устроились?

Я ответил, что устроился отлично и вот-вот надеюсь приступить к работе.

- Отлично. - сказала Ирэн. - Сейчас звонили из международного отдела университета. Они хотят сегодня встретиться с Вами. По моему, оформить какие-то бумаги касательно прилёта и ещё выдать аванс. Когда Вы будете свободны, я им позвоню и скажу, чтобы они за Вами пришли. Так что решайте сами, когда Вам удобнее этим заниматься.

Я поблагодарил Ирэн, сказал, что готов прямо сейчас, и в следующие полтора часа как-то исключительно быстро подписал какие-то бумаги, получил магнитную студенческую карточку для прохода через внешнюю ограду университета и, самое важное, чек на три

тысячи южноафриканских рэндов. Затем в банке неподалёку я открыл счёт, обналичил этот чек и засунул в карман тугую пачку разноцветных банкнот с изображениями африканских животных. Во время всей этой процедуры меня не покидала мысль, что мне платят деньги за ещё не сделанную работу по личинкам жуков, и я от души надеялся работу эту сделать.

Когда несколькими часами позже я шёл по коридору на своё рабочее место, Джон окликнул меня из своего кабинета напротив:

- Василег, пойдём пообедаем вместе?

Мы взяли свои пакеты с бутербродами, обогнули здание кафедры, прошли под аркой и скоро очутились в одном из сравнительно безлюдных уголков университетского кампуса. Джон сошёл с тротуара на газон, уселся на скошенную траву под пальмовым деревом и знаком предложил мне следовать его примеру. Я скинул ботинки и с удовольствием растянулся в тени дерева.

- Ну что, нравится тебе здесь? - спросил Джон.

Я сказал, что пока нравится очень и что я жду-не дождусь поскорее организовать своё рабочее место, закончить всю бумажную волокиту с разными документами в администрации университета и поскорее взяться за свою работу.

Джон жевал большой кусок своего бутерброда и только одобрительно кивал головой. Я спросил, как давно он тут и нравится ли ему в Претории.

- Ужасно давно, уже второй год. - он помолчал немного, собираясь с мыслями. - В общем, конечно, подходящее место; особенно если бредишь навозниками. Да, ничего себе местечко, если не считать нищенской стипендии и ещё того, что шеф регулярно выходит из себя. Ничего, ты всё это скоро сам узнаешь. Впрочем, ты тут на постдоке, то есть белая кость, не то, что я - презренный батрак-аспирант. Стипендия у тебя должна быть повыше. Ах, Впрочем, ерунда, место на самом деле просто отличное.

Я спросил, что у него за тема работы. Джон уже прикончил свой бутерброд, перевернулся животом вниз и зажмурился на солнце:

- Погода здесь отличная..., почти такая-же хорошая как и в Новой Зеландии..., не то что это дерьмо в Англии... Что за тема? Филогенетические отношения африканских навозников по морфологии взрослых жуков. Клайд хотел, чтобы я ему делал ещё и их личинок, но я отказался. И так работы по горло. У меня примерно тридцать видов для анализа..., по одному виду из каждого рода..., я их разобрал на части и теперь вот делаю таблицу с признаками. На этой неделе я должен завершить всё про голову; потом возьмусь за грудь. Долгое это дело, но пока всё получается. За оставшиеся два года должен успеть написать этот чёртов диссер.

Джон рассказал, что он родился в Великобритании и через два года его отец поехал работать инженером в Папуа-Новую Гвинею. Там он проектировал и прокладывал линии электропередач в горах, а Джон и его старший брат Гарри росли, купались в тёплом океане и катались на досках и прибое. Лет десять спустя семья перебралась в Новую Зеландию. Там Джон закончил школу, поступил в университет и затем устроился работать в исследовательский институт. Однако страсть к путешествиям не давала ему покоя, и он отправился на год в Аргентину преподавать английский язык и оттуда совершил две продолжительные экспедиции по верховьям Амазонки. Желание заниматься навозными жуками и необходимость получения учёной степени привели его в Преторию, единственное на Земле, по словам Джона, место, где он может делать интересующую его диссертацию под руководством Клайда. Здесь он ничего не платит за учёбу и даже получает небольшую стипендию вполне достаточную, чтобы еле-еле свести концы с концами. Полгода назад Джон женился. Его жена была из Великобритании и потому не имела права работать в Южной Африке. После нескольких месяцев отчаянных попыток прожить вдвоём на его стипендию и усилий жены подзаработать немного нелегальными частными уроками английского языка было принято решение отправить жену в Манчестер дожидаться там Джоновой защиты и приезда. Сейчас Джон жил недалеко от университета в частном коттедже, который он арендовал вместе с двумя другими молодыми британцами. Один из них был мой сосед по кабинету Боб Браун, в это время

путешествующий по Мадагаскару, а второй - аспирант-геолог. Большая часть жизни Джона прошла на берегу океана и он очень тяготился, что из Претории нужно было ехать целый долгий день до берега тёплого Индийского Океана.

- Ну, ничего, - сказал он. - Вот через пару месяцев Клайд поедет в Швецию и тогда мы спокойно и без лишних вопросов сможем съездить в Кози Бэй. Это отличное место, прямо у самой границы с Мозамбиком. Прекрасное ныряние с маской, километры белого песка, прибой и тёплый океан. Честно говоря, я уже совсем измучился сидеть в этом окаянном городе.

На высокий цветок возле нас села ярко-жёлтая птица чуть побольше воробья, растопырила крылья, нахохлилась и, трясясь всем телом, издала серию очень громких чирикающих звуков. Затем резко взлетела и через несколько секунд вернулась вновь. Джон указал на неё:

- Это жёлтый бишоп. Замечательная тварь. Это, конечно, самец. У него здесь своя территория и он её охраняет от других самцов. Вот его гнёзда. - Джон ткнул пальцем в направлении группы из пяти аккуратных травяных мешочков, которые, как груши, висели на самых кончиках тонких ветвей. - Там сидят самки на яйцах. Этот бишоп строит гнёзда и затем зазывает туда самок. Чем больше, конечно, тем лучше. Вот этот один из самых удачных; у него целых пять. А бывает что и семь, и восемь. Ты представь, сколько нужно сил для такой жизни. Бедный самец, я бы на его месте давно загнулся.

- Так что вот, - продолжал Джон, - съездим на Индийский Океан. Кармен и Хосэ-Луиз тоже, скорее всего, поедут. Это её муж. Он занимается кораллами и сейчас они поехали на пару недель отдохнуть и покупаться в Индонезию, на остров Бали. Я бы тоже куда-нибудь поехал, да только у меня денег нет, да и диссер этот чёртов делать надо. Ну ничего, вот вы совсем скоро поедете в Намибию, а я сметаюсь в это время в Цицикаму за Сцелиагесами.

Я спросил Джона почему он сам не едет в Намибию, и кто такие Сцелиагесы в Цицикаме.

- Клайд не берёт, да я и сам не хочу. Я был там с ним год назад. Он каждый год туда ездит. По моему, поедешь ты, Клайд, Кармен и Роза. Роза - это совсем молодая студентка Клайда; я тебя с ней познакомлю. А Сцелиагес - это род навозников, которые вместо навоза ловят каким-то образом огромных многоножек, закапывают их в землю и, похоже, делают из них шары для своих личинок. Насчёт шаров это только предположение. Я сам видел, как они закапывают мёртвых многоножек, но пока ни их подземных гнёзд, ни, кстати, личинок... никто их не видел. Это мой дополнительный проект. Ты же понимаешь, Клайду нужно побольше статей из моей тут работы. Пару статей я напишу по материалам диссера и Клайд, конечно, будет вторым автором. Вообще-то он ничего там не делал, просто он считает что так положено. Вот, а ещё он сказал, что этого всё равно мало и что мне нужно сделать ещё один дополнительный проект, и тогда я выбрал этих Сцелиагесов. Это будет ревизия рода. Там всего шесть видов и все они живут на юге Африки. Я уже нашёл один новый вид, изучил почти все типы и сейчас делаю их биологию. А Цицикама - это отличный национальный парк недалеко от Кейптауна и там живёт один вид. Клайд очень хочет, чтобы я нашёл их выводковую камеру и подтвердил, что они на самом деле кормят личинок не навозом, а многоножками. Если так, то тогда это настоящее открытие. Я держал этих жуков в садках, они отлично ели многоножек, но гнёзд почему-то не делали. Одним словом, Клайд даёт мне университетскую машину на неделю съездить в Цицикаму и снова поискать их гнёзда. Кстати сказать, тут недалеко есть ещё одно место, где много Сцелиагесов, всего два часа езды. Если хочешь, мы с тобой туда когда-нибудь съездим.

Вечером того-же дня я зашёл в кабинет Клайда и попросил у него на время всю его литературу по пластинчатоусым жукам и их личинкам. Несколько раз я ходил из его кабинета в свой и перетаскивал пачки книг и толстые папки журнальных отрисовок. В двух отдельных папках, каждая киллограмм по пять, были собраны статьи про личинок и мне предстояло прочитать их в первую очередь. Я не пытался скрывать перед Клайдом, что группа эта для меня совершенно новая и, прежде чем я приступлю непосредственно к работе, мне многое надо ещё прочитать. В первую очередь, мне следовало составить представление о существующей классификации надсемейства пластинчатоусых жуков и определить, личинки каких групп могут быть получены на исследование. Затем мне предстояло запросить коллег по всему миру присылать мне материал. В самом лучшем

случае первые посылки с личинками начнут прибывать месяца через три-четыре. Я с радостью подумал о том, как хорошо, что я привёз с собой небольшую подборку личинок из коллекции Зоологического Института Санкт Петербурга и Музея Естественной Истории Парижа, где я останавливался на неделю по пути из России в Южную Африку. Пока кураторы музеев будут высылать мне необходимый материал, я уже имею небольшое количество личинок для первого знакомства с их весьма своеобразной морфологией. Помимо представителей большинства широко распространённых групп пластинчатоусых жуков, у меня с собой было несколько настоящих редкостей из Центральной Азии, которые были собраны больше ста лет назад экспедициями Федченко и Грум-Гржимайло. Кроме того, из Парижа я привёз отличную подборку личинок сахарных жуков Пассалид. Я думал о том, что мне будет крайне желательно посетить ещё Музей Естественной Истории в Лондоне и Смитсоновский Институт в Вашингтоне, где сосредоточены одни из самых крупных коллекций насекомых со всего мира. Пожалуй, стоит запланировать поездку туда после первого года в Южной Африке. Так или иначе, я самым искренним образом надеялся реализовать в Претории все свои планы на постдок, включая официальную работу по пластинчатоусым, свои частные проекты по личинкам других групп жуков и ещё интенсивные путешествия по Африке и миру.

После обеда с Джоном я углубился в чтение полученных от Клайда статей и не заметил, как за окном стемнело. С тех пор как я пришёл утром на кафедру прошло больше двенадцати часов. Я погасил в кабинете свет и собрался уже идти домой, когда в голову мне пришла одна мысль. На четвертушке листа я нарисовал личинку пластинчатого жука, дал ей в лапки трепещущий флаг и написал на нём: "Личинкам - равные права!". Потом я подумал, что тема равных прав может быть понята превратно в стране, где чернокожее большинство лишь недавно обрело эти самые равные права, и чтобы быть кристально ясным в своих намерениях я подписал "... в систематике". Рядом с рисунком я написал своё имя и снизу пояснил: "личиночник из России". В скобках я написал: "...готовый помочь с русскими переводами". Этикетку эту я приклеил на двери кабинета рядом с именем Боба и пошёл к себе в общежитие через ночной кампус.

Прошло несколько дней со дня приезда в Преторию и течение моей жизни стало постепенно налаживаться. Я узнал, где расположен ближайший супермаркет и стал регулярно ходить в него за продуктами с моим большим рюкзаком. Я также обнаружил, где расположена почта, купил там пачку международных конвертов с красивыми экзотическими марками и написал несколько писем в Россию и Тане в Англию. По утрам мне уже не требовалось большого труда отыскать здание своей кафедры среди прочих зданий на территории университета. Я понемногу стал узнавать и раскланиваться со многими сотрудниками кафедры, с которыми Клайд наверняка познакомил меня в первый день по прилёту и чьи имена я затем восстанавливал в своей памяти с помощью Джона и Ирэн. Среди моих новых знакомых был Джероми Кью, предыдущий постдок Клайда, который недавно получил постоянную работу в Соединённых Штатах и готовился на днях покинуть Южную Африку.

Джероми при нашей первой встрече показался мне лет до сорока, не больше. Уже потом от Джона я узнал, что ему на самом деле было около сорока пяти. Джероми был высокий и худой мужчина с редкими русыми волосами, зачёсанными назад. Свою диссертацию по систематике одной североамериканской трибы муравьёв Джероми защитил больше десяти лет назад в Корнельском университете и с тех пор перебивался с одного постдока на другой, будучи не в силах найти себе постоянную работу. Каждый год он рассылал несколько десятков заявок на все открывающиеся позиции в энтомологии, но до сих пор ему неизменно отказывали. После защиты Джероми успел поработать год в музее Карнеги в Питсбурге, занимаясь систематикой группы мелких ночных бабочек. Затем открылся постдок в Американском Музее Естественной Истории в Нью-Йорке на два года и там Джероми занимался ревизией цикад Нового Света. Из Нью-Йорка он перебрался во Флориду на проект по жукам-долгоносикам, вредителям цитрусовых, и провёл там года три. В перерывах несколько лет Джероми сидел вообще без работы или трудился на кратковременных почасовых контрактах и накалывал на булавки насекомых по заказу разных музеев. Его постдок с Клайдом был четвёртым по счёту и вот в это время одна из многочисленных заявок на постоянную работу была наконец поддержана. Это была преподавательская позиция в небольшом провинциальном университете в Северной Каролине. Джероми сперва летал туда на собеседование и затем ему предложили эту

работу. Он вернулся в Преторию закончить свои дела с Клайдом и через пару дней готовился снова лететь в Соединённые Штаты. Я застал его в кабинете Джона, пьющего кофе и настроенного на философский лад. Он кивнул мне и продолжил прерванный моим приходом рассказ:

- Нет, Клайд ничего мне не сказал. А что он мог сказать? Он-то прекрасно понимает, что любой постдок - это, прежде всего, поиски либо работы, либо другого постдока, а уже в последнюю очередь непосредственная работа над проектом. Уж я это хорошо выучил. Ты, например, знаешь, почему все постдоки обычно на два или три года и почти нет одногодичных? Да потому что за год до окончания текущего финансирования человеку уже нужно срочно суетиться и искать себе следующую позицию. Вот и выходит, что взять человека на один год означает, что он не будет работать, а сразу начнёт искать себе новую работу. Поэтому берут минимум на два; при этом хоть первый год можно спокойно сконцентрироваться на работе. Конечно, я свой проект здесь не закончил и Клайд знает об этом. Я заберу весь материал с собой и там закончу. Всё равно на первом году педагогическая нагрузка у меня в Северной Каролине будет небольшая. Да и наш соавтор в Лондоне всё ещё возится с молекулярной частью работы и его нужно ждать. Так что у Клайда ко мне никаких претензий быть не может.

- Я вообще родом из Калифорнии. У родителей был ресторан в Пало Альто. Сейчас они уже на пенсии. Отец ещё зарабатывал торговлей марками. Он, кстати, тогда здорово заработал на Олимпиаде у вас с Москве. Мы тогда вообще бойкотировали её и команду не послали. Так вот он как-то раздобыл советские олимпийские марки и очень здорово их тогда продал. Сколько раз они говорили мне: возвращайся, будешь нам помогать и на жизнь заработаешь. Я несколько раз действительно был готов плюнуть на всё и уехать, да жена отговорила. А затем снова что-нибудь подворачивалось. Она у меня тоже из Корнелла, искусствовед, а вот бросила свою карьеру и ездила со мной. В Америке ещё туда-сюда было, ей кое-как можно было подрабатывать, а вот здесь в Претории совсем нельзя. Слава Богу здесь жизнь довольно дешёвая и мы нормально живём на одну мою зарплату.

- Вообще вся эта наука такая ерунда. Это, в общем, такая игра взрослых людей по правилам. Сперва я работал потому что это было мне интересно, а потом понял, что деваться мне больше некуда, потому что ничего другого делать я не умею. Хорошо тем, кто сразу постоянную работу получает - им и зарплата, и страховка, и пенсионный фонд, и банк ссуду на покупку дома даст. Самое, конечно, главное - это гарантированный доход. Так, конечно, работать будет интересно. А я, как цыган, ездил с места на место и брался за всё, за что деньги платили. Самые противные были эти долгоносики на апельсинах во Флориде. Я с тех пор апельсины видеть не могу. Я по образованию чистый систематик, а тут пришлось заниматься борьбой с вредителями.

- Такая вот нелепая жизнь. Вот и выходит, что самое главное в мире, да и в науке тоже, это деньги и конъюнктура. Я, например, сейчас совсем перестану ездить на конференции. Туда люди ездят чтобы засветиться, узнать о новых деньгах, а кто помоложе - чтобы найти себе работодателя. Слава Богу, мне это теперь уже больше не нужно. Знаешь, что такое постдок? Постдок - это дешёвый механизм по переработке грантовых денег руководителя в статьи с ним в соавторстве. Под эти статьи шеф получает новый, ещё больший грант, и берёт себе уже не одного, а двух постдоков. Аспиранту, впрочем, ещё хуже. С него спросу не меньше, а платят ему вообще гроши, да ещё и диссертацию надо успеть закончить и ещё себя на постдок запродать. А думаете, шефу эта наука очень нужна? Профессоров же тоже ежегодно оценивают, а там главный критерий - это количество статей в престижных международных журналах. Клайда уже два года выбирали лучшим профессором всего университета, а это, примерно, один из двух сотен. Дело это, конечно, почётное, тут и ректор руку при всех пожмёт и наградят, но ведь выходит, что и над ним давит этот пресс выдавать как можно больше статей. Всё, что мы сейчас напишем, пойдёт с ним в соавторстве, а он, в лучшем случае, только прочитает последний вариант рукописи и сделает небольшие исправления. Ты думаешь, это тебе дали стипендию под твой замечательный проект? Очень нужно! Это Клайду поверили и дали деньги, ибо он уже доказал, что его люди умеют работать. Вот и выходит, что мы все здесь работаем на авторитете Клайда, который он в свою очередь сделал себе усилиями своих прежних студентов и постдоков. Напишем мы свои статьи, никуда не денемся, у Клайда опять будет дюжина толстых публикаций в год, и под это дело ему снова дадут деньги на новых студентов. Такое вот колесо.

- У меня был приятель ботаник. Мы учились с ним вместе в Беркли. Это я потом в аспирантуру уехал в Корнелл..., так оно лучше, если разные степени получены в разных университетах..., вот, а он попал в аспирантуру в Гарвард, недалеко от меня. Так вот он рассказывал, что у них там есть одна употребляемая аббревиатура: "МПЮ". Это - "Минимальный Публикабельный Юнит", иными словами самый что ни на есть маленький отдельный вопрос, по которому можно написать отдельную статью для приличного журнала. Из любой темы они выделяют как можно больше таки МПЮ и по каждому пишут отдельную статью. Чем больше статей, тем лучше и профессору, и студенту. Причём посылают в журнал не абы какой, а в один из самых престижных. Джерри мне рассказывал, что у них там на кафедре был список ботанических журналов рассортированных по их важности..., это называется "фактор влияния". Его измеряют для каждого журнала и он тем лучше, чем чаще статьи из этого журнала были впоследствии процитированы. Ну, считается, что чем чаще упоминается статья, тем она лучше и тем более влиятелен напечатавший её журнал. Так вот, Джерри занимался австралийскими мхами и он стандартно посылал свои манускрипты в самый престижный журнал. Если оттуда отказывали..., а они, в основном, всегда отказывают, то тогда он посылал ту-же рукопись во второй, третий и так далее, пока наконец статью не принимали в печать. Я сам два раза посылал в "Nature", оба раза отказали, мерзавцы, без объяснения.

- Клайд вообще неплохой начальник; мы жили с ним довольно дружно. Один раз, правда, он наорал на меня. Наорал самым натуральным образом. Я ведь пластинчатоусыми в жизни своей никогда не занимался. Так вот, принёс я ему через полгода манускрипт своей первой статьи. Мы тогда описывали один новый интересный род навозников из Перу, которые жили вместе с термитами. Удивительные жуки: бескрылые, слепые и страшно редкие. Так вот, сделал я тогда это описание и принёс ему показать. И говорю: давай, мол, перед отправкой в журнал пошлём эту рукопись одному моему другу, Клайд его знает, специалисту по этой группе. Ну, чтобы он описание это посмотрел, всё ли я сделал правильно..., группа-то эта для меня новая. Клайд аж взвился: "Посылай, - говорит, - ему, конечно, но тогда пусть он, а не я, будет твоим соавтором. Ты что думаешь, если имя моё стоит на рукописи, то её ещё раз поверять надо? Ты вообще зачем ко мне сюда на постдок приехал? Что ты не поехал к этому своему товарищу?" Такая вот история. В общем, он,

конечно, прав, хотя всё равно вышло резко. А в остальном у нас с ним всегда полное понимание было.

Джероми давно допил свой кофе. Он приподнялся со стула и собрался уходить.

- Ладно, ребята, мне пора. Кей дома уже ждёт. Всё вроде собрано. На самом деле всё это не так уж плохо. Можно сказать даже, что хорошо. Постдок - это тоже не плохо, а работа рано или поздно будет. Главное, побольше ездить на разные конференции и почаще печататься. Да и насекомые вообще штука интересная. Я ещё с аспирантуры хотел заняться жуками-ощупниками, да за всей этой суетой не было времени. Вот устроюсь на работу, преподую годик, а затем возьму себе пару аспирантов на эту тему. Пусть теперь они за меня вкалывают, а я своё уже за микроскопом отработал.

Глава 06

Не прошло и полумесяца со дня моего прилёта в Южную Африку, как Клайд объявил о скором отъезде в двухнедельную экспедицию по югу соседней с нами Республики Намибии. Официальной темой поездки был сбор живых жуков-навозников рода Пахизома. Это уже потом я узнал, что Клайд ездит в Намибию каждый год весной и он ценит эти поездки, как желанные отдушины в переполненной административными и учебными заботами жизни заведующего самой крупной и продуктивной кафедрой университета. Кроме того, была у Клайда ещё и традиция брать с собой в поездку всех новых молодых сотрудников, чтобы составить о них адекватное представление.

У Клайда были ещё и личные мотивы поехать в Намибию. В конце 70-х эта страна продолжала оставаться территорией Южной Африки и там он проходил двухгодичную обязательную для белых воинскую службу. Их часть стояла на самой границе с раздираемой гражданской войной Анголой. Советский Союз снабжал оружием правительство Душ Сантоша, Куба посылала ему солдат, а Соединённые Штаты и Южная Африка поддерживали Савимби, лидера оппозиционной УНИТА. Гражданская война в Анголе началась немедленно после ухода португальцев в 1975 году и закончилась смертью

Савимби в феврале 2002. Это самая долгая война в пост-колониальной Африке, по продолжительности уступающая таковой только в Судане. Обе страны исключительно богаты нефтью и право контроля над нефтяными прибылями является причиной обоих конфликтов. Клайд рассказывал, как за малым он избежал гибели в вертолёте, когда их машина едва успела укрыться от советского МиГа. Самым ярким воспоминанием о его службе был рассказ о купании в реке Окаванго. Тогда неизвестно откуда взявшийся крокодил потащил под воду одного из солдат, на берегу поднялась паника и один из них не нашёл ничего лучше, как швырнуть в воде гранату. Метил он, разумеется, в крокодила, который благополучно ушёл, а вот солдат тогда в воде погибло от взрыва немало.

Ещё до того как стать солидным профессором, Клайд написал статью про этих самых Пахизом, за которыми сейчас мы ехали на кафедральном автомобиле. Африка имеет исключительно разнообразную фауну жуков-навозников и род Пахизома с тринадцатью видами стоит среди них особняком. Жуки эти адаптированы к жизни в исключительно сухой и жаркой пустыне Намиб и у них имеется целый набор интересных адаптаций. В пустыне крайне сложно найти свежий и влажный навоз, и для этого жуку просто необходимо летать и находить этот "короткоживущий" ресурс. Жуки Пахизомы все бескрылые и вместо свежего навоза, они питаются собранным на песчаных дюнах сухими и перекатываемыми ветром органическими остатками, из которых большую часть составляют совершенно сухие горошины навоза пустынных антилоп и семена растений. Жуки роют глубокие норы в песке, достигают влажного слоя на глубине около метра, делают там небольшую камеру и стаскивают туда всё, что считают удобоваримым. Во влажном подземелье навоз и прочие сухие останки размокают, снова становятся сочными и уже затем поедаются жуками и их личинками. В отличие от своих ближайших родственников Скарабеев, жуки Пахизомы не катают шары навоза задними ногами, а волочат найденные кусочки в передних ногах. И, самое интересное, представители этого рода уникальны среди нескольких тысяч прочих навозников тем, что их личинки развиваются не внутри навозного шара, а свободно внутри выводковой камеры. Личинок Пахизом впервые удалось получить лишь несколько месяцев до моего приезда в лаборатории на нашей кафедре и Клайд поручил мне подготовить их описание.

Лет пятнадцать назад Клайд опубликовал в статье всю доступную информацию о роде, описал два новых вида и предложил систему рода на основании морфологических признаков. С нами в машине ехала магистерская студентка Клайда Роза Томсон. Темой её работы был критический пересмотр системы Клайда на основе сравнения последовательности нуклеотидов в цепи ДНК. Для этого Роза должна была брать ткань от живых жуков, поскольку музейные экспонаты для исследования ДНК малопригодны. В свою очередь Клайд, имея страсть к Пахизомам, организовал нашу экспедицию вдоль намибийского берега холодного Атлантического Океана с целью отлова живых жуков для Розы. Второй его целью, как верно полагал Джон, было сбежать подальше от разнообразных официальных дел заведующего кафедрой и вдоволь покататься по пустыне.

Четвёртым участником нашей экспедиции была Кармен Фернандос. Как и Джон, Кармен была аспирантка Клайда и писала диссертацию по специализированной группе небольших навозников - кантонин. Её муж, Хосэ-Луиз, был молодым профессором биологии в университете Боготы и каким-то невероятным образом умудрился организовать себе трёхгодичный творческий отпуск на период учёбы жены. Хосэ-Луиз был специалистом по коралловым рифам и они только что вернулись из экспедиции на остров Бали. Кармен едва успела прилететь в Преторию до нашего отъезда в Намибию. На обратном пути из Индонезии при пересадке в Сингапуре на рейс в Йоханнесбург у их семилетней дочери не оказалось отдельной визы для Южной Африки и им пришлось провести трое суток в Сингапуре, улаживая эти формальности. Кармен приехала в Преторию чуть позже Джона и ею тоже двигала совершенно осознанная любовь к навозным жукам. Позже она рассказывала мне, насколько непросто ей было решиться на эту аспирантуру и организовать переезд всей семьи из Колумбии в Преторию. В ту пору у Кармен было приглашение из Смитсоновского Института делать диссертацию по тропической экологии на одном из островов в Панаме, однако она предпочла заниматься систематикой навозников и приехала учиться у Клайда.

Намибия и, пожалуй, Ботсвана, есть самые малонаселённые страны к югу от Сахары. Причина тому то, что на их территории расположены пустыни Намиб и Калахари соответственно. Во времена апартеида обе страны были полностью под контролем Южной Африки и это влияние сохранилось до сих пор. Всюду в Намибии законным образом

можно было расплачиваться южноафриканскими рэндами и курс обеих валют поддерживался один к одному. Германия колонизировала Намибию в конце девятнадцатого века как участок "ничейной" территории между английской Капской колонией на юге и португальской Анголой на севере. Первоначальное название страны было "Немецкая Юго-западная Африка". Во время первой мировой войны войска британской Южной Африки захватили Намибию и она оставалась оккупированной на долгие годы. Белое правительство в Претории рассматривало эту страну как пятую провинцию Южной Африки, наравне в Трансваалем, Оранжевой Свободной Республикой, Капской провинцией и Провинцией Наталь. В годы холодной войны Намибия была важным буфером между просоветским правительством Анголы и крайне антикоммунистической расистской Южной Африкой. По условиям ангольского мирного договора 1988 года Советский Союз и Соединённые Штаты переставали оказывать военную и финансовую помощь воюющим сторонам в Анголе, а Куба и Южная Африка вывели оттуда свои наземные войска. Кроме того, Южная Африка предоставляла Намибии независимость. Так всё и произошло, кроме того, что проигравший на последующих выборах лидер оппозиции Савимби снова собрал свою армию и страна ещё на 12 лет погрузилась в хаос. Однако к тому времени мировое противостояние двух систем закончилось и сильным мира судьба Анголы стала безразлична.

Основное богатство Намибии - это её ископаемые, в первую очередь, алмазы. Их поиск, разработка и продажа есть исключительная монополия компании де Бирс, контролируемой южноафриканской семьёй Оппенгеймеров. Добыча алмазов - хитрая штука и организация этого дела в Намибии мне показалась необычной. На юге страны вдоль берега Атлантического Океана тянется алмазоносная полоса пустыни километров пятьсот длиной и двести шириной. На картах эта территория обозначена как так называемая "Алмазная Зона 1 и 2". С востока на запад они пересечены трассой, ведущей к прибрежному городу Людериц. Вся эта громадная территория обнесена высоким забором и находится в долговременной аренде у Де Бирс. Постоянного населения да и вообще людей там, кроме служащих компании, нет. Там не действуют законы Намибии, безопасность поддерживается охранниками компании и они-же вершат суд и сажают провинившихся в собственные тюрьмы. Иными словами, это своеобразное государство в государстве. На всей этой территории запрещено иметь рогатки, стрелы, пращи, почтовых голубей и

прочие вещи, которые могут быть использованы для выноса, вывоза или выброса алмазов за заборы компании. Рабочие на приисках по условиям контракта по полгода живут в бараках за колючей проволокой и перед выходом из алмазной зоны их по неделе держат в карантине, чтобы не дать им вынести проглоченные камни. Портовый город Людериц есть единственное свободное поселение в этой зоне. Сам город и двести километров дороги к нему обнесены со всех сторон высоким забором из колючей проволоки и по всей длине этой дороги машинам запрещено останавливаться. За соблюдением этого правила с воздуха следят вертолёты компании. Компания платит правительству Намибии арендную плату и за это сохраняет в тайне объём добычи алмазов и их запасы. Регулярно южноафриканские газеты сообщают о трениях между де Бирс и правительством Намибии относительно правил аренды этой территории, однако рано или поздно все вопросы неизменно улаживаются. Обе стороны прекрасно понимают, что у Намибии нет, и в ближайшем будущем не будет, собственных сил и средств для самостоятельной добычи алмазов и поэтому контракт с компанией есть самый быстрый и прямой способ обогащения руководителей страны за счёт её ресурсов.

Такие строгие правила охраны были причиной некоторых сложностей для нашей экспедиции. За полгода до отъезда Клайд написал письмо в службу охраны компании с просьбой пустить нас на их земли за Пахизомами. Письмо это было сопровождено полицейскими справками о благонадёжности каждого участника поездки. Свою справку я получал ещё в России по месту жительства и немало удивил участкового экзотичностью причин для ходатайства о документе. В Намибии нас встретил белый офицер охраны из офиса компании в Людериц, проверил наши документы и на следующее утро сопроводил через несколько охраняемых ворот километров на сто вглубь алмазной территории. Через несколько дней он вернулся за нами сопроводить нас обратно в город и затем по протоколу нас должны были тщательно обыскать на предмет украденных алмазов. Такие строгие правила казались мне абсурдными, так как на самом деле вероятность найти алмаз на поверхность пустыни была минимальной. С другой стороны, следствием этих правил было образование огромного заповедника в пустыне, где природа сохранялась практически не тронутой и ландшафт из песка и скал не был нарушен следами человеческой деятельности. После нескольких часов медленной езды по песчаной колее мы простились с неразговорчивым офицером охраны, Клайд остановил машину в одной из

многих сотен песчаных долин между скалистыми холмами и в этом месте мы устроили свой лагерь.

По правде говоря, никаких особенных задач у меня на эту поездку не было. Мне следовало лишь помогать Клайду собирать живых Пахизом для Розы и вообще любоваться экзотической природой пустыни Намиб. Любоваться там было действительно чем. Разумеется, самыми интересными были жуки. Как почти во всех прочих пустынях, чаще всего на дюнах попадались жуки-чернотелки. Многие виды намибийских чернотелок получают влагу из туманов и влажного ночного ветра с холодной Атлантики. Для этого они взбираются на вершины дюн и капли влаги оседают на теле жука. Там-же я увидел и другой способ получения влаги этими жуками. Некоторые виды чернотелок бегом догоняли других менее проворных жуков, на бегу откусывали им ноги в суставах и слизывали выступающую каплю лимфы, а искалеченная жертва оставалась медленно умирать на солнцепёке. Помимо чернотелок, в округе обитало два вида Пахизом. Мы выслеживали их по характерным следам на поверхности песка, отдавали жуков Розы, и она набивала ими банки с абсолютным спиртом для последующего анализа ДНК.

Из крупных животных мы видели немногочисленные виды антилоп, сотни фламинго на редких водоёмах и пару раз замечали коричневую гиену на высоких лапах. Жизнь гиены в пустыне Намиб, очевидно, была очень не сладкой. Ещё в Претории Клайд приказал Джону и мне раздобыть на ближайшей ферме пару килограммов свежего свиного навоза, на запах которого мы будем приманивать в экспедиции навозных жуков. Две плотно закрытые банки с навозом около недели катались с нами по жаре на крыше машины и от этого и без того малоароматный продукт забродил, вспучился и вообще стал ещё более отвратен. Наконец, Клайд распорядился зарыть открытые банки в песок по самое горлышко для ловли жуков. Я не сомневался, что наутро нас ожидал рекордный улов, ибо вонь от забродившего навоза исходила совершенно невообразимая. Этому, однако, сбыться было не суждено. В первую-же ночь к ловушкам прискакали две коричневые гиены, вырыли их из песка, разгрызли банки из похожего на стекло толстого пластика и начисто съели весь навоз вместе с жуками и с частью самих банок. При этом они передрались и совершили всё это в полной тишине в двадцати шагах от нас, спящих под открытым небом. Уже после

экспедиции я не раз раздумывал о том, какой тяжёлой должна быть жизнь гиен, если им пришёлся по вкусу такой невероятный деликатес.

Через несколько дней все банки Розы были полностью забиты Пахизомами и наступила пора возвращаться в Преторию. Мы остановились на одну ночь в городе Людериц и Клайд показал нам на берегу океана деревянный крест Бартоломея Диаса, который первым из европейцев проплыл так далеко вдоль западного побережья Африки. Через пять лет Васко де Гама проследует этим путём ещё дальше, обогнёт мыс Доброй Надежды и откроет морской путь в Индию и последующую вскоре колонизацию юга Африки, Индии и юго-восточной Азии. Атлантика около Людериц была угрюмой и холодной по причине сильного полярного течения. На скалах вдоль берега и на небольших прибрежных островах лежали тюлени и от них ветер приносил резкий и неприятный запах. Весь берег был покрыт слоем гниющих водорослей, под которыми жили миллионы прыгающих рачков. Обратный путь занял у нас два дня с ночёвкой в городе Аппингтоне на Оранжевой реке. В Преторию я вернулся, как перенасыщенный впечатлениями турист, и в очередной раз с тревогой подумал о том, удастся ли мне справиться с моими основными задачами на постдок. После двух недель беспечного скитания по Намибии я чувствовал себя пренебрёгшим своей основной работой и искренне желал поскорее вернуться в свой кабинет.

Глава 07

По возвращению из поездки в Намибию я с головой погрузился в работу с личинками пластинчатоусых жуков. Вернее не в работу, а в её начало, ещё точнее сказать, в организацию этого начала. К этому времени у меня был некоторый опыт работы с личинками жуков-жужелиц, однако личинки пластинчатоусых походили на них не больше, чем черепаха на ящерицу. Мне, по сути, заново предстояло выучить разнообразие морфологии во вверенной мне группе, по доступным публикациям составить адекватное представление о существующей системе подсемейства, получать необходимых мне личинок и затем уже начинать свою непосредственную работу.

Первые несколько месяцев в Претории мне регулярно казалось, что с работой своей я не справлюсь и никакого результата не получу. Я часами рассматривал в микроскоп имеющихся у меня личинок и находил только очень слабые отличия. Если так дело пойдет и дальше, то даже исследовав необходимый мне материал у разных групп пластинчатоусых, я не смогу провести анализ морфологических признаков по причине отсутствия таковых. Проблема эта была хорошо мне знакома по годам аспирантуры в Москве. Тогда после трёх месяцев практически ежедневных исследований заведомо разных личинок жужелиц я с трудом обнаружил всего два-три отличительных признака. В таком положении решающим оказывается терпение; на первый день четвертого месяца я обнаружил целый букет невидимых мне раньше различий у этих личинок жужелиц, и в результате имел достаточно материала для анализа. Я надеялся, что подобное произойдет и в Претории, и оттого час за часом и день за днем просиживал над микроскопом сравнивал заведомо неродственных личинок, похожих тем не менее внешне одна на другую как две варёные сардельки.

Проблема получения материала по отсутствующим у меня группам, а таких у меня было большинство, беспокоила меня ничуть не менее. Около двух месяцев я перерывал мировую литературу по пластинчатоусым и отыскивал ссылки на находки или описания необходимых мне личинок. Мне было совершенно необходимо получить на исследования тех самых личинок, о которых были эти статьи, даже если личинки были собраны где-то в Британской Индии в начале 20-го века. Как правило такого рода зоологические объекты отправляются на хранение в естественно-исторические музеи вроде Зоологического Института в Санкт-Петербурге, Британского Музея в Лондоне или Смитсоновского Института в Вашингтоне. Там насекомые будут храниться неопределенно долго и оттого окажутся теоретически доступными для исследования последующими поколениями ученых. Моя задача была теперь этот материал получить. Я составил список из примерно двадцати крупнейших музеев мира, и написал стандартное письмо на бланке Университета Претории с запросом на присылку интересующего меня материала. После этого я отправил их кураторам энтомологических коллекций в каждый из музеев и стал терпеливо ждать ответов на мой запрос.

Вторым источником получения необходимого материала были коллеги - энтомологи, работающие с личинками пластинчатоусых. Пока я читал пачки статей из библиотеки Клайда, я запоминал их авторов и в конце концов имел список из примерно десяти наиболее активных личиночников по всему миру. Большинство фамилий были мне незнакомы. Я в очередной раз подумал, насколько проще было бы работать мне с жужелицами или стафилидами. В этих семействах я давно перечитал большую часть существующей литературы, знал всех активно работающих коллег и с доброй частью из них либо встречался лично, либо состоял в переписке. С этими ужасными пластинчатоусыми все знакомства надо было начинать заново и делать это быстро, ибо постдок мой истекал всего через два года.

Подобно письмам в музей, я также написал стандартное письмо каждому из коллег. В нём я рассказывал о целях своей работы, её сроках и затем спрашивал, какие из интересующих меня личинок я могу получить на исследование. Я разослал эти письма и приготовился ждать результатов своих трудов. Со временем я получил ответы на почти все мои письма, однако далеко не все коллеги были готовы выслать мне необходимый материал. Причиной такой сдержанности чаще всего было намерение моего корреспондента рано или поздно самому исследовать этих личинок. Реже причина была другого сорта. Не секрет, что многие ученые очень критически относятся к работам своих коллег, и часто между ними существует определенная неприязнь. Некоторые мои корреспонденты были именно в такого рода отношениях с Клайдом, моим работодателем, а оттого не спешили помочь мне в работе. Тем не менее я получил несколько позитивных ответов на свои письма, и одним из первых откликнулся Алессандро Фоссато.

Алессандро жил в небольшом городке Верона на севере Италии и был юристом гражданского права. Свою профессию и практику он унаследовал от отца и финансовые дела их конторы шли, видимо, очень благополучно. Впоследствии Алессандро рассказал мне в ресторане Претории, насколько утомительна и порой монотонна бывает его работа с клиентами и что, по правде сказать, делом этим он изрядно тяготится. Алессандро тем не менее трезво смотрел на вещи и отнюдь не собирался бросать свою работу. Как своего рода ментальную отдушину Алессандро стал развивать свой детский интерес к насекомым и после нескольких лет колебаний выбрал себе для исследований систематику семейства

Цератокантиды, одного из тринадцати в составе пластинчатоусых жуков. Семейство эти имеет около пяти сотен видов и все они распространены в тропических регионах мира, в первую очередь в горах и лесах Центральной Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Жуки эти замечательны тем, что почти все они живут в лесной подстилке из разлагающихся листьев или в упавших стволах деревьев. Размером они обычно не более одного сантиметра в длину и, самое главное, в состоянии опасности способны мгновенно сворачиваться в почти абсолютно правильный шар. При этом ножки и усики укладываются в специальные ложбинки на груди, брюшко и голова поджимаются, и жук становится похожим на сухую черную горошину. Жуки эти исключительно красивы, часто с замысловатым узором на надкрыльях и иногда яркого металлического цвета, особенно некоторые виды из Малайзии и Индонезии. Я полагаю, что внешняя красота этих жуков в сочетании с обитанием в тропиках и слабой изученностью определила интерес Алессандро к этому семейству.

Свою работу с Цератокантидами Алессандро начал с того, что скопировал все существующие публикации об этой группе, коих в мировой литературе было несколько сотен. Затем он изучил этих жуков в коллекциях Италии и Европы, однако там их хранилось немного, ибо в Европе эти жуки вообще не встречаются. Последние несколько лет каждый август Алессандро проводил в экспедициях для сбора Цератокантид. Сперва он ездил на остров Борнео и на Малайский полуостров, а последние два года приезжал в ЮАР, где есть хоть и небогатая, однако очень своеобразная фауна этих жуков. На следующий год Алессандро собрался ехать в Южную Америку, в Эквадор, где у него есть друг, священник католической миссии в верхнем бассейне Амазонки.

В своих путешествиях по Южной Африке Алессандро подружился с Клайдом и отчасти поэтому, отчасти из-за своего интереса к личинкам, он написал мне ответ. У него действительно были личинки нескольких видов, которые он собрал в Юго-Восточной Азии и которые планировал описывать сам. Кроме того, из музея в Канберре он получил материал по этому семейству, включая многочисленных личинок единственного австралийского вида. Алессандро писал, что занятый изучением взрослых жуков в свободное от адвокатской практики время, он давно уже планировал собраться с силами и

изучить этих личинок, однако времени для этого он все не находил. В заключении он сообщал, что будет рад прислать всех своих личинок для нашей с ним совместной работы.

Предложение Алессандро имело для меня большой практический смысл. Ко времени моего приезда в Африку из всего семейства Цератокантиды личинки были очень поверхностно известны, всего для нескольких видов из Нового Света. Однако даже из этих кратких описаний и рисунков было очевидно, что эти личинки обладают исключительно своеобразной морфологией со многими отличительными признаками. Я надеялся, что изучение дополнительного материала позволит обнаружить признаки, характерные для всех личинок этого семейства и как раз эти признаки были самыми интересными для моего анализа пластинчатоусых. Я быстро написал Алессандро ответ и попросил высылать личинок немедленно.

Мои ожидания и надежды с личинками Цератокантид оправдались. Через несколько недель из Италии пришёл небольшой конверт с личинками разных видов в четырёх пластиковых пробирках. На первый взгляд они ничем не отличались от личинок сотен других видов пластинчатоусых, однако, под микроскопом отличия повалили, как из рога изобилия. Обнаружив эти признаки, я облегченно вздохнул. Значит, есть все-таки отличия в морфологии личинок пластинчатоусых, и оттого есть хорошие шансы выполнить задачу моего постдока. Я написал Алессандро подробное письмо о своих находках на его материале. Мы согласились, что нужно провести полную ревизию личинок Цератокантид и близкого им семейства Хибосорид. После этого следовало получить из музеев немногочисленные описания обоих семейств, полностью изучить их морфологию, составить таблицу признаков и сделать заключение о родственных отношениях между и внутри этих двух семейств. После этого мне было крайне желательно самостоятельно поискать эти старые материалы в коллекциях Лондона и Вашингтона, а кроме этого встретиться с Федерико Мори, специалистом по Хибосоридам. Федерико был аспирантом из Аргентины в университете штата Небраска. В Небраске была группа молодежи по изучению пластинчатоусых жуков наподобие нашей Клайдовской команды в Претории. Руководил ими профессор Ричард Пирсон.

При благополучном стечении обстоятельств, а именно получении необходимого материала, на такой проект потребуется полтора-два года неспешной работы. Работа эта будет неспешной оттого, что в любом случае материал будет поступать не одновременно, а отдельными партиями. Кроме того, методически лучше дать работе достаточно времени на выполнение, когда можно сделать один кусок, отложить его в сторону и продолжить через пару месяцев. Такая практика оставляет зачастую возможность как следует работу эту обдумать и не сделать ошибок.

Таким образом мы договорились с Алессандро сделать проект по личинкам двух семейств пластинчатоусых, что было бы частью моей подготовки к анализу всех тринадцати семейств. Напомню, однако, что личинки других трёх семейств известны не были и оттого в работу включены быть не могли. Итого за вычетом Цератокантид и Хибосорид мне оставалось ещё восемь семейств для работы.

Тем временем Алессандро предложил, что пока идет подготовка и сбор материала для ревизии личинок обоих семейств, нам следует быстро подготовить и издать отдельную небольшую статью с описанием личинок австралийской Цератокантиды. Разумеется, научная ценность отдельного описания значительно скромнее, чем таковая обзорная работа по личинкам нескольких видов и такое описание будет очень походить на Минимальный Публикабельный Юнит по определению моего друга Джероми. Тем не менее, в предложении Алессандро был здравый смысл. На этой небольшой статье я мог бы хорошенько потренироваться в работе с личинками пластинчатоусых перед тем как браться за более глобальные проекты. У Алессандро бы для этого другой резон. Так как личинки были из Австралии, он планировал издать эту статью в Австралийском Энтомологическом Журнале. Дело было в том, что Алессандро вскоре собирался отправиться собирать Цератокантид на тропический север Австралии, а для этого нужно получить специальное разрешение от посещаемой страны. Так как Алессандро не был профессиональным энтомологом, он опасался, что в таком разрешении ему будет отказано, а будучи юристом, он никогда не решится собирать жуков за рубежом нелегально. Алессандро разумно полагал, что авторство статьи в австралийском журнале должно помочь ему в получении этого разрешения.

Мою работу в Претории Клайд определил так: главное сделать основной проект по личинкам всех пластинчатоусых, а уже в пределах этого подсемейства можно было брать любые группы и делать их более подробно при наличии времени, желания и материала. Запланированные с Алессандро статьи как раз и попадали в эти дополнительные проекты, на которые я мог тратить своё рабочее время. Помимо них, я раздумывал ещё над одним проектом. До сих пор неясным остается вопрос, какая группа жуков является наиболее близкой семейству пластинчатоусых. Было несколько предположений, однако ни одна гипотеза до сих пор не доминировала. Одно из мнений было, что сестринской группой является небольшое семейство Дасциллиды с примерно полусотней видов на всех материках Земли. В пользу этого предположения говорило замечательное сходство между С-образными личинками пластинчатоусых и таковыми Дасциллид. Последние, однако, были исключительно редки и до настоящего времени известны были личинки только двух видов из Европы и Северной Америки. Мне казалось очень интересным изучить личинок этого семейства и выяснить причину их сходства с личинками пластинчатоусых. Было два возможных варианта - либо это сходство по причине близкого родства и тогда две группы действительно родственны, либо оно есть результат сходных адаптаций к одинаковым условиям жизни в почве и тогда обе группы родственны не более, чем рыбы и дельфины. От нескольких моих коллег я узнал, что в музеях Австралии и Чили есть неописанные личинки двух видов Дасциллид. Я попросил кураторов указанных музеев прислать мне этот материал и стал готовиться к этой небольшой работе.

Тем временем усилиями Джона я оказался вовлеченным в ещё один проект. Однажды он засунул голову в мой кабинет и сказал:

- Василег, пойдём к нам пить кофе, а то у тебя тут скоро глаза к микроскопу прилипнут.

В кабинете Джона и Кармен я застал их обоих, а также поставленную посреди комнаты табуретку со стаканами и прочим кофейным инвентарем.

- Вася, ну как твоя работа? - спросила Кармен. Её первый язык был испанский и оттого она единственная на всей кафедре могла произнести моё имя правильно.

Я ответил, что дела идут сравнительно неплохо, не считая того, что материала пока катастрофически мало, а из имеющегося я пока с трудом нахожу морфологические отличия.

- Это не беда, - сказала Кармен. - Материал ты рано или поздно получишь, да и признаки скоро найдутся. Чем больше времени смотришь, тем больше отличий видно. По крайней мере, это так с моими Кантонинами. У тебя какие планы на Рождество, а то тут Джон хочет пригласить нас на сафари.

Джон принес закипевший чайник и сел на своё кресло около табурета с кофе.

- Клайд дает машину съездить в Растенберг. Он до смерти хочет найти выводковую камеру Сцелиагеса и посмотреть, из чего они делают свои выводковые шары. Скорее всего из многоножек. Когда вы были в Намибии, я ездил в Цицикама и привез несколько живых жуков. Клайд хочет, чтобы я разводил их здесь на кафедре и кормил многоножками. Я это пробовал уже много раз, жуки живут, но совсем не размножаются. Наверное, не те условия. В общем, две недели назад я поехал в Растенберг, это в двух часах отсюда. Там есть неплохой национальный парк, и там живет один вид Сцелиагесов. В общем, я наловил этих жуков, выпустил их всех вместе и набросал им на землю многоножек. Так вот, большинство жуков, конечно, сразу поулетело или разбежалось, а штук пять нашли этих многоножек, утолкали их в разные стороны и закопали в землю. Норки все эти я отметил. Короче говоря, есть надежда, что они сделают из этих многоножек свои выводковые шары и отложат яйца. Так что по моим подсчетам сейчас надо ехать и норы эти раскапывать. Если нам повезет, то будут и норы, и жуки, и шары, и сами личинки. Я сказал об этом Клайду, и он говорит, что идея хорошая. Я предлагаю поехать в пятницу вечером на пару дней. С парком, кстати, есть договор, и денег с нас брать не будут. Ну что, поехали?

Я сказал Джону, что поеду с удовольствием, тем более, что личинка этого рода была до сих пор неизвестная. В Растенберг мы приехали вечером в пятницу и уже в темноте поставили палатки в небольшой роще акаций. Наутро за пару часов мы без труда обнаружили и разрыли норки жуков и обнаружили три выводковые камеры с самками,

охраняющими шары с личинками. Уже позднее в Претории Джон дрожащими от возбуждения руками вскрыл несколько шаров, обнаружил в них совсем зрелых живых личинок и под микроскопом убедился, что шары эти действительно были не из навоза, а из перемолотых внутренностей гигантских многоножек. Там же я впервые увидел этих многоножек в природе. Они напоминали европейских кивсяков, однако, были длиной до тридцати сантиметров и толщиной с ручку от сачка. находка выводковых камер Сцелиагесов подтвердила предположение об использовании жуками мяса многоножек в пищу личинкам; уникальный случай среди навозных жуков. В результате Джон закончил свою ревизию рода, описал один новый вид, впервые дал описание выводковых камер и прочих деталей биологии, а я подробно нарисовал и описал собранных личинок. Руководитель проекта Клайд был нашим третьим соавтором.

Эта наша первая поездка в Растенберг запомнилась мне и по другим причинам. Там я впервые увидел жирафа и близко посмотрел многочисленные виды копытных, включая редких сабельных антилоп. Кармен неплохо разбиралась в них и пока Джон вел машину, она показывала и называла разные виды. Один раз проезжая мимо группы самых маленьких и самых многочисленных антилоп Кармен ткнула в них пальцем и сказала:

- А это импала. А ещё их называют Макдональдс.

- Почему Макдональдс? - спросил Джон.

- А потому что их все едят, - ответила Кармен.

На дворе стоял декабрь и в Южной Африке была весна. Часто грохотали грозы, шли дожди и всюду в обилии росла молодая зеленая трава. Окаменевшая за длинную сухую зиму земля намокла, и насекомые появились отовсюду. Около навоза зебр суетились жуки-навозники и тут же их подкарауливали и ели огромные жуки-скакуны рода Мантихора - черные, широкие, громадные с сантиметровыми челюстями - мечта любого коллекционера. Джон то и дело притормаживал машину, чтобы дать пройти через дорогу тяжеловатой чернотелке или огромной черной жужелице Антии. Этот жук имеет до пяти сантиметров в длину, громадные острые челюсти и защитные кислотные железы на конце

брюшка такой силы, что от их выделений на пальцах рук слезает кожа. На второй вечер на нашу стоянку пришёл познакомиться директор парка по имени Питер. Под его командой было человек десять чернокожих охранников парка и маленькая метеостанция. Он рассказал о тех уникальных случаях в царстве животных, когда ящерица притворяется насекомым. Когда ящерица полагает, что наступает опасность быть съеденной, то вместо того, чтобы убежать, она меняет походку и начинает вышагивать наподобие Антии. Никакой хищник в здравом уме не будет пытаться съесть Антию из-за её химической защиты, и ящерицы пользуются этим для своей безопасности. Питер был бывшим хиппи и в юности зарабатывал деньги, устраивая рекордно длинные сидения в закрытой комнате с ядовитыми змеями. Я видел фотографию Питера в одной из южноафриканских газет за 70-е годы: он молодой, с длинными волосами, читает книгу, а вокруг него и на коленях, шее и ногах лежат десятки змей. Штанины брюк Питера были перевязаны специальными веревками, чтобы помешать змее заползти туда. На левой руке у него не было мизинца, его ампутировали после ядовитого укуса. Тем не менее, Питер считал себя счастливым и любимцем змей. Его два раза кусала габонская гадюка, одна из самых ядовитых змей мира, которую ему подарил друг из Кении. Питер объяснил, что некоторые змеи могут контролировать испускание яда при укусе, и оба случая с габонской гадюкой были как раз такими. "А не то бы, хе-хе-хе, не сидел бы я с вами тут", - весело смеялся он.

Глава 08

Прошло несколько месяцев моей жизни в Претории, и большая часть этого времени была проведена на кафедре в целях организовать свою работу с личинками пластинчатоусых жуков. Несколько раз меня охватывало состояние паники. Мне казалось, что работа эта по тем или иным причинам невыполнима. Но время шло, и мало помалу контуры будущего проекта стали постепенно вырисовываться по мере того, как прибывали посылки с личинками из разных мест, и я постепенно погружался в изучаемую группу. В конце концов наступил день, когда я почувствовал, что с работой своей я справлюсь.

Долгие часы сидения на кафедре неизбежно сблизили меня с прочим кафедральным людом, в первую очередь с Джоном, Кармен и Розы, студентами Клайда. Их кабинет был

по соседству с моим, и мы часто проводили вместе за работой вечерние и порой ночные часы. Мы все имели право находиться в своих кабинетах в любое время суток, и сказать по правде, правом этим немного злоупотребляли. Не раз мне случалось идти домой далеко за полночь, порой в третьем или четвертом часу ночи. Я дорожил вечерними часами для работы с жуками, ибо днем были всегда какие-то административные делишки, и орды студентов в коридорах, отвлекающие от работы. Джон и Кармен тоже регулярно засиживались допоздна, хотя Кармен нередко приходилось уходить раньше, чтобы побыть дома с мужем и дочкой.

Через некоторое время я познакомился со всеми сотрудниками, постдоками и аспирантами нашей кафедры. Профессоров у нас было человек семь, включая моего Клайда. Преподавателей помладше было примерно столько же, и ещё человек пять лаборантов и секретарей. Все они были белыми, кроме двух индийцев и одного чернокожего профессора-маммолога Криса Марумы, гражданина Малави. Ещё при кафедре было несколько чернокожих грузчиков, разносчиков почты и три уборщицы. Итого весь постоянный состав был чуть менее тридцати человек.

Народу временного тоже было прилично. Одних постдоков в среднем было человек восемь-десять, примерно двадцать аспирантов, а затем уже более многочисленные магистры и бакалавры. Клайд руководил всем этим коллективом уже лет шесть и, без преувеличения, делал он это с мудростью Соломона. В результате по всем показателям наша кафедра была самой лучшей во всем громадном университете, где кафедр было далеко за сотню. Главным критерием оценки был продукт этой кафедры; в первую очередь, академические статьи в центральных мировых журналах, и в среднем за год этих статей выходило 100-120. На первом этаже была устроена специальная широкая доска, на которую сотрудники прикалывали булавками копии своих новых публикаций. В январе все прошлогодние работы счищались с этой доски, освобождая место новым. Размеров этой доски все равно не хватало вместить все статьи, и некоторые профессора держали подобные доски чуть поменьше размером в коридорах у дверей своих кабинетов. Самыми продуктивными, помимо Клайда, были молодые профессора Иан Бартл и Андроу Мак-Коли. Иан занимался макроэкологией и, кроме того, организовывал ежегодные экспедиции на необитаемый остров Морион недалеко от Антарктиды делать там экологические

эксперименты. Андрю изучал удивительных южноафриканских кротовых крыс, которые имеют самый высокий уровень социальной и колониальной организации среди всех млекопитающих. У каждого из них были миллионные гранты, до десятка активно работающих студентов, аспирантов и постдоков, в результате чего в год каждая группа выпускала полтора - два десятка публикаций, где профессор был последним соавтором.

Кафедральные аспиранты и постдоки были преимущественно из-за рубежа. В одном кабинете со мной сидел Боб Браун. Он приехал в Преторию из Великобритании по короткому полугодовому контракту в Трансваальский Музей, и с тех пор вот уже лет шесть перекочевывал с одной временной позиции на другую между Музеем и Университетом. Когда Боб говорит о своей южноафриканской карьере, он ерошит волосы вокруг начинающейся лысины, и в его глазах появляется возбужденное выражение.

- Ну, что я могу поделывать? Я приехал на полгода, я не думал здесь оставаться. Потом мне продлили контракт, и я остался... моя виза не позволяла работать... ну, кого это волнует. А потом перестали платить. Уборщица в Трансваале получала больше, чем я. Я уже третий год в Универе. Не бог весть что, особенно по сегодняшнему курсу... Мне вообще пора получать постоянную позицию и уезжать отсюда. Этот постдок меня уже доконал.

Боб занимался тем, что держал в разных кабинетах кафедры самцов сверчков, и эти сверчки по ночам надрывались в своем призывном стрекотании. Затем Боб подсаживал к ним самок, наблюдал копуляцию, отнимал у самки сперматофор и подсчитывал под микроскопом количество сперматозоидов. Все это сводилось в таблицы и после сложного статистического анализа выяснялось, что самец сверчок после длительного воздержания производит достоверно больше сперматозоидов, чем тот, который копулировал за полчаса до этого. Боб был специалистом по половому поведению насекомых, и мой шеф хотел раздобыть для него деньги на годичный проект по брачному ухаживанию у жуков навозников. В разговоре с Клайдом об этой возможности Боб опять теребил свои волосы и также возбужденно говорил о том, как это интересно. На столе у него стояла потемневшая банка спирта, полная этих самых навозников, и он намеревался ещё с прошлой весны отпрепарировать несколько жуков и посмотреть особенности их половой системы. Времени на это у Боба было мало, банка продолжала стоять, и спирт в ней темнеть. Скорее

всего Клайд найдет деньги на эту работу, и Боб останется в Южной Африке ещё на один год.

Помимо повышенного интереса к деталям интимной жизни насекомых, у Боба было ещё несколько замечательных качеств. Свою диссертацию он делал где-то в Испании и прилично говорил на этом языке. Вообще Боб был исключительно одарен лингвистически. В Университете английский и африкаанс были официальными языками, и хотя практически все общались на английском, многие официальные финансовые фирмы или приказы ректора были на языке африкаанс. Боб неплохо этот язык понимал, помогал мне разобраться в этих формах и был способен прохрипеть несколько фраз с ударением на характерные "х" и "р", приводя тем самым в восторг потомков буров, Клайда в том числе. Я познакомился с Бобом по его возвращению из месячной экспедиции на Мадагаскар, и в то время он был увлечен малагасийским языком. Через некоторое время он поразил всех присутствующих на вечеринке, когда объяснил приехавшей американке разницу в образовании множественных форм существительных на эндемичных африканских языках Зулу, Кхоза, Суту и языке народа Сан. В некоторых языках, как, например, в Ки-суахили в Восточной Африке, указатель множественности существительных ставится не после, а перед корнем слова, как, например, "м-зунгу" и "ва-зунгу", обозначающих одного и нескольких чужестранцев соответственно. Когда я покидал Африку, на столе у Боба наверное с полгода валялись самоучитель валийского языка и кельтские стихи, которые он мне иногда декламировал, нисколько не смущаясь моим непониманием.

Вторым увлечением Боба были птицы. Он повсюду таскал за собой полевой определитель орнитофауны Южной Африки и галочками отмечал там встречаемые им в природе виды. Определитель был изрядно потрепан и почти между всеми страницами лежали перья разных видов. В конце концов стало невозможно открыть книгу без того, чтобы не потерять пару перьев. Иногда Боб являлся на работу около полудня. Это обычно значило, что сегодня он встал около четырёх часов утра и отправился на орнитологическую экскурсию. Одно время на кафедре стажировался австралийский аспирант, который писал диссертацию по физиологии солнечных птиц, эндемичной африканской группы, размерами и яркой окраской напоминающих колибри Нового Света. На своей машине Боб регулярно выезжал с этим австралийцем за город, сетями ловил солнечных птиц и затем

помогал делать с ними различные опыты в просторных вольерах во внутреннем дворе нашей кафедры.

Боб представил меня Марку Танненбауму, своему товарищу, с которым он месяц путешествовал по Мадагаскару. Марк был постдоком на соседней с нами кафедре геологии и, подобно Бобу, тоже имел красный британский паспорт с записью от Королевы Елизаветы, что предъявитель его находится под её покровительством. Марк только-только получил свою степень доктора философии и, невиданное дело, был оставлен постдоком на той же кафедре.

В то время Марку было едва за тридцать, он был высок, худ, носил мягкие фланелевые рубашки и пальцы рук имел постоянно перепачканными от непрерывной починки своего автомобиля. Практически все постдоки и аспиранты в Университете ездили на работу на машинах, однако Марк большей частью ходил пешком. Он обладал чуть ли не самой первой моделью знаменитого лендровера 1952 года выпуска. Это было тяжелое танкообразное сооружение из толстой стали, более уместное в автомузее, чем на улицах. К своей машине Марк испытывал практически отцовские чувства и слышать не хотел о её продаже. Машина эта была в состоянии постоянного ремонта, и Боб клялся, что за пять лет жизни в Претории Марк потратил на эти цели сумму, в несколько раз превышающую стоимость автомобиля. Надо отдать должное, иногда ценой больших усилий автомобиль этот начинал двигаться, и тогда Боб, Марк и иногда Джон совершали на нём длительные поездки по ЮАР и соседним странам. Джон, однако, вскоре отказался ездить с ними, ибо на одном из спусков у машины вышли из строя тормоза, и они едва избежали аварии. Тем не менее, это не мешало Марку машину свою обожать и он даже планировал гнать её своим ходом через Каир в Англию.

Подобно Бобу, Марк был африканским старожилом. Он получил свою первую ученую степень бакалавра в Йоркшире в 23 года, и решил сделать небольшую паузу, дабы посмотреть на мир перед продолжением карьеры. На мир Марк решил смотреть из Уганды, которая в то время едва начала оправляться после правления "бесноватого" Иди Амина Дада и остро нуждалась в школьных учителях. Надо сказать, что при Амине большая часть образованных угандийцев была убита, учителя в первую очередь.

Марк провел в Уганде два учебных года по 9 месяцев каждый. Он показывал мне фотографии его школы: каркас из неровных тонких бревен, связанных веревками и крытый пальмовыми листьями без стен и дверей. Преподавал он все естественные науки. Однажды ему потребовалось объяснить детям, что такое звук, причем сделать это безо всяких наглядных пособий. Он построил их плотной колонной один другому в затылок, толкнул впереди стоящего и затем по всей колонне прокатилась волна движения, как в эффекте "домино". Марк три раза болел малярией, однако уехать из Уганды его принудило не это, в постоянное отсутствие белковой пищи и связанные с этим расстройства организма.

Вернувшись в Йоркшир без определенных планов на будущее, Марк посетил своего старого профессора геологии, коллеги которого из ЮАР как раз искал себе работоспособного студента для магистерской диссертации. Марк обладал удивительно мягким и добродушным нравом, что, по-видимому, помогло ему пройти три академические ступени на одной кафедре без переездов. В одной из своих недавних поездок в Ботсвану Марк обнаружил ископаемые остовы магнитных термитников давностью в несколько десятков миллионов лет. Магнитными они называются потому, что некоторые виды термитов ориентируют длинную ось своих гнезд вдоль магнитных линий. Ориентация ископаемых магнитных гнезд заметно отличалась от современной магнитной оси, что произошло вследствие дрейфа континентов. Марк планировал измерить углы отклонения осей термитников и по этим данным определить скорость вращения и дрейфа Африки.

Джон, Боб и Марк втроем снимали частный дом недалеко от Университета. На двух верхних этажах у их было по отдельной комнате на каждого, а зал и кухня внизу были общие. Дом этот достался им от Джерома и его жены, и арендная плата, деленная на троих, была совсем небольшая. Об этом мне рассказ Джон, а ещё через некоторое время я был приглашен туда в гости. Случилось это вот как. Однажды за утренним чаем в кабинете я спросил Боба, как идет его работа и чем он сейчас занимается.

- Работа - отлично. Вчера получил известие, что нашу с Вильямом статью наконец приняли в "Поведение животных". - профессор Вильям Марш был шефом Боба. - А сегодня вот Клайд дал мне эту книгу, чтобы я написал на неё рецензию в "Африканскую энтомологию".

Он взял со стола толстую книжку в зеленой обложке с фотографией огромного сверчка, едва помещавшуюся на ладони человека. Я спросил, что это за зверь.

- Это тварь с Новой Зеландии, вернее всего, с пары мелких островов, куда ещё не добрались крысы и не сожрали их. Это самый крупный сверчок в мире, он размером с крупную мышь. Исключительно сексуальный зверь. В этой книжке собраны статьи с обзором всех современных данных по биологии сверчков и до завтра мне нужно закончить рецензию.

Рецензии на книги мне писать ещё не приходилось, и я спросил Боба, как он это делает и какое его мнение о книге.

- Да очень просто. Я сразу смотрю на список цитированной литературы. Если среди них есть мои работы, то и книжка хорошая, а если нет - то просто дрянь, - улыбнулся Боб. - Вообще книга ничего. Кстати, её редактор и автор вступительной статьи русский, Цветков из Санкт-Петербурга.

Я ответил, что оттого и книга хороша, что редактор из Питера, ибо в Зоологическом Институте, как известно, работают лучшие энтомологи мира. На это Боб возразил:

- Лучшие энтомологи работают все в Британском музее, - он положил книгу обратно к себе на стол. - Кстати. Вэз, мы хотим пригласить тебя в гости. В субботу в шесть вечера у нас на Скуман-стрит. Марк отмечает свою недавнюю защиту; он не успел это сделать раньше из-за Мадагаскара. Все приходят со своей едой. Будет человек десять, в основном наши, с кафедры. Сейчас я тебе нарисую, как пройти.

В субботу вечером я без труда отыскал нужный мне дом моих друзей. Он стоял среди группы из восьми одинаковых домов за общим высоким забором. В одном из домов жил владелец всего комплекса, а остальные семь он сдавал в долгосрочную аренду. Недостатка в жильцах по видимому, не было, ибо весь комплекс выгодно помещался в квартале иностранных представительств и имел по бокам от себя посольства Анголы и Ирана. Внутри высокой зазубренной ограды между двумя рядами домов помещался плавательный бассейн в окружении высоких пальм и деревьев авокадо, у входа рос высокий кипарис и ещё каждый дом имел небольшой участок огороженной земли с кустами и газонной травой. Таким образом выходило, что друзья мои жили в исключительно комфортных условиях.

На вечеринке у Марка собралось много моих знакомых с кафедры. Среди первых пришла Линн Оатс. Она приехала на постдок из Новой Зеландии и занималась изучением популяции китов. Для этого она надолго уходила в море на исследовательских судах и научилась узнавать индивидуальных китов по выщерблинам на лопастях хвостового плавника. Стены в её кабинете были увешаны десятками фотографий играющих китов с торчащими из воды хвостами. Линн родилась и выросла в Южной Родезии, впоследствии переименованной в Зимбабве, куда её родители приехали выращивать табак из Англии в начале 60-х. Когда в 70-х годах в стране шла гражданская война между чернокожими партизанами и белым правительством, автомобиль с семьей Линн, ей самой и прицепом, полным чернокожих рабочих с их фермы, подорвался на двойной противотанковой mine. К тому времени почти во всех машинах белых фермеров были установлены бронированные днища для защиты от мин, и пассажиры в кабине джипа получили легкие контузии. Взрыв оторвал прицеп с африканцами от машины и разметал людей и части их тел по сторонам. Шесть человек погибли и многие получили увечья. Вскоре стало ясно, что правительство Яна Смита обречено, и в 1980 году к власти пришёл лидер повстанцев Роберт Мугабе, уже впоследствии ставший широко известным под кличкой "дурной Боб". Двумя годами позже отец Линн за гроши продал ферму и увез семью сперва в Австралию и затем в Новую Зеландию. Там Линн закончила университет, получила учёную степень PhD и затем вернулась в Зимбабве на несколько лет работать секретарем в офисе одной из фирм в Хараре. Сейчас она делала второй постдок в ЮАР, сперва в Кейптауне и затем в

Претории. В Зимбабве у неё остался друг по имени Питер, к которому она ездила на автобусе в гости каждые несколько месяцев.

Вслед за Линн приехал Роб Парменер со своей подругой Мелиссой. Роб был англичанином и делал диссертацию по особенностям биологии слонов на юге континента. Роб был невысокого роста, плечи широкие и голос имел такой мощный, что я слышал его из своего офиса в другом конце коридора. До приезда в ЮАР Роб несколько лет работал консультантом по экологии правительства Мозамбика и получал за это очень приличное жалование из казны ООН. Он совсем недавно вернулся из экспедиции в Малави, где неосмотрительно искупался в одноименном озере и приехал в Преторию больной шистоматозом. Сейчас он активно избавлялся от паразитов и готовился провозить Мелиссу в Дурбан, где она собиралась преподавать английский язык иммигрантам.

На вечере была семейная пара Кристины и Олафа Куньюген. Олаф был датчанином и специалистом по генетике медоносной пчелы. Сейчас Олаф был на специальном постдоке, финансируемом напрямую правительством ЮАР и консультировал огромный проект по обучению нескольких десятков тысяч сельских чернокожих содержанию пчёл и производству меда. Одновременно он руководил в Германии несколькими аспирантами и раз в год они приезжали в Преторию на месяц набираться у Олафа знаний.

Со своей женой он познакомился на одном из своих первых постдоков в Германии и привез её в Преторию писать диссертацию о популяционной генетике кроликов. Первоначально Кристин проект был по редким видам муравьев, однако его пришлось оставить, так как муравьев этих невозможно стало найти в природе. Оба они полюбили Африку и совсем не помышляли о возвращении в Европу. Криста говорила мне, что если она не получит работы или постдока после защиты, то она будет готова бросить науку и организовать небольшое частное туристическое агентство. Ещё она все время надеялась, что работа её мужа на огромный государственный проект позволит им получить статус резидента или даже оформить южноафриканское гражданство и тем самым окончательно утвердиться в любимой ими стране. Последнее время Криста стала заметно более озабоченной будущим, ибо три года в аспирантуре подходили к концу, а вместе с этим прекращала выплачиваться небольшая стипендия.

Последними приехала другая кафедральная семейная пара - Талат Нурис и Марлес Ван Дер Колк. Талат была южноафриканка индийского происхождения и получила постоянную работу на кафедре в Претории сразу после защиты диссертации по лягушкам в Университете Кейптауна. Марлес приехал из Голландии несколько лет назад на постдок по экологии коллембол и вот недавно они поженились. Финансирование у Марлеса тоже истекало через несколько месяцев, и он, как и Криста, был озабочен поиском дальнейших заработков. Будучи голландцем, Марлес неплохо понимал африкаанс и говорил на нём не хуже Боба. Через несколько дней они оба должны были лететь в Голландию, чтобы Талат познакомилась с родителями Марлеса.

Вечеринка у Марка закончилась затемно. Криста и Олаф предложили отвезти меня до моего общежития. Джон пошёл с нами отпереть ворота, и я сказал ему, что мне их дом очень понравился.

- Правда? - спросил Джон. - Интересно, что ты заговорил об этом. На самом деле мы как раз хотели предложить тебе переехать к нам. Дело в том, что в марте я поеду в Англию на два месяца навестить Рачел и как раз ищу кого-нибудь, кто захочет пожить в моей комнате это время и оплатить мою часть ренты. А затем Марк уедет на три месяца - сперва в экспедицию в Калахари, а затем в свой Йоркшир на операцию глаз. Когда он уедет, ты можешь жить в его комнате. Видишь, из нас троих один всегда где-нибудь в отъезде, и на пустующее место мы вполне могли бы взять тебя, если, конечно, ты согласен. Смотри сам, места у нас много, условия сам видишь какие, а оплата наверняка меньше, чем в твоей общаге. Так что решай, время ещё есть. Я поговорил с ребятами, и они будут рады тебя здесь видеть.

Предложение Джона имело большой смысл. Дело в том, что я и сам надеялся в конце первого года в ЮАР отправиться на несколько месяцев в путешествие по Африке, Европе и Северной Америке. Это получалось как раз после возвращения Марка из Англии, и так мне не нужно будет платить ренту в своё отсутствие. Кроме того, мне по-настоящему нравился дом и с его обитателями я был в очень хороших отношениях. Я сказал Джону,

что предложение интересное, и я скажу свой ответ через неделю. Мне на самом деле очень хотелось переехать на Скуман-стрит.

Глава 09

После нескольких первых месяцев неопределенности и ежедневных усилий по изучению личинок пластинчатоусых жуков - официальной моей тут работы - я наконец почувствовал, работа эта наконец начата, находится под контролем и скорее всего будет выполнена в надлежащие сроки и приличного качества. Я перечитал несколько сот статей и книг и начал немного лучше ориентироваться в названиях, составе и распространении объектов моего исследования. Из разных музеев начали поступать первые посылки с личинками и они, в дополнение к привезённым из России и Парижа, уже являли собой материал, достаточный для изучения. Из этих личинок я стал готовить микроскопические препараты их голов, ножек и прочих частей тела, изучать их под микроскопом и делать многочисленные рисунки. Личинок многих групп мне по-прежнему не хватало, однако, с течением времени я должен буду получить и их. Таким образом, мой главный официальный проект стал постепенно набирать ход.

Помимо моей главной статьи о филогении личинок пластинчатоусых, оставаясь в сфере своих формальных обязательств, я начал работать ещё над пятью меньшего объема статьями, так или иначе касающимися личинок этой группы. Три из них были сравнительно небольшими: описание личинок *Сцелиагес* для проводимой Джоном ревизии рода, описание личинок и куколки австралийской *Цератокантиды* с Алессандро Фоссато и описание личинок и куколок двух видов *Пахизом* из Намибии с заметками о удивительном факте развития вне навозного шара. Главная цель этих работ была предоставить чёткое описание всех деталей морфологии, сделать несколько десятков подробных тушевых рисунков головы, челюстей и прочих частей тела и, где возможно, указать интересные признаки личинок, отличные от их ближайших родственников. Оставшиеся две работы были крупнее: одна ревизия личинок всех *Цератокантид* и *Хибосорид* с Алессандро и Федерико Мори, а вторая - обзор личинок *Дасциллид* и выяснение на самом ли деле

группа жуков родственна пластинчатоусым. Само собой разумеется, что Клайд был последним соавтором всех этих работ.

За три или четыре месяца после возвращения из Намибии своего руководителя я видел раз наверное пятнадцать, по большей части пересекаясь в коридорах кафедры или в мужском туалете. Два раза он собирал Кармен, Джона, Розы и меня у себя в кабинете и заставлял отчитываться о работе. Связь с нами он держал посредством компьютерной сети и рассылал всем членам своей группы всегда лаконичные сообщения о том, что следует делать, чаще всего всякие административные формальности. Перед отлетом Джероми Клайд устроил его проводы и собрал всех нас в ресторане. За это время он дважды ездил за рубеж: на свою родину в Ботсвану на съемки фильма о съедобных гусеницах бабочки-Мопани, и второй раз к коллеге в Британский музей.

К нему из Швеции приехал Леннарт Свенсон, и они вдвоем провели неделю в национальном парке Крюгера, изучая, коррелируют ли размер частиц потребляемого навоза с размером жуков. Леннарт привез с собой страшно дорогие силиконовые гранулы размером от одного до ста микронов. Они подмешивали их в свежий навоз буйвола, а затем кормили им голодных навозников разного размера, из которых самый маленький *Онтофагус* был с ноготь мизинца, а самый крупный *Хелиокоприс* - размером с детский кулак. Затем Леннарт под микроскопом изучал фекалии самих жуков, находил там силиконовые гранулы и их максимальный размер как раз показывал предельный размер потребляемых частиц навоза. Эта работа затем была опубликована в журнале "Экологическая энтомология". Оказалось, что и большие и маленькие навозники едят одинаково маленькие частицы навоза и что прямой корреляции этих частиц с размерами жука нет.

Все остальное время Клайд очень интенсивно занимался всякими административными делами. К нему почти нескончаемым потоком шли сотрудники нашей кафедры, студенты и всякие приезжие зоологи. Кафедра была центральным зоологическим учреждением страны и оттого разные кино- и теле-деятели приходили за советами для своих передач, а газетчики расспрашивали о животных, в первую очередь скорпионах и жуках, которыми можно было запугать и привлечь читателя. Его секретарь Ирэн как могла старалась

регулировать этот поток. Однажды в приемную позвонила старушка из Йоханнесбурга. К ней в коридор залез большой, однако совершенно безобидный сверчок и перегородил ей выход из дома. Бедная женщина заперлась в спальне, залезла с ногами на кровать, открыла телефонный справочник и позвонила на кафедру за спасением. Ирэн ответила ей, что с ней будет говорить иностранный специалист по этим сверчкам, связала её с Бобом, а поскольку его в это время не было в кабинете, я как мог успокоил даму.

У Клайда была куча других административных обязанностей, о большей части которых я, видимо, так и не узнал. Он входил в добрый десяток университетских комитетов и комиссий, принимал участие в интервью с людьми, желающими работать на факультете и делал кучу других дел подобного сорта. Помимо этого он получал на официальный отзыв никак не меньше десятка PhD диссертаций в год из страны и из-за рубежа. Разумеется, он вел все собрания кафедры и часто присутствовал на традиционных семинарах по пятницам, которые проводили сотрудники кафедры и заезжие ученые. Помимо всего прочего, он читал лекции. Дела все эти он делал эффективно и быстро.

Однако, по-видимому, главное направление деятельности моего шефа был поиск финансирования для работ по перспективным и интересным направлениям в пластинчатоусых жуках. Разумеется, что самому заниматься рутинной научной работой у Клайда времени не было абсолютно. Университет поставил его в такие условия, что он просто был обязан делегировать её своим студентам, аспирантам и постдокам, а всем этим людям необходимо было платить, финансировать их экспедиции и оборудование, покупать им компьютеры, оплачивать их участие в конференциях, почтовые расходы и море других мелочей. Клайд находился в постоянной гонке отсылки проектов по пластинчатоусым в различные фонды. Автомобиль, на котором мы ездили в Намибию, Клайд получил, убедив руководство компании "Мазда", что ему эта машина действительно нужна, чтобы ловить жуков. Университет Претории ежегодно выделял Клайду приличную сумму денег на исследования, и моя зарплата поступала как раз из этого фонда. Одну ветеринарную фармацевтическую компанию Клайд убедил выделить средства, чтобы нанять человека и машину для проведения трёхлетнего слежения влияния их препаратов не только на корову, но и на навозного жука из-под коровы. Клайд также получал средства для исследований или на содержание студентов из нескольких частных фондов и просто от частных лиц. Он

считал это своей обязанностью и делал эту работу исправно. В результате все необходимое для нашей работы от почтовых конвертов до оргтехники и поездок на конференции - все это полностью и оперативно оплачивалось бухгалтерией Университета из именного исследовательского фонда нашего шефа.

Но и от нас, его рабочей группы, Клайд спрашивал довольно строго. Ему были нужны готовые рукописи статей, которые по своему качеству не будут отвергнуты ведущими энтомологическими журналами мира. Количество этих рукописей варьировалось, и нормой для постдока было выдавать две-три публикации в год. Темы этих работ определял либо сам Клайд, либо, как это было в моем случае, он давал общее направление работы и затем уже я сам решал, какой именно вопрос может быть исследован с надлежащей глубиной и полнотой. Лимитирующим фактором здесь было наличие необходимого материала и время, но не деньги. За наличием денег следил Клайд, и для работы они были всегда.

Клайд был соавтором всех написанных нашей группой статей. Ему практически никогда не хватало времени посмотреть на материал, и его вклад в статьи, помимо выбора направления исследования и его финансирования, был критический просмотр готовой рукописи. В моих статьях Клайд обычно расставлял обычно неуловимые для меня английские артикли и делал другие сравнительно незначительные редакционные пометки. Я все эти замечания вносил в текст и рукопись затем отпечатывалась в трёх экземплярах и в большом конверте отсылалась редактору того или иного журнала, как правило, европейского.

В продолжение своей небольшой карьеры в науке я не раз задумывался сам или слушал другие отзывы о том, что является вкладом в работу, достаточным для включения человека в соавторы. Кармен однажды принесла и показала мне специальную статью на эту тему, автор которой пытался разработать критерии соавторства. В ней он рекомендовал, что лицо, оказавшее финансирование работ, следует упомянуть в разделе "Благодарность" и не включать в соавторы. Ну что же, это достойная точка зрения, однако, этот автор не учел некоторых обстоятельств. Вовсе не академическое тщеславие заставляет людей стремиться стать соавтором. Все профессиональные ученые имеют своих собственных, зачастую

ненаучных, а административных руководителей, и эти руководители устанавливают свои правила игры. Университет Претории прекрасно понимал, что ни один человек не в состоянии выпускать в год дюжину статей в центральной печати и при этом делать солидный академический вклад во все из них. Ещё меньше оснований ожидать это от перегруженного административной работой заведующего кафедрой. Таким образом получается, что правила Университета обязывали Клайда, а он, в свою очередь, обязывал нас включать его фамилию в список соавторов.

В энтомологии подавляющее число статей имеет от одного до двух, реже трёх, авторов. В экспериментальных лабораторных науках такое положение дел немислимо, и там не редкость статьи, где список авторов длиннее, чем весь "абстракт". Я полагаю, что представителя лабораторных дисциплин не надо убеждать, что имя шефа лаборатории автоматически завершает список авторов. Мне приходит на ум один анекдот, который мне рассказал мой бывший университетский однокурсник Петька Талецкий. В бытность свою аспирантом в экспериментальной биологии он являлся основным исполнителем проекта с кучей соавторов. Когда работа была завершена, их не совсем опытный и тщеславный заведующий рассортировал соавторов по рангу, при этом список начинался его фамилией, а заканчивался Петькиной. То есть совершенно наоборот, как это принято. После выхода статьи Петька к своему немалому удивлению получил несколько писем из-за рубежа, которые начинались: "Дорогой профессор Талецкий, мы были заинтересованы работой Вашей, нам прежде неизвестной лаборатории". Очевидно, что оказавшись последним соавтором, мой скромный друг был воспринят как руководитель всего коллектива.

Ну и последний аккорд в защиту шефа. Помимо финансирования, именно Клайд определял стратегическое направление работы, объяснял всяким администраторам от науки о важности жуков и выбирал себе людей для работ. В течение нескольких лет моей жизни в Африке я не раз вспоминал о моих восьми заявках на постдок, из которых поддержана была только одна, и та благодаря Клайду. Это Джероми был пресыщен постдокством и уставшим от поездок. Для меня же жизнь и работа в Африке сама по себе была чем-то вроде награды. Все своё время в Претории я старался помнить об этом и оставался искренне благодарен за это шефу, несмотря на его ранящую прямолинейность и некоторую черствость. За всем этим я старался разглядеть человека до предела

нагруженного разными общественными обязанностями и делающего свою работу оптимально эффективно. Нет, воистину, Клайд был во многом человеком замечательным, и лучшего шефа я себе не пожелал бы.

Глава 10

Направляясь в Африку, я определил себе три основные цели моей там работы. Первая и главная цель была качественная работа по теме моего постдока, которая удовлетворила бы меня и моего работодателя профессора Клайда Купера и несколько десятков коллег энтомологов в мире, которые будут читать со временем мои статьи о личинках пластинчатоусых жуков. Цель эта достигнута пока не была, однако, после полугода усилий я наконец организовал свою основную работу должным образом и теперь мне просто следовало продолжать так и дальше работать. Наведя относительный порядок с этим, я призадумался о своей цели номер два. Дело в том, что ещё более чем пластинчатоусые, меня интересовали личинки и взрослые жуки других семейств и таковых, надо сказать, было приличное множество.

Арт Эванс, мой коллега-энтомолог из Калифорнии полагал в своей книге "Исключительная приверженность", что Творец обладал этой самой исключительной приверженностью к жукам. В самом деле, огромное число видов, бесконечное разнообразие морфологии и удивительных адаптаций. Впрочем, возьмите любой учебник зоологии или энциклопедию и прочитайте сами все эти факты. Моя книга совсем не об этом.

Собирать жуков я начал с 11 лет и трёх месяцев жизни. Сперва я ловил и накалывал на булавки всех жуков больше трёх миллиметров, затем ограничил свою коллекцию жужелицами и усачами, а затем только жужелицами. Тринадцати лет от роду в Ростовском зоопарке я поймал своего первого жука рода Карабус и до сих пор помню дикий восторг от этого жука. Пятнадцати лет я отправился в первую специализированную энтомологическую экспедицию на Кавказ и за две недели моя коллекция Карабусов пополнилась двенадцатью видами, включая четырёх сантиметровую жужелицу Прометей с

надкрыльями цвета синей, зеленой и желто-красной стали. Карабусов в мире живет чуть меньше тысячи видов, и ко времени моего поступления на биофак Ростовского университета я видел себя всю свою жизнь изучающим и коллекционирующим этих самых Карабусов.

В Университете я осознал, что помимо меня ещё несколько сот человек по всему миру изучают и коллекционируют Карабусов, и мне придется со всеми ими конкурировать. Позже университет научил меня, что жук тем интереснее, чем он мельче. В результате на втором курсе я занялся жужелицами рода Бембидион 6-8 миллиметров длины с более чем двумя тысячами видов по всему свету. Для сравнения напомним, что птиц "всего" где-то между 8-10 тысячами видов. Последние два курса университета я отправился доучиваться в Питер и, едучи в поезде, видел себя всю жизнь изучающим и коллекционирующим этих самых Бембидионов.

Людей, изучающих Бембидион, в мире, конечно, не двести, но человек двадцать есть наверняка, среди которых есть люди, делающие это всю свою жизнь. Мне потребовалось бы несколько лет упорного труда, чтобы разобраться в вещах, которые этим моим коллегам были яснее ясного. Мне нужна была совершенно неисследованная область, где ещё никто не работал. Поэтому я занялся изучением не жуков, а личинок этих самых Бембидион. Это было темой моей дипломной работы и она же, в значительно более расширенном виде с привлечением личинок всех прочих родов надтрибы Трехини, куда входил Бембидион, стала темой моей диссертации.

Вместо положенных трёх, мне потребовалось шесть с половиной лет, чтобы защитить диссертацию и за это время мои интересы медленно дрейфовали от личинок Бембидион и Трехита на личинок всех жужелиц, а затем на личинок всех жуков, которые внешне похожи на таковых жужелиц. Такие личинки были у нескольких десятков семейств жуков, среди них самыми крупными были Стафилины с более чем 50 тысячами видов. Волей судьбы в те годы я общался со многими коллегами, специалистами по Стафилинам, многие из них стали моими друзьями, и они окончательно уверили меня в моем интересе. Выбирай я себе тему сам, на постдоке я занимался бы личинками Стафилинов и вовсе не таковыми пластинчатоусых.

Оказавшись на постдоке в Африке я первым делом организовал течение моей официальной работы и на это потребовалось несколько месяцев напряженного труда. Пять дней в неделю я самым искренним образом занимался личинками пластинчатоусых, а два выходных дня берёг для работы над своим собственным проектом. В самом деле, у меня была прекрасно налаженная лаборатория с необходимым микроскопом, компьютером и химикатами для препарирования личинок и их изучения. Клайд позволил мне использовать все это для своей личной работы с одним только условием, что основной проект постдока будет выполнен вовремя.

Мой первый личный проект был о личинках жуков-вееорокрылок, ближайших родственников жуков-стафилинов, интересных тем, что их взрослые особи редко бывают длиннее одного миллиметра. Самый маленький на свете жук принадлежал к этому семейству; его длина меньше 0,4 миллиметра. Ещё в России я получил в лаборатории достаточное количество личинок одного вида этого семейства и вот теперь вместе со своим немецким коллегой Дитмаром Якобсоном собирался сделать работу по изучению морфологии и анатомии этих личинок и влияния на них экстремально маленьких размеров всего организма.

Для этой работы я отослал десяток личинок вееорокрылок Дитмару в Германию. Там он залил каждую из них в каплю мягкого пластика и затем порезал их на микротоме, как колбасу на кружки толщиной три микрона. Срезы эти он уложил в ряды на предметных стеклах микроскопа, покрасил их в красителях специфичных для мышц, жировых тел и покровов и затем под микроскопом сделал с десяток рисунков продольных и поперечных разрезов личинки и обозначил там десятки мышц, нервные ганглии, пищевой тракт и прочие внутренние структуры. Это была первая анатомическая работа для таких миниатюрных жуков.

В свою очередь я приготовил в Претории несколько препаратов с целыми личинками, зарисовал их, отметил и обозначил на рисунках полторы сотни различных щетинок и других сенсорных структур. Затем я объединил анатомическую и морфологическую части в единую рукопись и отослал редактору подходящего по тематике журнала.

Вторым моим проектом была небольшая работа с описанием личинки жужелицы трибы Анилини рода Геохаридиус из Мексики. Эта триба включает в себя около полусотни родов со всего света, распространенных преимущественно в тропических и субтропических областях. Жуки эти тоже очень маленькие, обычно около 1 миллиметра, и живут они под глубоко вросшими в землю камнями в горах. Личинки трибы долгое время не были известны совершенно, и в своей диссертации я описал их первого представителя с юга Испании. Вторую такую личинку я обнаружил среди неопределенных материалов в Музее Сравнительной Зоологии в университете Гарварда, однако, за неимением времени отложил её изучение до более подходящего дня. Я написал письмо куратору коллекции в Гарвард, получил по почте эту единственную личинку длиной в миллиметр, смонтировал её на препарат, зарисовал и описал. В статье было несколько, на мой взгляд, интересных выводов о родственных отношениях всей трибы Анилини и статья эта была вскоре принята в печать в "Европейском Энтомологическом Журнале".

Работая над этой статьей, я все чаще задумывался, что результаты моей диссертации по личинкам жужелиц надтрибы Трехита оставались до сих пор неопубликованными. По традиции во всем мире завершенная и переплетенная диссертация считается чем-то вроде рукописи, которую затем надо перерабатывать либо в монографию, либо в серию статей, либо, как это планировал я, в одну большую статью. Сплошь и рядом случается, что работа эта остается не сделанной, либо после защиты человек не находит работу и бросает науку, либо находит работу и уже не имеет времени на публикацию материалов диссертации. Оказавшись в очень благоприятных условиях Претории, я решил довести эту работу до конца.

Форма и объем моей диссертации весьма походил на мой официальный проект в Претории с той лишь разницей, что объектом исследования были совершенно разные группы жуков. В обоих случаях я подробно изучал морфологию личинок из 30-40 родов, делал сводную таблицу с названиями родов по горизонтали и названиями признаков по вертикали, а в клеточках расставлял соответствующие знаки присутствия или отсутствия того или иного признака. В моей диссертации финальный матрикс получился из 29 родов на 70 признаков. Такая таблица обычно заносится в компьютер и специальные программы вычисляют

различные возможные комбинации объединения родов в группы по степени максимальной морфологической близости. Результат выдается в виде филогенетических деревьев, в идеале отражающих эволюцию изучаемой группы.

Статья по материалам диссертации потребовала от меня значительных усилий. Причиной тому было то, что в своей диссертации я не делал формального компьютерного анализа и сгруппировал роды по своему мнению. Результат формального анализа не должен был кардинально отличаться от моих предыдущих выводов, однако, для его проведения пришлось критически переосмысливать ряд признаков, перепроверять таблицы и добавлять в матрикс несколько новых родов, в том числе и этого мексиканского Геохаридиуса. Статью эту я писал вместе с Томасом Адамсоном из университета Аризоны. Он снабдил меня солидной долей личинок североамериканских видов и, кроме того, был автором компьютерной программы, которую следовало использовать для анализа. Мы договорились, что я делаю всю работу по подготовке матрикса и оформление статьи, а Томас анализирует данные и дает мне готовый результат. Так все и вышло, если не считать девятимесячного перерыва в работе из-за чрезвычайной академической занятости моего коллеги. Статью мы эту благополучно закончили, и я успел отослать её в редакцию "Систематической Энтомологии" за три часа до окончания моего постдока в Африке.

Было ещё два частных проекта, которые я оба начал через полгода после прилета в Африку, а их завершённые рукописи отослал в редакции журналов в самый последний день перед возвращением в Россию. Один проект был ревизией личинок жуков-архостемат. Отряд жуков разделен на четыре подотряда, из которых три вместе едва составляют 10 % видового разнообразия, зато четвертый, Полифага, огромен и включает все оставшиеся группы жуков, в том числе пластинчатоусых и стафилинов. Архостемата есть самый маленький и вероятно, самый древний подотряд жуков с всего сорока пятью видами из пяти семейств. Жуки эти достаточно редки и за свою жизнь я ни разу не встречал в природе их живыми, не говоря уже о более редких личинках. Таковые были известны по разрозненным описаниям для шести видов из трёх семейств; я получил из музеев личинок всех известных видов и сделал их полную ревизию, приложив сто двадцать морфологических рисунков. Что же касается двух оставшихся семейств жуков-архостемат, то это были, по видимому, два самых загадочных семейства в отряде жуков

вообще. Одно семейство Кровсониеллиды было известно по трем жукам длиной меньше миллиметра из нижних слоев почвы в Центральной Италии и было описано в 1976 году. Второе семейство, Сихотеалиниды, установлено для единственного вида, известного по одной самке с Дальнего Востока России, описанной в 1996 году. С тех пор многие энтомологи, включая авторов описаний, старались собрать дополнительный материал по этим семействам и каждый раз их экспедиции успеха не имели. Я надеюсь, что личинки этих загадочных животных станут известны в продолжении моей жизни, и тогда мне удастся сравнить их с остальными известными личинками подотряда Архостемата.

Другой затеянный мной частный проект в Претории был про личинок не жуков, а родственного им отряда Сетчатокрылых, куда относятся муравьиные львы и златоглазки. Сетчатокрылые напоминают внешне стрекоз, однако, их личинки внешне практически неотличимы от личинок жуков, и это является основанием полагать, что два этих отряда являются сестринскими группами. Многие личинки сетчатокрылых похожи на таковых жужелиц: стройное прямое тело, длинные подвижные ноги и голова с направленными вперед хищными челюстями. Животные эти бегают по листьям деревьев и высасывают тлей. Однако сетчатокрылые из семейства Итонины имеют С-образные личинки, удивительно похожие на таковых у пластинчатоусых. Первое и единственное описание С-образных личинок Итонид из Австралии появилось около 80 лет назад и лишь несколько лет назад от своего товарища Давида Уолтера я узнал, что он собрал похожих С-образных личинок совсем другого рода этого семейства из Калифорнии. Давид любезно прислал мне этих личинок на изучение; из Британского музея я получил личинок австралийского рода, сделал их подробное описание, иллюстрации и сравнил с личинками прочих групп сетчатокрылых, каковые имелись у меня в коллекции. Рукопись я послал Давиду на рецензию, получил от него замечания, вставил их в текст и отослал в журнал.

Большого труда стоило мне научиться писать по-английски. Мой родной язык - русский, и за годы в школе и университете преподаватели иностранного языка воспитали во мне комплекс неполноценности и глухую боязнь английского. Современная научная литература примерно на 80 % выходит на английском языке, и в конце концов нужда заставила меня взять самоучитель и выучить его самому. Ещё в Москве я написал свою первую работу, отослал её в один европейский журнал и чуть не заплакал, когда она

вернулась вся в красных чернилах исправлений после рецензии. К моему глубокому удивлению статья не была отвергнута журналом, редактор предлагал несколько замечаний по содержанию, обязал меня внести все предложенные лингвистические исправления и впредь посылать рукопись сперва англо-говорящим коллегам для проверки языка. С течением времени я остаюсь всё также благодарен моему первому редактору. Откажи он мне тогда из-за моего слабого английского, кто знает, как бы сложилась моя судьба и не бросил бы я энтомологию из-за воображаемой неспособности осилить этот язык. Впрочем, расстановка и выбор этих загадочных английских статей остается для меня неразрешимой проблемой и до сих пор.

Последний мой и шестой по счету частный проект был небольшой заметкой с описанием прелестей месячной экспедиции за жуками в Восточную Африку, которую я совершил по истечении первого года работы в Университете Претории.

Глава 11

Моим третьим и заключительным важным делом в Африке была организация путешествий. В первую очередь меня интересовала сама Африка, во вторую - остальной мир. Когда моя лабораторная работа над официальными и частными проектами была налажена должным образом, я стал все чаще задумываться над организацией Большого Жучиного Путешествия.

Преградой на этом пути было несколько вопросов, которые необходимо было решить. Самый главный - куда и зачем? Второй вопрос был: откуда взять время? Третий - откуда взять деньги? Я начал решать их по порядку.

Итак, я сперва написал на листке бумаги список интересующих меня мест и дел. Конечно, первой в списке была Африка, скорее, вся её восточная часть. Живя в ЮАР и путешествуя по Намибии, я достаточно полно представлял себе южную часть континента. Запад Африки был привлекателен, однако менее достижим. Восточная Африка была местом идеальным, тем более, что столица Кении Найроби служила местом посадки местных

самолетов, следовавших из Европы в ЮАР. Иными словами, направляясь на самолете в Европу, я мог совершить посадку в Кении, провести там месяц и продолжить свой полет на север. Таким образом, билет в Кению не стоил мне ни копейки.

Теперь следовало решить, что делать в Восточной Африке. Разумеется, собирать жуков, однако, вопрос был, где конкретно делать это. Более всего меня интересовали горы и горные леса, и в этом отношении Восточная Африка есть самая богатая часть континента. На первом месте по привлекательности были горные массивы Рувензори и Вирунга, расположенные в самом центре континента на границе между Демократической Республикой Конго - бывшим бельгийским Конго - и Угандой и Руандой соответственно. Рувензори есть те самые "Лунные горы" на карте Птолемея, откуда берет начало Нил. Генри Стенли был первым европейцем, увидевшим их, и этот хребет, наряду с горами Килиманджаро и Кенией, был единственным местом в Африке с шапкой вечного снега.

Вулканы Вирунга лежали всего несколько сот километров южнее Рувензори, отделенные от последних озером Киву. Они были единственным в мире убежищем горных горилл, и на этих вулканах их изучал сперва Джордж Шаллер, а затем трагически погибшая Диан Фоссей. Разумеется, я прочитал их книги о работе на вулканах, считая эти горы наиболее привлекательным местом для своей экспедиции.

Однако во время работы в Претории и Рувензори, и Вирунга были совершенно закрытыми зонами. Шла так называемая "Война района великих центрально-африканских озер", по видимому, самый кровопролитный конфликт за всю известную историю континента, о котором в "развитых" странах очень мало кому известно. Конфликт зрел давно и вспыхнул в 1994 году в Руанде, когда племена Хуту истребили до миллиона Тутси. Затем, опасаясь возмездия, они укрылись в соседнем Конго. Руанда и Уганда ввели войска в восточные провинции Конго. Пользуясь этим, конголезская оппозиция стала с востока наступать на Киншассу и наверняка смела бы правительство Лоурена Кабины, если бы Зимбабве, Намибия и Ангола не прислали свои войска. В соседней Бурунди тем временем уже много лет шла междоусобная бойня. С тех пор во всем регионе участники всех конфликтующих сторон творят зверства против мирного населения, в первую очередь против женщин и

несчастных пигмеев. Остальной мир предпочитает трагедию эту игнорировать, как, впрочем, большинство остальных человеческих трагедий на Африканском континенте.

Но я отвлекся. Итак, ни на Рувензори, ни на Вирунга ехать сейчас я не мог. После некоторых размышлений я решил посетить в Кении три места: гору Эльгон высотой 4321 м. прямо на границе с Угандой, гору Кения в 5199 м. и знаменитый лес Какамега, единственный в стране реликт былых тропических низинных лесов. На все это я отводил один месяц.

Из Восточной Африки я планировал лететь в Лондон и провести неделю в работе с коллекциями личинок жуков Британского Музея. Затем я намеревался совершить туры по Соединенным Штатам и Канаде и провести неделю в Университете Небраски у профессора Пирсона, затем посетить конференцию американского энтомологического общества в Сан-Диего, с коллегами провести несколько дней в Южной Калифорнии, затем перелететь на атлантическое побережье и провести по неделе в музеях Вашингтона, Чикаго и Оттавы. Вернуться в ЮАР я планировал через Кейптаун, где к тому времени планировалась конференция южноафриканского общества энтомологов, а затем я хотел провести неделю в окрестностях этого города, коллекционируя жуков. После всех предварительных подсчетов эта поездка получалась продолжительностью в три с половиной месяца с суммарным бюджетом около трёх тысяч долларов.

Теперь мне оставалось найти время, иными словами добиться разрешения Клайда отправиться в эту поездку. Несколько месяцев назад я сказал ему о своем намерении посетить конференцию в Сан-Диего и заодно музеи для поисков там необходимых мне личинок. Тогда Клайд вроде не возражал. В конце концов на одной из наших редких встреч я напомнил Клайду о своем плане и спросил его мнение.

- Да, конечно, это хорошая идея, - сказал он. - Расскажи подробнее, куда и насколько ты собираешься ехать.

Я коротко перечислил ему весь маршрут, подчеркнул, что мой проект невероятно обогатится материалом из музеев, что свой отпуск я планировал бы употребить на

восточно-африканскую часть поездки и что вообще эта экспедиция поможет мне как следует отдохнуть от лабораторной работы и освежит мои мозги. Иными словами, мотивация была полная.

- Да, да, все это так, - сказал Клайд. - Так сколько времени все это вместе выходит?

Как можно естественнее я сказал, что это около 98 суток.

- Что? - Клайд разом подпрыгнул в кресле. - Это что, три с половиной месяца? Ты в своем уме? Нет, об этом не может быть и речи!

Я ответил, что будучи у него на работе, поступлю именно так, как он решит. Затем я снова сослался на профессиональную необходимость посетить музеи в Лондоне, Вашингтоне и Оттаве.

- Но Чикаго! - перебил Клайд. - Чикаго! Ты там планируешь быть две окаянные недели. Ведь там только стафилины в коллекции и ничего больше!

Я сказал, что действительно эти две недели к пластинчатоусым отношения не имеют. Однако это не секрет, что я хочу и буду в дальнейшем заниматься стафилинами и эта поездка в Чикаго мне необходима для организации моей дальнейшей работы после окончания контракта в ЮАР.

- Вы же отлично знаете, - добавил я, - что каждый постдок в первую очередь озабочен своей следующей позицией. На моем месте было бы неразумным оказаться так близко и не съездить в Чикаго.

- Да, - сказал Клайд, - это верно. Но три месяца..., какое там, три с половиной! Ты уверен, что ты не завалишь свою работу?

Я ответил, что официальный проект находится под полным контролем. К тому времени мы уже завершили с Алессандро одну статью с описанием австралийской личинки

Цератокантид и на очереди была статья о личинках Дасциллид. Ещё я добавил, что самый эффективный контроль работы может быть осуществлен только непосредственно её исполнителем, то есть мной, и оттого будет просто отлично, если Клайд полностью доверит мне планирование своего времени. Главное, чтобы работа была сделана полностью и в срок.

Клайд некоторое время посидел молча, а затем, видимо, придя к окончательному решению, обратился ко мне.

- Я так тебе скажу, Василий. В общем, делай, что ты хочешь. Ты взрослый человек и в состоянии сам понимать всю меру ответственности. Ты здесь, чтобы завершить в срок свой проект по личинкам пластинчатоусых. За это тебе платят деньги. Если ты считаешь, что все в порядке и есть время для поездок - тогда езжай. Но если окажется, что работа не выполнена или выполнена плохо - тогда пеняй на себя. Имей в виду, ты должен завершить проект, а остальное решай сам. Если поедешь в Кению, привези мне оттуда Троков в абсолютном спирте для анализа ДНК. Понял?

Заручившись благословением шефа и занялся поиском денег на эту поездку. В первую очередь я запросил сумму в 500 евро, которые Университет обязался выплачивать мне на финансирование любой поездки на конференцию за рубеж. Затем я перебрал в памяти все известные мне фонды и остановился на трёх, которым по формальным критериям моя заявка на поездку подходила. Это был Сигма-Кси в США, фонд Музея Природы в Оттаве и Национальный Исследовательский Фонд в ЮАР. За ближайшие выходные я написал по заявке в каждый из них на, примерно, 1000 евро каждая, и приготовился ждать результатов. Примерно через два месяца один за другим я получил положительные ответы из Оттавы и ЮАР. Итого в сумме бюджет поездки был в две с половиной тысячи евро из необходимых трёх. Эту разницу я был готов покрыть из своих частных средств. Разумеется, во время моего отсутствия я буду продолжать получать свою зарплату.

Предстоящее Большое Жучиное Путешествие планировалось как моя самая долгая и сложная поездка в жизни. Готовиться я к ней начал заранее и примерно за полгода до вылета в Найроби я уже купил все билеты. Оставалось ещё несметное количество дел:

визы для четырёх стран, разрешения на сбор жуков в Кении, заявки на участие в двух конференциях и доклады на них, бронирование жилья во всех городах, предупреждение кураторов музеев о приезде и многое, многое другое. Тем не менее, делами всеми этими я занимался организованно и с долей радости, ибо эта поездка обещала быть очень интересной и, конечно, это было реализацией давно задуманного плана путешествий по миру.

Глава 12

Однажды Клайд попросил Джона, Розы и меня отправиться вместе с ним и группой студентов на базу университета и провести для них несколько экскурсий. Мы замечательно провели время в саванне, наблюдая выход крылатых термитов, и вообще отдохнули от лабораторной рутины. Через пару дней по возвращении в Преторию я почувствовал себя сперва странно, а затем дурно. В течение дня у меня болела голова, по-видимому, была температура, и вообще ощущение было как наутро после сильной пьянки. На следующий день легче не стало, и я отправился в университетскую поликлинику. Врач выслушал мои симптомы, заставил раздеться, осмотрел со всех сторон, спросил, не был ли я недавно в саванне и затем удовлетворенно хмыкнул:

- Поздравляю Вас, типичнейший случай африканской клещевой лихорадки. Прямо как из учебника.

В зеркале врач показал мне под правой лопаткой пятно, напоминавшее ожог от потушенной сигары. Это означало, что в этом месте меня укусил иксодовый клещ и занес мне инфекцию этой лихорадки. Болезнь эта отнюдь не смертельна и обычно проходит за одну-две недели. Все это время у меня непрерывно и сильно болела голова и дабы не сотрясать ее, я все время ходил на носочках. Лимфатические узлы на правой руке вздулись, и мне приходилось держать руку на некотором расстоянии от тела, дабы узлы эти под мышкой не сжимались и не сильно болели. Всю неделю держалась температура и вообще было дурно. Тем не менее, по прошествии недели симптомы эти все же спали и через пару лет даже пятно под лопаткой стало практически незаметно.

Тем временем я переехал из своего общежития в роскошный дом Джона, Марка и Била на Скуман-стрит. Марк действительно уехал в Йоркшир, и на пару месяцев я поселился в его комнате. В ближайшую же субботу я купил в супермаркете громадный кусок говяжьей ноги, нашпиговал его разной приправой и испек в печке вместе с несколькими противнями овощей. Из этой провизии мы устроили двойной праздник: и проводы Марка, и моё вступление в холостяцкую коммуну на Скуман-стрит. Из нас только Джон был женат, но поскольку его супруга находилась в это время в Англии, мы терпели его присутствие и называли "семейным холостяком". В этом доме я провел два года своей жизни и у меня ни разу не было случая пожелать себе лучшего жилья или соседей.

По воскресеньям недалеко от Университета организовывали блошинный рынок, по-русски "барахолка", или вернее сказать, рынок всякой мелочи под открытым небом. Рынок этот помещался на закрытой по случаю выходного дня автостоянке около закрытых же магазинов. С раннего утра к этому месту начинали стягиваться автомобили, выгружать товар, раскладные столы для продавцов, самих продавцов; и примерно к 9 часам масса товаров сама собой организовывалась в компактные ряды палаток, между которыми бродили в основном туристы.

Торговали на этом блошином рынке обычно вещами размера мелкого или среднего и по цене недорогой. Более всего было деревянных изделий местных чернокожих умельцев, которых по-русски можно было назвать изделиями народного промысла. В основном это были фигурки людей или животных, разумеется, африканских; небольшие игрушечные человечки с гипертрофированно большими детородными органами, наборы слонов в дюжинах по одному на каждый месяц года, черные буйволы из черного же дерева и худые и высокие жирафы от полуметра до гигантов в 25 метров длиной. Жирафы эти были очень популярны у туристов; ещё до приезда в ЮАР я с удивлением рассматривал их в доме моего немецкого коллеги, который последние пять лет регулярно организует экспедиции Берлинского Музея на запад ЮАР и в Намибию. Несколько раз в аэропорту Йоркшира я видел бродящих туда-сюда пассажиров, а в руках у них упакованных в пластик и мешковину деревянных жирафов с торчащими из мешковины головами.

Технический прогресс не обошёл стороной местных африканских умельцев и помимо традиционных материалов они стали использовать проволоку. На углу Фестиваль и Барнетт-стрит всегда сидел угрюмого вида инвалид без одной ноги, целыми днями крутил проволоку и тут же продавал свои изделия. Я видел там игрушечный мотоцикл для малыша лет пяти, целиком изготовленный из проволоки. Более привлекательными, на мой взгляд, были фигурки зверей, сваренные из кусочков листовой стали: цесарки с крыльями, каждая из отдельного кусочка стали, несколько занятных антилоп и маленькая, удивительно реалистичная ящерица с характерно опущенной тяжелой передней частью тела и разинутым ртом. Я ни разу не видел, чтобы инвалид продавал эти изделия; он только сидел на асфальте и сосредоточенно гнул проволоку.

Через пару месяцев по приезду я впервые оказался на этом блошином рынке и решил поискать себе недорогой плеер взамен украденного в Парижской гостинице. Я набрел на одну палатку с радиодетальями и спросил, есть ли у них плееры? Молодая девушка сказала, что нет, а затем уже на русском спросила, не из России ли я. Она и её муж Влад были эмигрантами, въехавшими в Израиль, однако непонятно как они очутились в ЮАР, держали в Йоханнесбурге небольшой магазин, а в воскресенье возили свой товар в Преторию. Влад говорил с небольшим акцентом по-русски; он сказал, что здесь уже больше 10 лет и вообще они хотят эмигрировать в Канаду и вот-вот подают документы в Канадское консульство. В их компании был третий - бывший советский грузин по имени Заза, мужчина лет 50 в клетчатой рубашке и с грустными глазами. Заза рассказал, как непросто ему приходится в ЮАР и больше всего жаловался на высокую преступность. Две недели назад его ограбили на улице, и он, видимо, все ещё не пришёл в себя.

- Представляешь, шёл вечером домой, вдруг бац! - кирпичом сзади по голове. Разве можно? Я потерял сознание. Наверное, пошёл дождь. Прихожу в себя - весь мокрый. Сняли негодяи ботинки. Все. Зачем - спрашивается. Что - ботинки? Черт, нет, нельзя так.

Я потом несколько раз видел Влада, его жену и Зазу на рынке в течение примерно года; потом Заза куда-то исчез. Влад всегда был очень занят с покупателями, и ему было не до разговоров. Последнее, что я слышал спустя примерно два года после первой встречи, что они все ещё готовят эмиграционный пакет в Канадское посольство и вот-вот его отдадут.

Самым интересным, на мой взгляд, местом на всем блошином рынке был угол, где продавалась букинистическая литература. Большинство книжек были детективные романы с пистолетами и мужчинами в шляпах и темных очках на обложках с названиями наподобие "Режь и бей". Несколько других ящиков было занято любовными романами с полуобнаженными томными женщинами на обложках. Я обычно проводил 10-15 минут в букинистическом углу около стеллажей с умеренной литературой, в основном классикой в дешевых бумажных изданиях "Пингвин". Ассортимент пополнялся довольно регулярно и этот букинист был для меня главной приманкой заглядывать на рынок примерно каждую вторую неделю. Там я купил несколько интересующих меня книг. Одной из первых я купил книжку Даррелла "Моя семья и другие звери", которую впервые прочитал на русском языке в 12 лет, которая во многом усилила мой интерес к зоологии. Впоследствии я подарил английское издание девочке на заброшенной ферме в провинции Лимпопо, у которой домашний зоопарк был несравнимо богаче, чем у юного Даррелла. Я рассказал ей про Даррелла, про его интересную жизнь и про то, что он смог интересно и увлекательно описать своё детство в нескольких книгах, одна из которых сейчас включена в список обязательных к прочтению в начальной английской школе. Треси - так звали девочку - сказала, что хочет прочитать эту книгу и через пару недель я вернулся в Преторию и послал ей книгу по почте. Треси не подтвердила получение посылки и больше на её ферме в Лимпопо я не был.

Помимо Даррелла в ящиках букиниста было много других интересных книг. Там я купил несколько никогда на русский язык не переводившихся книг Джорджа Оруэлла; из них наибольшее впечатление на меня произвело "Down and out to Paris and London" о его бродячей жизни в трущобах этих двух европейских столиц сразу после возвращения из Бирмы. Другая его книга "Homage to Catalonia" об участии в испанской войне 1936-37 годов, где он получил сквозное ранение в плечо и приготовился умереть, так как по его словам, он никогда не слышал о человеке, выжившем после такого ранения. В России да и всюду Оруэлл известен своими двумя политическими книгами: аллегорической сатирой "Звероферма" и антиутопией "1984".

Там же у букиниста я впервые увидел Блюзмена. Это был щуплый невысокий чернокожий человек лет около 60 со слезящимися глазами и щетиной на изможденном лице. Я перебирал корешки книг, когда совсем неподалеку неожиданно раздался высокий дребезжащий голос, сопровождаемый звуком саксофона:

- О-о-... никто не любит меня... О-о-...; О-о-о... совсем один я на свете... О-о... и никому я не мил, забыт совсем и покинут...

Претория полна нищих и попрошайек, однако, что-то в этом голосе и манере играть на саксофоне было необычным. Я заглянул за стойку книг и увидел Блюзмена в помятом пиджаке, стоящего среди слоняющихся туристов. Он пел и голосом же аккомпанировал себе, подражая саксофону. Его голос звучал довольно музыкально и манера исполнения привлекала внимание. В потом и правда - кто полюбит старого нищего и кто позаботится о нем?

- О-о... совсем забыт я один, О-о-..., о-о - уже вся жизнь пролетела.. О-о, нет я не буду рыдать, о-о- я буду петь этот блюз.

Покупатели с интересом смотрели на него и бросали монеты в помятую шляпу, которую он держал полями вверх обеими руками у груди с черным помятым галстуком, и в позе его было что-то детское.

Среди других занятых фигур барахолки был прилично одетый и упитанный индеец, который расхаживал по рядам и предлагал солнцезащитные очки, обращаясь всегда одной и той же фразой "Sunglasses, my friend". На периферии рынка расхаживали стаи босоногих и чернокожих мальчиков и приставали с просьбой дать им несколько рэндов на пропитание. У перекрестка дежурил мой знакомый взъерошенный попрошайка. Он приставал к ожидающим зеленого сигнала пешеходам и выпрашивал у них подаяние. Он был очень привязчив и настойчив, уверял, как необходимы ему деньги именно сейчас. Ко мне он приставал несколько раз с просьбой и перестал, только когда Джон пообещал поколотить его.

Признаться, я ждал каждые выходные и любил их. В эти дни университет выглядел пустым и по нему не бродили огромные толпы молодых и возбужденных студентов. Я покупал на блошином рынке какой-нибудь деликатес, обычно, свежие булочки, кусок сыра и шоколадку, шёл на кафедру, открывал её своим ключом и в прохладных коридорах чувствовал себя исключительно хорошо. По выходным я оставлял работу с личинками пластинчатоусых и занимался своим частным проектом, планированием Большого Жучино-го Путешествия, частной перепиской и прочими интересными делами. Утром я обычно заставал там Кармен, она любила вставать необыкновенно рано и нередко приезжала в кабинет около пяти часов утра. Мы пили кофе с булочками и шоколадом, и Кармен рассказывала о своих путешествиях по горным лесам Колумбии. В полдень она уезжала домой, успев перед этим сделать большой кусок своей работы. Она по-настоящему любила своих навозников-кантонин и было видно, что работа эта приносит ей большую радость.

Олаф Куньюген тоже почти всегда был в выходные на кафедре. Он производил впечатление медлительного и немного рассеянного человека и одевался всегда в немного мешковатые брюки и рубашку. На самом деле, по общему признанию, Олаф был одним из самых талантливых и способных постдоков на кафедре и во всем мире едва ли нашлись бы равные ему люди, знавшие о домашних пчелах больше. Его кабинет был в одном крыле здания вместе с моим, и мы часто виделись в выходные. Внутри его кабинет был в образцовом беспорядке, завален журналами, книгами и ксерокопиями; даже дверь к нему не открывалась целиком из-за его стопок литературы позади. Подобно Джероми, Олаф был из старшего поколения постдоков и ему было за 40. Однако в отличие от Джероми, Олаф нисколько не тяготился неопределенностью своего положения и всегда был в состоянии заниматься только тем, что ему по-настоящему интересно. По всем своим достоинствам Олаф давно мог бы стать полным профессором, однако вместо того, чтобы администрировать вокруг себя коллектив молодежи и руководить им, Олаф предпочитал сделать всю работу сам и это, видимо, мешало его продвижению по служебной лестнице. Помимо родного датского и выученного английского, Олаф со своей женой говорил по-немецки и читал ещё на паре европейских языков.

После обеда появлялся Джон. В течение недели Джон несколько раз ходил на тренировки в тренировочный зал, а по выходным брал свой специальный черный велосипед, одевал шлем и соответствующую яркую форму, и ехал заниматься вело-кроссом на холмы вокруг Претории. По природе своей Джон был экстремалом и совершал действия очень рискованные например, прыгал в воду со скал с неблагоразумной, на мой взгляд, высоты. Примерно раз в три недели Джон падал на своем велосипеде при спуске в горах, катился головой вниз и спасался от увечий лишь благодаря своему шлему и высоким наколенникам. Однажды во время одной из своих поездок он наткнулся на подозрительную группу чернокожих подростков, и примерно в то же время в городской газете было сообщение о том, что банда из пригорода Претории Мамелоди промышляет там грабежом велосипедов. После этого Джон всегда стал брать с собой большую резиновую дубинку и привязывал её к раме велосипеда.

Это был Джон, кто на втором месяце моего постдокства усадил меня в свою машину и отвез на стадион Университета. Эта была огромная территория в трёх километрах от нашего дома на Скуман-стрит с несколькими десятком стадионов для регби, футбола, крикета, плавательным бассейном и крытым легкоатлетическим манежем со многим спортивными секциям и кружками. Для студентов университета все эти прелести были совершенно бесплатно. Практически все аспиранты и постдоки на кафедре активно занимались тем или иным видом спорта, к примеру, Кармен несколько раз в неделю плавала по утрам в бассейне, а Боб и Марк играли в сквош. С той поездки я стал бегать на стадион по средам и субботам, делать зарядку и плавать.

По выходным за час до заката солнца я закрывал свой кабинет и шёл на дальний заброшенный угол кампуса с остатком старого парка. Парк был отдален от основных территорий университета автомобильной дорогой, и обе части были связаны между собой мостом над проезжей частью. Около часа я обычно гулял по парку и рассматривал разнообразных южноафриканских птиц и деревья, в разное время года цветущих, плодоносящих или сбрасывающих листья. Затем с моста я наблюдал закат и совсем успокоенный возвращался в свой кабинет. Около полуночи я снова запираю его и уже в глубокой ночи шёл домой к себе на Скуман-стрит с ощущением большого комфорта от течения моей жизни.

Глава 13

Однажды вечером я сидел у себя в кабинете и готовил папку документов для получения визы в США. К тому времени я уже получил за свою жизнь около полутора десятков виз в различные страны и уже давно перестал удивляться всем нелепым строгостям, при помощи которых правительства одних стран ухитряются не пускать на территорию страны граждан других стран. Примерно через неделю я собирался ехать в Йоханнесбург в Консульство США и отдавать этот пакет взамен на кусочек бумажки в моем паспорте, который разрешит мне въехать в эту страну в строго установленные сроки и строго установленное число раз. Пакет этот продолжал становиться все толще и толще: моё письмо на бланке университета с просьбой о выдаче визы, письмо от Клайда, что я действительно у них работаю, письмо из моего банка, два письма моих грантодателей, что у меня есть деньги на дорогу, копии моих авиабилетов, медицинской страховки на весь период поездки, пригласительные письма из четырёх организаций США, копии писем о бронировании жилья, квитанция об оплате комиссионного сбора, мои фотографии, подтверждение моей регистрации на конференцию. "Как было бы здорово раз и навсегда отменить все эти нелепые визы" - думал я, укладывая все эти документы..

Я, впрочем, хорошо знал, что бедные иностранцы, чтобы попасть в Россию как частные гости, тоже должны пройти через не менее утомительную процедуру. Однажды я приглашал своих канадских друзей приехать ко мне на Кавказ на пару недель и был поражен громоздкостью процедуры. Начать с того, что моё приглашение должно быть заверено в милиции по моему месту жительства и только после того как участковый посетит моё жилище на предмет его соответствия тому, что по его представлениям было нужно и сообразно иностранцам. Оказавшись в стране, мои гости были обязаны в трёхдневный срок встать на учет в паспортном столе и не имели права покидать пределы области. Я в очередной раз подумал о нелепости всех этих процедур.

Мои размышления по поводу золотого века без границ прервала Кармен. Она уже собиралась ехать домой и зашла попрощаться.

- До свидания, Вася. Хосэ-Луиз сейчас заедет за мной, и мы поедем заберем Наталью из школы. Ты долго здесь ещё будешь?

Я сказал, что посижу ещё несколько часов, ибо мне нужно было закончить два рисунка личинок и затем эту ужасную папку для визы.

- Ах, не говори, - ответила Кармен. - Я бы раз и навсегда отменила бы эти дурацкие визы. Ты знаешь, с моим колумбийским паспортом каждый человек думает, что я везу наркотики. Прав был Нельсон Мандела, когда сжег свой паспорт. Нам всем так надо поступить, и тогда визы тоже исчезнут, их просто будет некуда ставить. - Кармен улыбнулась этому своему предложению. - А я вот зачем зашла. Мы хотим пригласить тебя в среду к нам на ужин. Приходи в шесть. Я отвезу тебя и Джона к нам на машине, а затем привезу домой.

Я поблагодарил за приглашение, спросил, что мне надо принести с собой и кто будет еще.

- Мы все приготовим. Если хочешь, привези бутылку вина. Будут только вы, Криста с Олафом и ещё Сильвия Гервинг. Она моя подруга из Трансваальского Музея. Она удивительный человек. Она немка, родилась в Анголе, а потом переехала в ЮАР. Я на самом деле хочу тебя с ней познакомиться. Она очень интересный человек.

На следующий день мы с Джоном рано закончили работу, и Кармен приехала за нами на автомобиле. Вместе с Хосэ-Луиз они снимали небольшое одноэтажное бунгало в двадцати минутах езды от Университета на восточной окраине Претории. Около их дома росло несколько старых деревьев и все это было окружено невысоким забором. Комплекс из примерно ста отдельных участков был обнесен двумя высокими стенами: внешней - бетонной и внутренней - из колючей проволоки. Въезд в комплекс охранял широкоплечий сторож, он же записывал, к кому и с какими номерами машин следуют посетители. Дом Кармен стоял в углу этого комплекса и задняя стена их участка как раз граничила со стеной у колючей проволоки. Хосэ-Луиз несколько раз жаловался мне, что нищие

несколько раз приходили с длинными удочками и через забор снимали сушившиеся вещи, в том числе трое его брюк.

Во дворе у Кармен уже были припаркованы две машины, одна из них ярко-красный "жук" - Фольксваген Кристи и Олафа Куньюген, а вторая, видимо, была машина Сильвии. Я зашёл внутрь дома и нас представили. Сильвия была светловолосая немка лет сорока пяти в белом вязаном свитере, поверх которого она носила африканские деревянные бусы. Она работала старшим лаборантом в отделе Орнитологии Трансваальского музея, и Кармен познакомилась там с ней, когда ходила в библиотеку. Сильвия жила одна в небольшом коттедже в северной части города, и друзья недавно подарили ей щенка овчарки, которому в это время было уже около года.

После обеда и беседы о текущих делах Кармен пригласила нас на веранду пить вино. Наступила ночь, и в небе висели характерные созвездия южного полушария. Мы уселись в глубокие плетеные кресла и Олаф спросил:

- Сильвия, а как Ваша семья оказалась в Африке?

- Мой дедушка по материнской линии был торговцем и продавал в Гамбурге много товаров из Юго-восточной Азии. Дела у него шли хорошо, и по каким-то причинам он решил переехать на Яву. Это тогда была голландская колония; ещё до Первой мировой войны. Там он встретил мою бабушку, её родители были голландские плантаторы. На Яве они поженились и там родились три их дочери, моя мать была самая младшая.

- На Яве они прожили лет наверное двадцать Уже перед самой Второй мировой войной прошёл слух, что Ангола прекрасная страна для колонистов, и что португальское правительство дает большие земельные наделы для каждой приехавшей белой семьи. Не знаю почему, но мой дедушка решил переехать. Он поселился с семьей в Луанде. Дела, по-видимому, шли неплохо, но скоро стало ясно, что надвигается война. Тогда они решили вернуться в Германию. Дедушка продал свой магазин, товары и отправился в Гамбург найти жилье и перевезти семью. Бабушка с дочерьми в это время сидела в Анголе и тоже готовилась уезжать. Тогда же самолетов не было, и нужно было плыть морем недели

полторы. Они купили билеты, погрузили багаж и совсем уже собирались садиться на пароход, но тут бабушка почему-то почувала неладное и наотрез отказалась плыть на этом пароходе. Почему так было, я не знаю. Они вернулись на берег, а весь багаж отправился в Гамбург. Это был конец августа 1939 года. Через два дня Гитлер напал на Польшу, Англия и Франция объявили Германии войну, и началась война. А тот пароход, на котором должна была плыть бабушка с мамой и тетками, был потоплен около Канарских островов. Скорее всего, это была немецкая подводная лодка.

- Вот и все. Пароходов до конца войны больше не было, и бабушка с семьей остались в Анголе. Это была португальская колония, и слава Богу, Португалия участия в войне не принимала, и поэтому германские подданные жили там на свободе. А вот, например, в Намибии или Кении - они тогда были британскими колониями - немцев, австрийцев, всех сослали в концентрационные лагеря, мужчин, женщин, всех - и держали там до конца войны. Надо сказать, что это были более -менее терпимые условия, не то, что были в Европе для евреев или военнопленных, но все равно несколько лет, как в тюрьме. Так что в этом отношении в Анголе было сравнительно неплохо. Вот и получилось, что бабушка с дочерьми осталась в Луанде одна. Ни денег, ни вещей у них не было - все отправили в Германию. Но бабушка была женщина сильная, она пошла работать в немецкую школу и так они всю войну и пережили. Потом они узнали, уже в конце войны, что дедушка погиб от бомбежки в Гамбурге. Такое вот было время.

- А отец мой был намного старше мамы. Он воевал на восточном фронте..., затем русские его взяли в плен. Это тоже было в конце войны и тогда много немецких солдат попали в плен. Его отправили в Армению, и он там что-то строил года два или три после войны в лагере для военнопленных, а затем их интернировали в Германию. Он говорил, что ему повезло, и он попал в теплую Армению, а не в эту ужасную Сибирь. В общем, он полагал, что легко отделался. В армии он провел чуть больше десяти лет жизни - огромный срок.

- В те годы, особенно после войны, немцам не очень доверяли и не хотели их пускать в Африку. Он сам никогда бы не смог выехать в Анголу. Но у него был там родной брат. Он был фермером, выращивал кофе. Однажды он полез что-то прибить на крышу дома, упал с лестницы и сломал себе позвоночник. Пока он был жив, моему отцу разрешили приехать в

Анголу ухаживать за братом, и вот так он и оказался здесь. Потом брат его умер, отец остался на этой ферме, встретил мою маму, и они поженились.

- У отца с матерью нас было пять дочерей. Ах, какая это была отличная жизнь на нашей ферме! Отец ведь сперва ничего не знал о производстве кофе и поначалу ему было туго, но затем все наладилось. Вообще Ангола просто чудесная страна, там много воды, и это совсем не пустыня, как Намибия. Португальцы проложили там железную дорогу, а Луанда вообще была прекрасным городом. До семи лет я росла на ферме, а затем меня отдали в немецкий интернат в Луанде и домой я ездила раз в несколько месяцев. Это была обычная судьба детей колонизаторов - учиться в интернате. Я была уже в старших классах, когда началась эта ужасная гражданская война.

- Португальцы всеми силами старались сохранить свои Анголу и Мозамбик и держали их до 75-го года; лет на 15 дольше, чем в остальной Африке. Португалия вообще небогатая страна, и они до четверти своего бюджета отправляли на развитие этих колоний. В конце концов они сделали из Анголы полноправную заморскую провинцию и всех её жителей гражданами Анголы. Как это сделала Франция с Новой Каледонией или Гвианой. Но ничего не помогло. В конце концов португальцы сдались в 75 году, причем сделали это буквально за одну ночь и с тех пор страна погрузилась в полный хаос.

Сильвия закурила сигарету. Видно было, что она волнуется.

- Мы бросили все: ферму, наших чернокожих рабочих, животных. Отец сложил все, что мог в машину, посадил нас всех шестерых и за один день мы уехали в Намибию. И вовремя, потому что многих из тех, кто задержался, поубивали или изнасиловали или иначе поиздевались. Дом наш буквально разграбили, хозяйство тоже..., впрочем на это наплевать. Главное, мы успели убраться оттуда целыми.

- Вот. Мы с полгода прожили в Виндтуке, и отец все пытался купить себе ферму в Намибии. Но ведь Намибия - это песок, да и денег у него не было. Тогда мы переехали в ЮАР и стали жить здесь. Я вскоре поступила на работу, мы купили маленький дом и все понемногу уладилось. Трое моих сестер уехали в Германию, они, конечно, были

гражданами Германии все это время. Но отец и слышать не хотел уезжать. Он очень хотел, чтобы хаос этот в Анголе кончился, оттуда выгнали-бы кубинцев и, может быть, ему будет можно вернуться на свою ферму. Он стал покупать здесь сырой кофе и обжаривать его в саду, так он немного зарабатывал на жизнь. Такая вот история.

Мы все внимательно слушали Сильвию. Наступила большая пауза.

- Сильвия, а как Вы думаете, какая судьба будет у ЮАР? - спросил Олаф. - Не повторится такого, как в Анголе?

- Трудно сказать. На самом деле самый опасный период позади. Когда выпустили из тюрьмы Манделу, то многие белые расценивали это как предательство правительством их интересов. Но это, пожалуй, был единственный выход. Вы же знаете историю? Везде твердили, что европейские колонизаторы захватили в Африке лучшие земли чернокожих. Так действительно было, например, в Кении. А в ЮАР, когда приехали первые голландцы в семнадцатом веке, были только бушмены. Это совсем другие люди. Сейчас они почти совсем исчезли. А всех этих Зулу, Кхоза и прочих племен чернокожих тут ещё не было. Они мигрировали на юг вдоль берега Индийского океана и здесь они оказались никак не раньше европейцев. Например на гербе Лесото изображен крокодил, а их вообще в Лесото нет, там высоко и холодно. Эти территории были заселены меньше, чем двести лет назад. Так что белые в ЮАР первопоселенцы и никуда отсюда не уедут. Эмигрируют, конечно, понемногу, но все равно не все. Мандела был, конечно, гений. Главное, что он не допустил передела собственности и анархии. Даже землю государство не отбирает, а выкупает у белых; совсем не то, что этот мерзавец Мугабе в Зимбабве. По сути белые сохранили свои монополии и весь средний и крупный частный бизнес у них. Даже горные компании..., там весь аппарат - белые. Другое дело политика и управление государством; там, конечно, большинство - черные. До тех пор, пока государство не начнет отнимать у белых капитал - до тех и ЮАР будет жить. Уже восемь лет прошло со дня смены правительства и президента - и ничего себе, жива. Преступность, правда, ужасная. Вот поэтому я и завела себе Тоску... Тоска..., ух..., умная моя собака. - Сильвия переложила сигарету в другую руку и потрепала шею собаки.

- Ладно, посмотрим, - продолжала она. - Я пока уж, конечно, никуда отсюда уезжать не собираюсь. Сестры зовут в Германию, но что я там буду делать? Нет, я родилась, выросла в Африке, и это моя земля.

Когда Кармен везла нас с Джоном домой на Скуман-стрит, я сидел на заднем сидении её подержанной тойоты и размышлял над рассказом Сильвии. Как по-разному и порой причудливо складывается судьба у разных людей. В Африке до сих пор, даже за пределами ЮАР остаются, видимо, несколько сот тысяч потомков европейских колонистов, и у каждого из них своя история. Я вспомнил Линн, которая родилась в Зимбабве, позже уехала с родителями в Новую Зеландию, и вот теперь вернулась в Африку. Наверное, есть что-то очень притягательное в этой земле. Как должны чувствовать себя здесь потомки колонизаторов, когда неожиданно новые правительства африканских стран говорят им, что они здесь чужие? Каково человеку родом из колонии возвращаться в никогда не виданную метрополию, откуда его предки когда-то уехали? Как ощущали себя десятки и сотни тысяч алжирских французов, индийских англичан или узбекских или туркменских русских, когда рано или поздно эти страны обрели независимость и перед этими людьми стал выбор: остаться или уехать? Нелегкий вопрос. Я подумал о том, как хорошо, что Сильвия решила для себя этот вопрос однозначно и, похоже, ничуть не сожалеет о своем выборе.

Глава 14

Примерно через полгода после прилета в Африку я наконец почувствовал, что течение моей жизни приняло наконец размеренные формы. Закончился, наконец, период неопределенности в работе со всеми сомнениями, удастся или нет мне мою работу выполнить. Сейчас я отлажено работал над своим официальным проектом по личинкам пластинчатоусых жуков, материал продолжал поступать со всего света, статьи все были начаты, литература по большей части прочитана и, самое главное, профессор Купер был доволен. А это, как объяснил мне многоопытный Боб, было самым главным в жизни постдока.

- Ты можешь думать все, что угодно о своих талантах и возможностях. Все это, тем не менее, irrelevantно, - сказал он мне однажды. - Главное, чтобы твой шеф был доволен. Пойми правильно: твоя задача не совершать великие и грандиозные открытия в науке, а держать своего работодателя удовлетворенным. Если это так, то с работой ты справился.

Боб в этих вещах был человеком многоопытным и к его мнению я прислушивался. Между тем, неделя шла за неделей и течение жизни нравилось мне все больше и больше. Я просыпался в своем новом доме на Скуман-стрит обычно около восьми утра, делал во дворе зарядку, затем купался в бассейне, завтракал и шёл на работу. По утрам я обычно встречал нашего чернокожего садовника Симона - он носил синий рабочий костюм и держал в порядке всю растительность нашего небольшого поселения из десяти коттеджей. На груди у Симона была приколотая звезда на синей ленте - знак его принадлежности к одной из ветвей христианской церкви, очень популярной у чернокожих в ЮАР. Симону было под 50 лет, у него была жена и трое детей в Мамелоди, черном пригороде Претории. Во время апартеида чернокожим запрещено было селиться в городах, однако, они были нужны для всяких работ. На удалении от городов были построены специальные пригороды с домами-клетушками, из которых люди на автобусах и электричках ездили в город на работу. Симон говорил, что на дорогу у него уходит 4 часа в день. Он работал нашим садовником уже лет 12 и был исключительно рад иметь эту работу.

В университет я приходил часам к девяти и первая половина дня у меня была обычно занята всякими административными делами: просмотром нескольких сообщений и ответом на них, разбором поступивших посылок, заполнением финансовых форм, звонками в консульства и походами за визами для предстоящего Большого Жучиногo Путешествия. Раз в несколько недель я ходил в библиотеку Университета и брал там стопки книг для научного и домашнего чтения, в основном о насекомых и по африканской истории. Около трёх часов дня я шёл домой, обедал и отдыхал до пяти, а затем возвращался в пустеющий университет и работал с личинками и рукописями до 11-12 часов ночи. Джон и Кармен тоже часто засиживались допоздна; мы заваривали чай у них в кабинете, ели шоколад и булочки и рассуждали на всякие важные темы, как то аспирантская и постдокская жизнь, сложности с диссертацией, взаимоотношения с шефом

и прелесть занятий жуками. Дома я оказывался обычно за полночь, читал немного перед сном и наутро все повторялось снова.

Рабочая неделя проходила в напряженной работе, и к пятнице начинало чувствоваться приближение выходных. Обычно после обеда в пятницу устраивался семинар одного из сотрудников кафедры или приезжего специалиста. В последних недостатка обычно не было; у каждого из наших кафедральных профессоров было по рабочей группе студентов, аспирантов и постдоков, и к ним очень часто приезжали коллеги из-за рубежа, в основном из Европы. В семинарский зал набивалось человек до ста - преподаватели и студенты кафедры. Клайд представлял докладчика и затем давал ему слово; в его отсутствие семинарами руководил Олаф. Каждый постдок или сотрудник кафедры раз в год обязан был доложить о своей работе на этих пятничных семинарах. Студенты всех сортов, начиная от бакалавров и заканчивая аспирантами, тоже раз в год выступали перед всей кафедрой, но их всех объединили в два конкретных дня декабрьской кафедральной конференции. Такая практика приучила студентов самых младших курсов ораторским навыкам, без чего академическая карьера немыслима.

Апогеем недели были вечерние кафедральные походы в пивбар по пятницам сразу после семинаров. Недалеко от Университета располагалась целая аллея небольших ресторанов и питейных заведений, в одном из которых любили собираться зоологи. Клайд обычно напоминал по внутренней компьютерной сети, что сегодня пивной день и говорил, в каком конкретно из двух обычных ресторанов будет сегодня сборище. Туда ходили все, начиная от студентов-бакалавров и заканчивая заведующим и общались на всякие научные, околонучные и совершенно ненаучные темы. В южноафриканской, вернее, в англоязычной академической культуре старшие студенты обычно обращались к профессорам по первому имени, что мне казалось вполне уместным.

Я любил демократический дух нашей кафедры и эти пятничные распития пива. На нашей кафедре работало много интересных людей, и не будь этих сборищ, я вряд ли бы имел возможность познакомиться с ними и побеседовать в течение суетных рабочих дней. С Джоном и иногда Бобом мы возвращались вместе из пивной в свои кабинеты и там я делал последний на этой неделе рывок в работе с пластинчатоусыми. Перед уходом домой я

отодвигал в сторону этих личинок, ибо на завтра после стадиона меня ждали не менее разнообразные и интересные личинки других групп для моих частных проектов. По вечерам в пятницу я особенно ясно чувствовал, насколько я удовлетворен своей работой и течением жизни.

Глава 15

Однажды я получил на свой компьютер следующее сообщение:

"Дорогой Василий, я сейчас нахожусь на Мадагаскаре в месячной экспедиции Калифорнийской Академии Наук. На обратном пути планирую заехать в Южную Африку на неделю поискать Наннозелин. Прилечу в Йоханнесбург двадцать седьмого в пять вечера из Таны рейсом А-750 Мадагаскарских авиалиний. Если можно, хотелось бы остановиться у тебя и желательно съездить вместе в хороший дождевой лес. Аренду машины беру на себя. Твой Филл Кей".

Я здорово обрадовался. Филл был моим хорошим другом и коллегой. Он был лет на десять старше меня и успел сделать неплохую карьеру в вооруженных силах США. Сержантом он служил несколько лет в Южной Корее и привез оттуда очень красивую жену. Затем его перевели на Гавайские острова, и Филл потом не раз говорил, что только служба в армии позволила ему прожить несколько лет на этих экзотических островах с очень дорогой жизнью. Будучи уже прилично за 30, Филл почувствовал в себе интерес к биологии, уволился из армии и выучился на магистра биологии во Флориде. После этого он практически сразу поступил в аспирантуру в Корнельский университет к Джиму Либери, одному из светил североамериканской науки по жукам-жужелицам. В это время я тоже был аспирантом и стажировался в Оттаве, куда Филл приезжал проконсультироваться с моим руководителем Ивом Буске и жил у меня дома. Через полгода я нанес ему ответный визит и Итаку и посмотрел там на его работу с жужелицами-птеростихинами Нового Света.

Во время жизни в Итаке Филл был немного постарше, чем большинство аспирантов и это, видимо, давало ему определенные преимущества. Он был крайне трудоспособный, организованный и мотивированный в своей работе, а эти три качества как раз составляют львиную долю необходимого для научной работы. По теме своей диссертации он написал и опубликовал несколько отличных статей, ездил в несколько длительных экспедиций по Южной Америке и ещё до защиты нашёл себе финансирование для постдока. У Филла были широкие интересы в жуках и для последующей работы, он выбрал себе семейство веерокрылых жуков, то самое, по которому я недавно завершил один из своих частных проектов, и которое включает до тысячи самых маленьких жуков длиной до 1 миллиметра. Филл совершенно верно предположил, что чем меньше объект исследования, тем меньшее число людей занимались ими и тем, соответственно, больше интересных и новых открытий ожидают его впереди. Заниматься веерокрылками Филл уехал в Университет Техаса, и сейчас у него шёл первый их трёх постдоковских лет. Свою первую экспедицию за веерокрылками он организовал на Мадагаскар, где их фауна была практически неизвестна.

Скорый приезд Филла был отличной возможностью посетить дождевой лес в Южной Африке. Надо сказать, что это мой самый любимый тип ландшафта, особенно, если этот лес растёт на склонах гор. Лесов в ЮАР было совсем немного, меньше одного процента территории, и они тянулись узкой цепочкой изолированных участков вдоль берега теплого Индийского океана на глубине примерно 50-100 км от берега. Леса были так расположены оттого, что теплые и влажные массы воздуха с океана проникали немного вглубь континента, цеплялись за горы и выпадали обильными дождями, которые, в свою очередь, необходимы для существования леса. У меня на примете был один небольшой лесной национальный парк на востоке страны под названием "Лес Нгоме" и до него из Претории нужно было ехать часов шесть на машине. Оставалось только найти благовидный предлог, чтобы объяснить Клайду свой отъезд на неделю по делам неофициальным. Однако тут на помощь пришёл случай.

- Ну что, отличные новости, Вэз, - сказал на следующее утро Джон. - Клайд уезжает на две недели в Ботсвану охотиться. Самое время для нас съездить на Кози Бэй.

Я ещё вчера сказал Джону, что жду скоро гостя и надеюсь с ним съездить на несколько дней в Лес Нгоме. Теперь я снова сослался на свой план.

- Что за проблема, конечно поезжай, - сказал Джон. - Но если у твоего друга есть хоть капля любви к прекрасному, то я бы советовал вам сперва заехать с нами на день-два на Кози Бэй, а затем вы сами ежайте в свой лес. Хотя все это мне кажется странным, ведь никакой лес не может сравниться в своей красоте с океаном!

Я очень хорошо знал, насколько Джон привязан в океану и тактично промолчал.

Филл прилетел через три дня. Он был высоким и поджарым блондином с металлической серьгой в правом ухе и в потрепанной кепке с облезлым козырьком. Он только что провел месяц интенсивных полевых работ на Мадагаскаре, и прямо из леса приехал в аэропорт и сел на самолет. С собой он привез большой пластмассовый ящик, вернее даже, сундук со всякими энтомологическими принадлежностями, включая разное оборудование для самого изощренного сбора мелких насекомых в лесу.

Все сорок минут по дороге из аэропорта Филл и я обменивались событиями за последние три года после нашей встречи. Затем он рассказал про Мадагаскар. Его описания вполне соответствовали таковым Боба. Похоже, что удивительной природе этого острова постепенно наступает конец.

- На самом деле это просто ужасно, - говорил Филл. - Такое ощущение, что едешь часами либо по сплошному рисовому полю, либо по поверхности луны. Весь лес на восточной половине острова сведен целиком. Первые национальные парки там стали делать французы, но тогда никто не предполагал, что такое может произойти. Они ушли оттуда в шестидесятых и с тех пор население острова удваивается каждые двадцать лет. Причем 80 % живет в ужасающей нищете. Я видел нищие кварталы в пригородах Рио, но на Мадагаскаре бедность просто вопиющая. Повсюду оравы уличных мальчишек, они просто молча и настырно тычут тебе руку за подачкой и их все время человек 20. Практически никто не говорит по-английски. Дороги ужасные.

Я спросил, остался ли там хоть какой-нибудь лес.

- Да, остался, - ответил Филл. - От Антананариву нужно ехать на машине почти целый день на юг. Там отличный национальный парк. Лес, конечно, сохранился только на крутых склонах, где рубить трудно. Я взял отличные пробы. Я думаю, несколько совершенно новых родов и под полусотню видов; скорее всего, все новые. Впрочем, с веерокрылыми оно всегда так - в десять раз труднее найти описанный вид, чем новый.

- Ещё что меня поразило, это - невероятная бюрократия. Такое ощущение, что этих чиновников там просто без счета. Ты понимаешь, я ехал не сам по себе, а от Калифорнийской Академии. Поэтому мне нужно было брать официальное разрешение на сбор и вывоз насекомых. Я связался с ними за полтора года до поездки. Мало того, что им нужно платить, эту чертову бумагу надо было получать в Антананариву, и это заняло у меня четыре дня! Ты представляешь? Я был обязан взять с собой одного мадагаскарского аспиранта и таскать его за собой всюду за мой счет. Считалось, что так он изучает передовую методику. Я им тысячу раз объяснял, мне нужно вывозить мелких насекомых. И ты знаешь, эти умники мне выдали разрешение на вывоз мелких зверей! То есть мышей и прочее! При желании я мог бы вывезти оттуда кучу лемуров! Впрочем, показывать эту бумагу в порту мне не пришлось; никто мой багаж не досматривал.

Я поселил Филла в маленькой комнате на первом этаже моего дома, расположенной под лестницей на второй этаж. На следующее утро он взял пробы с мадагаскарскими веерокрылками и принялся рассматривать их в бинокляр у меня в кабинете. Филл находил все новые и новые интересные и необычные формы этих жуков, в большинстве своем совершенно новые для науки. Он подпрыгивал на своем стуле и звал меня посмотреть на доселе невиданных животных.

- Господи, ну что за красота... Слушай, это скорее всего новый род. Гляди, какие они круглые.... Я их собрал в гниющих стволах бамбука. Подожди, похоже, что их тут два вида... или это просто изменчивость... ну точно, два вида. Они похожи немного на другой недавно описанный род с Сейшельских островов. Слушай, вот здорово!

Я с большим интересом слушал Филла. Я интересуюсь жуками с детства, а в детстве человеку позволительно интересоваться всякими нелепыми и, с точки зрения взрослых, совсем бессмысленными вещами, как эти жуки. Но Филл занялся этим будучи уже взрослым, причем не просто взрослым, а после десяти лет профессиональной армии. И занялся настолько интенсивно, что пожелал бросить свою службу с солидной зарплатой и всеми социальными льготами, стать студентом в 35, затем защитить диссертацию и вот теперь поехать на Мадагаскар собирать этих жуков размером с дырку от укола булавкой. Во всем мире было ещё два или три человека, которых волновала систематика и новые виды в этом семействе экономически совершенно не значимых и микроскопических жуков - веерокрылок. Я спросил Филла, почему это веерокрылки его так привлекают.

- Понимаешь, они просто эстетически прекрасны. Ты и сам, наверное, знаешь это, ощущаешь, когда берешь какую-нибудь миллиметровую личинку, заливаешь её в препарат, смотришь под микроскопом и видишь что-то совершенно новое и неизвестное. Из всех жуков веерокрылки, да пожалуй ещё ощупники-пселафиды - они самые неизвестные. Веерокрылок сейчас известно около 600 видов из 70 родов; реальные цифры скорее всего раз в 20-30 больше. Представляешь? То, что мы о них знаем на самом деле лишь капля в реальном море их разнообразия!

К вечеру Филл успел лишь бегло просмотреть около четверти своих мадагаскарских проб, и за это время он обнаружил по меньшей мере четыре совершенно новых рода. Мне с трудом удалось оторвать его от микроскопа и повести ужинать в недорогой итальянский ресторан неподалеку от Университета. Ещё раньше я изложил ему план поездки на Кози Бэй и в Лес Нгомо сроком на пять дней. Филл план этот одобрил, мы успели заказать дешёвый седан для поездки и наутро выехали со Скуман-стрит караваном из двух машин. В первой машине ехали Джон, Боб и Роза, во второй мы с Филлом.

Размер ЮАР позволяет за один день пересечь большую её часть на автомобиле. Дороги в стране высокого качества и легковые машины едут по ним со средней скоростью в 120 км/час. Характерной особенностью страны являются бесконечные километры проволочных заборов по обеим сторонам дороги, которые показывают границы частных земельных владений. Вторая особенность, а именно левостороннее движение, тоже

поразила Филла. После первого левого поворота на перекрестке он повернулся ко мне заметно взбудораженный:

- Ты знаешь, после правосторонних Штатов на этом повороте я чувствовал себя как последний преступник!

Наш путь лежал в северо-восточный угол страны, который узкой полосой зажат между Мозамбиком с севера, Свазилендом с запада и Индийским океаном с востока. Кози Бэй - это система из примерно пяти крупных озер, расположенных при впадении одноимённой реки в океан. Во время отлива эти озера наполняются пресной водой из реки, а в прилив океанская вода поднимается вверх и их солёность повышается. Озера эти неглубоки, очень теплые и там живет масса речных и морских обитателей, включая кораллы, бесчисленные стаи ярких рыб-клоунов, мурены, скаты и прочая живность. Вечером по прибытии Боб уже затемно вернулся с прогулки на озеро, призвал наше внимание, показал руками нечто равное метру и сообщил, что сейчас он только что видел вот такого крокодила.

- Но не это тревожит меня, - продолжал он. - На обратном пути я видел крока, у которого столько было между глазами!

Берег в этом месте был устроен таким образом, что волны были неподходящие для серфинга и поэтому Джону пришлось ограничиться купанием в волнах, а затем плаванием с маской под кораллами. Я последовал его примеру, а во второй половине дня отправился на поиски жуков на песчаные дюны, поросшие невысоким лесом. В этом лесу я уже через несколько минут вплотную столкнулся с зеленой змеей на ветках и по здравому размышлению решил, что это должна быть мамба. Это была первая и последняя встреченная мной змея в ЮАР, и я разумно заспешил прочь из леса. Джон махнул рукой вдоль берега и показал на север:

- Если пройти три километра на этом песку, то окажешься в Мозамбике, а там и до Мапуто недалеко.

Несколько тысяч чернокожих людей жили в непосредственной близости от места нашей стоянки и два босоногих мальчика лет 13-14 за небольшую плату остались сторожить наш лагерь в период нашего купания. Впрочем, нужды в этом большой не было, ибо люди жили здесь оседло, у них была сложившаяся система самоуправления и оттого нравы поддерживались на высоком уровне. Это коммуна взимала небольшую плату с каждой машины с туристами за посещение берега океана и дополнительно за специально оборудованное место для ночевки с крытым навесом для кухни, электричеством и прочим. Основное занятие населения - возделывание земли и ловля рыбы в мелководных озерах посредством хитроумных ловушек с коническим входом для рыбы. Район Кози Бэя, пожалуй, единственный в ЮАР с малярией, и местные жители её нередко получают. Об этом сказал нам чернокожий крестьянин лет 50, которого мы подвезли с Филлом последние 10 километров. Ступни этого человека напоминали одну сплошную застарелую мозоль от непрерывного хождения босиком, причем пальцы были стёрты почти совершенно и вместо них едва-едва угадывались культяпки меньше сантиметра длиной. Человек этот очень неплохо говорил по-английски и был несказанно смущен нашим приглашением сесть в кабину автомобиля. Вполне возможно, он впервые в жизни ехал в кабине легковой машины с белыми людьми.

Наутро второго дня мы с Филлом собрали наши палатки, уложили в багажник рюкзаки и за три часа приехали в Лес Нгоме. Это был совершенно другой мир. Мы поднялись от океана метров на 700 вверх и оказались на склоне своеобразного горного кармана, обращенного к океану. Наподобие рыбачьих ловушек африканцев Кози Бэя, эти горы ловили влажные и теплые массы воздуха с океана и осаждали влагу в виде дождей на свои склоны. Здесь рос высокий и густой лес с сомкнутой наверху кроной, с которой свисали лишайники и постоянно капало. Дожди в этом месте шли почти ежедневно. Это было как раз то, что нужно Филлу.

- Ты понимаешь, - говорил Филл. - нанозеллины - это большая группа родов в семействе веерокрылок. Они известны практически отовсюду: с Новой Зеландии, Австралии, Южной и Северной Америки, и вот недавно новый род был описан в Швеции. А из Африки группа эта совершенно неизвестна. Я их только что собрал на Мадагаскаре, они оттуда были совершенно неизвестны. Дело в том, что это самые что ни на есть маленькие жуки, их едва

видно простым глазом. У них очень характерный образ жизни - они живут в споровых ходах на внутренней поверхности древесных грибов-трутовиков. Там их и надо искать. Если этого не знать, то их вообще не найдется. Кроме того, они настолько мелкие, что собирать их нужно острием булавки, обмоченной в спирт. Жук прилипает к булавке и затем его на этом острие переносишь в пробирку. Я уверен, что если в этом лесу есть трутовики, то мы обязательно найдем на них нанозеллин, а потом я подвешу свои ловушки Венклера для веерокрылок из листовенного опада. Там их тоже пруд пруди, и много совсем разных видов.

В Лесу Нгоме мы провели четыре замечательных дня. На второй день по приезду Филл действительно нашёл нанозеллин на молодых трутовиках и минут пять прыгал от радости. Он показал мне этих жуков - они были длиной в половину миллиметра и очень узкие, чтобы помещаться в споровых трубках. На одном трутовике было около сотни - они вылезли из одной трубки, перебежали около сантиметра и спрятались в другой. Филл думал, что он собрал несколько видов; по крайней мере, на одном трутовике одновременно бегали жуки поменьше и побольше. Более того, в поле он ничего определить не мог; уже дома в Техасе ему предстояло сделать из этих жуков постоянные микроскопические препараты в канадском бальзаме и изучить их с увеличением в 900 раз.

По словам Филла, веерокрылки жили практически в любом органическом веществе, особенно разлагающемся. Он показал мне как надо собирать их под корой мертвых деревьев, в навозе и более всего в листовенном опаде влажного тропического леса. У него был мешок, который посередине был перегороден проволочной сеткой с отверстиями размером в квадратный сантиметр. Филл набивал верхнюю часть мешка лесной подстилкой и затем энергично тряс. Вся мелкая фракция подстилки, включая жуков, проваливалась сквозь сетку и собиралась на дне мешка, а крупная часть листвы, веточек и прочее оставались наверху, и затем выбрасывались. Аппарат этот назывался сифтором. За полчаса такой работы Филл прилично взмок и собрал килограмма три отсифтованной подстилки вместе с жуками. Часть её он стал разбирать вручную на куске белой клеенки, а большую часть подвесил в узкие мешочки из сетчатого материала и поставил под ними большую воронку. Жуки в подстилке скоро начали вылезать сквозь секту этих мешочков,

бегать по поверхности и срываться вниз прямо в воронку, под которой помешалась банка со спиртом.

Вскоре наступила пора возвращаться в Преторию, и вслед за этим Филл улетел сперва в Лондон, а затем в Хьюстон с пересадкой в Нью-Йорке. Вечером перед отъездом из Леса Нгоме мы покушали приготовленную на примусе кашу и сели пить чай под навесом около палаток. Когда стемнело, пошёл слабый дождь. Я поставил на стол газовый фонарь, и в его свете Филл стал писать и раскладывать этикетки для жуков в ЮАР.

- В жуковедении, как, видимо, и в любой науке, есть три сорта людей, - говорил он. - Больше всего тех, кого волнуют только всякие социальные блага от занятий жуками, как то зарплата, профессорское звание, уважение коллег или высокое администрирование и руководство другими. Чтобы достигнуть этого, эти люди пишут как можно больше статей. Чем больше, тем лучше. Для них целью является именно опубликование этих статей, а вовсе не то, что в ней написано. Ещё важно, чтобы эти люди получали огромные гранты и организовывали целые лаборатории, чтобы выпускать больше и больше все тех же статей. В этих условиях они не могут заниматься по-настоящему фундаментальной наукой и вынуждены хвататься за что угодно, лишь бы побольше выходило работ... Вот посмотри, кажется, что это пыль в пробирке, а на самом деле там несколько сот нанозеллин... Вот так. К сожалению, почти все Университеты так или иначе ставят своих профессоров в такое положение. Если у тебя не выходит каждый год по статье в "Nature", то и думать не могли получить работу в престижном университете. А если у тебя в год по 15 статей, миллионные гранты, огромная лаборатория с постдоками - вот тогда другое дело.

- Вторая категория жуковедов, да и ученых вообще, - продолжал Филл. - это те, которым наплевать на все эти социальные блага..., конечно, в известной мере. По крайней мере, они занимаются наукой не для этого. Их интересует какая-то глобальная проблема. Они настоящие фанатики науки и работают день и ночь. Если они пишут статью, то тогда это на самом деле огромный и важный вклад в науку. Ты читал статью моего теперешнего шефа о молекулярной систематике жужелиц в "Систематической Энтомологии"? Он работал над ней лет 10, не меньше, и все время откладывал публикацию. Ему все время

казалось, что-то он не доделал. Вот таких людей сравнительно немного, но они есть. Их в науке интересует именно эта сама научная проблема.

- А есть и третья категория ученых. Впрочем, назовем их как угодно. По крайней мере, в жуковедении, наверно, ещё где-нибудь. К ней я отношу себя. Честно говоря меня совсем не интересуют всякие социальные блага от занятий жуками; я вполне мог бы сделать себе отличную карьеру и в армии. Да и казалось бы - систематика этих веерокрылок..., даже эта цель меня не так сильно волнует. Я не напрасно выбрал себе эту группу. Дело в том, что за всю свою жизнь я не разберусь полностью с этим вопросом..., это слишком сложная задача..., к ней можно только постепенно двигаться шаг за шагом и все равно полного решения не будет, а моя цель - это сам процесс движения к цели. Ты понимаешь меня? Вот поэтому я и выбрал этих веерокрылок. За последние 200 лет их описали 600 видов, это, примерно, 1/20 их реального числа. Ценности экономической жуки эти не имеют, и по сути дела всем на них наплевать. Опять же, они мелкие. Так что я обеспечен отличной группой для своей работы на всю жизнь, как раз то, что мне нужно.

- А потом знаешь, это во многом жена моя на меня повлияла. Она же кореянка, буддистка. По сути дела изучение любого феномена природы средствами западной науки, описание, анализ, расчленение на части - все это относительное и неполное знание. Только долгая и сосредоточенная медитация позволяет человеку, субъекту в терминах западной философии, буквально слиться с объектом изучения и постичь этот объект в его собственных терминах и понятиях. Ты, наверно, скажешь, что это ерунда, но жена моя меня в этом вполне убедила. Вот и выходит, что когда я гляжу в микроскоп, особенно вечерами, когда никто меня в лаборатории не отвлекает, я по сути медитирую и по настоящему постигаю этого жука. Звучит странно, правда?

- Когда ты поедешь в Восточную Африку, насобирай там веерокрылок для меня; они оттуда едва ли когда собирались. Особенно посмотри на поверхности трутовиков; там наверняка будут нанозеллины. Если хочешь, я через пару месяцев пришлю тебе несколько микроскопических препаратов этих жуков, и ты сам посмотришь на них с увеличением. Они просто обворожительны, уверяю тебя.

Слабый дождь продолжался всю ночь. Я лежал в палатке, слушал стук капель по тенту и размышлял над словами Филла. Около палатки какая-то птица громко хлопала крыльями. Я высовывался несколько раз, чтобы определить источник звука и только однажды увидел мелькнувшую светлую тень в ветвях. По звуку это напоминало привязанного за ноги голубя, который безуспешно пытается взлететь. Со стороны поселка всю ночь и все утро доносился ритмичный бой барабанов, к утру к нему примешались крики петухов. Какая-то птица свистела в кустах под утро, и её голос напоминал тихое позвякивание двух металлических ключей на связке. По тенту палатки прошёл шуршащий звук - это с дерева упал большой и тяжелый желтый лист, и наутро я нашёл его лежащим рядом. Несмотря на дождь, было очень тепло; я спал в своей палатке, раскрывшись, и только под утро завернулся в спальный мешок.

Глава 16

Марк вернулся из Англии через две недели, и вслед за этим туда уехал Джон. Я переехал в комнату Джона, и ещё через два дня я вернулся вечером с работы и застал дома Боба, Марка и Линн. Они сидели за столом и перед ними стояло несколько бутылок вина, противень жареного мяса и фрукты.

- Садись, Вэз, - пригласил Марк. – Вот, будешь говядину?

Я спросил что у них за повод отмечать.

- Да в общем никакого повода, - ответил Боб. – Сидим себе просто, едим мясо, пьем вино. Надо же от жизни в конце концов получать удовольствие. Ты видел интервью Сэма Нуджомби, намибийского президента немецкой газете «Ди Вельд»? Возьми вот, почитай, это перепечатка. – Боб протянул мне свежий выпуск «Обсервера». – Он во всю хвалит политику отбирания земли в Зимбабве и называет Мугабе своим другом.

И Боб, и Марк постоянно следовали всем новостям на африканском континенте и были в курсе всех творившихся дел. По всему было видно, что до моего прихода они беседовали на эту тему.

- Беда в том, - продолжал Боб, - что в постколониальной Африке правительствам наплевать на своих граждан. Это ужасный феномен, однако это так. Посмотри, - он ткнул пальцем в тот же выпуск «Обсервера», на 17-й странице обзорная статья Паула Харриса о состоянии дел на континенте и, черт подери, я с ним полностью согласен.

- Это просто ужас! - сказала Линн. – Было же намерение исключить Зимбабве из Содружества Британии и её бывших колоний за все преступления, что этот дурной Боб и его партия ЗАНУ делают в стране и с белыми, и с чёрными оппозиционерами. Ну и что же? Комиссию по исключению Зимбабве составляли президенты ЮАР, Нигерии и Австралии. Так вот Мбеки и Обасанье решили, что этот вопрос даже рассматривать не стоит и сообщили об этом в Канберру. По сути это пособничество преступному режиму Мугабе. Это при том, что страна, ещё недавно сравнительно устойчивая, очень быстро сползает к ужасному развалу. Правящая партия организовала дружины молодежи, и они отстреливают белых фермеров и их рабочих, избивают туристов и сторонников оппозиции и это просто ужасно, рутинно насилуют сотни женщин в тех районах, где оппозиция имеет поддержку. Он просто сумасшедший кровавый палач, этот Мугабе, и уже больше 20 лет у власти. Прямо ужас!

- На самом деле вся Африка – это просто несчастный континент, - сказал Марк. – В ЮАР это не особо сильно заметно, а вот в Уганде это на каждом углу. Север этой страны вообще сейчас в руинах от ужасной Армии Сопротивления Господня. Уже лет 15 они нападают на села, воруют детей лет 8-12 и делают из них солдат. Последняя новость о них такая: их лидер, Джозеф Кони, ворвался в деревню, застал там похороны, заставил всю процессию съесть покойника, а затем убил около 60 человек. И что ты думаешь, хоть одна газета или телеканал в Европе или США отметила это? Да всем просто наплевать на Африку! И тем не менее это очень симптоматично для континента, ибо такое положение дел на руку африканским лидерам.

- Верно, - сказал Боб, - на людей им наплевать. Это была идея Юлиуса Ньерери, первого танзанийского президента, создать Организацию Африканского Единства. Я думаю, это была самая бессмысленная из когда либо существовавших международных организаций. Знаете, какие были цели у этой организации? Всеафриканская валюта, армия и что-то вроде Европейского союза на земле Африки. А то, что эти страны не могут накормить и дать образование миллионам своих граждан – это было вторично. Нигде и никогда в этой организации не говорилось о реальных нуждах бедных африканцев.

- Наш Мбеки, - продолжал Боб, - пять лет назад много говорил об Африканском Возрождении, о новом поколении африканских лидеров, кто отбросит коррумпированные режимы в своих странах и поведут Африку новым путем. Этого просто не произошло и не могло произойти. С тех самых пор Конго, я имею в виду Бельгийское Конго, полностью развалилась как страна, а между тем её ужасный бывший диктатор Лаурен Кабила считался чуть ли не главной фигурой в это возрождении. Им нужно было почитать в своё время книжку Че Гевары о его экспедиции в Конго в 1964 и 65 годах, чтобы понять, кто такой этот Кабила. А Сомали, в которой уже 12 лет нет и не предвидится правительства вообще? А Эретрея с Эфиопией, в которых за два года истребили 70 тысяч своих людей и миллионы фунтов на бессмысленную войну за несколько спорных пустынных километров? На днях ВВС сообщила, что в Африке 30 миллионов человек голодают, а половина всего населения живет на меньше, чем один доллар в день!

- Самое-то ужасное, что лидерам африканских стран на это наплевать, - сказала Линн. – Вы слышали, что тут у нас по соседству в Свазиленде король Мсвати Третий только что купил себе новый самолет за 28 миллионов фунтов. Это при том, что четверть его страны нуждается в пище, 22% больны СПИДом и весь годовой бюджет здравоохранения в стране в два раза меньше, чем цена этого самолета. Нуждами в Намибии, кстати, тоже недавно купил себе самолет.

- А знаете, кого все эти президенты бранят? – спросил Боб. – Колонизаторов! Они говорят, что у африканцев не было возможности самостоятельно сформировать собственное государство. Что все границы неправильные, что их начертили европейцы во время Берлинской конференции 1885 года у себя на столах без учета реального положения дел.

Да, это так. Современные границы все до одной есть наследие колонистов. Ну, а чья забота изменить их? Конечно, самих африканцев. Ну и что? Одним из первых решений Организации Африканского Единства была резолюция не менять колониальные границы. И верно, за 40 лет ни одна граница не была изменена. И это полная ерунда, что получившаяся этническая гетерогенность каждой из африканских стран есть причина их конфликтов и неустойчивости. На всем континенте есть только одна страна, где все говорят на одном языке, имеют одну религию и нет национальных меньшинств. Это Сомали. И что? В Сомали уже 12 лет идет ужаснейшая война и даже ООН вынуждена была прекратить все свои попытки утихомирить их с тех пор, как в Могадишу перебили американских солдат в так называемой операции “Возвращённая надежда”.

- У меня такое ощущение, - сказал Марк, - что Африка всегда привыкла быть и старается казаться чем-то, что следует жалеть, помогать и защищать. Африканские правительства просто требуют постоянную финансовую помощь у запада и обижаются, если поступает мало. Да и в Уганде всех белых считают не чем иным, как людьми дающими. По Кампале невозможно было пройти от попрошаек. Я наверное миллион раз слышал эту фразу «Дайте мне что-нибудь!»

- Ха! – сказал Боб. – В этом-то все и дело. А я вас спрошу, есть ли хоть какая польза от этой так называемой помощи? Ведь если запад содержит школы и больницы, если запад присылает мешки с маисом для раздачи жертвам засухи, то тогда местные правительства полностью освобождены от ответственности заботиться о своих собственных людях. Нет, зачем! Уж лучше они в Аддис-Абебе, фактически нищей стране с пухлыми от голода детьми, уж лучше они там построят дворец для заседаний участников этой Организации Африканского Единства. Или пусть Иди Амин закупает оружие, а Мабуте Сесе Секо летает в Париж по выходным за покупками!

- Вообще удивительно, - сказал Марк. – Ведь, скажем, когда Африка получила независимость в шестидесятых..., кроме, конечно, Мозамбика и Анголы..., их португальцы держали ещё лет пятнадцать..., так вот, в шестидесятых Африка была экономически на том-же уровне, что и Юго-Восточная Азия. А уж, скажем, Родезия, современная Зимбабве, была несравненно лучше. А сейчас? Южная Корея, например, или

Сингапур с Тайванем – это развитые страны, а Африка..., такое ощущение, все ухудшается и ухудшается.

- Когда я была в Зимбабве последний раз, мне Питер рассказал анекдот на эту тему, - сказала Линн. – В 70-х в одном английском университете учились два друга: азиат и африканец. Вот, значит, закончили они, стали экономистами и вернулись в свои страны работать в правительстве. Лет через двадцать решили съездить друг другу в гости, посмотреть, как дела идут. Приезжает африканец к азиату, а у того роскошный дом, дорогая машина и несколько слуг. Африканец его и спрашивает: «Как тебе это удалось?» А тот подводит его к окну, показывает отличную современную автодорогу на горизонте с мотелями, фонарями и машинами в несколько рядов: «Видишь, - говорит, - ту дорогу?» Потом похлопал себя по карману, улыбнулся и добавил: «10%!».

- Ну вот, теперь азиат приезжает к африканцу. А у того дом в два раза больше, в гараже десятки машин и целая армия слуг, а на крыше свой вертолет. Азиат в остолбенении – как так? Африканец гордо показывает ему на бескрайнюю африканскую саванну за окном без следа цивилизации: «Видишь эту дорогу, больницу, две школы и аэропорт?» Азиат в недоумении. «Так вот, - африканец похлопывает себя по карману – 100%!».

- Верно, - сказал Боб. – В этом вся суть. Коррупция и самообогащение чиновников и правительства есть везде, но в Азии, Америке или Европе это не препятствует общему экономическому развитию. В Африке это развито настолько, что в результате многие страны не развиваются, а деградируют на глазах, и их очень много: Зимбабве, оба Конго, Руанда, Бурунди, Либерия, Берег Слоновой Кости, Сомали, Экваториальная Гвинея, Мали... Можно продолжить. По сути дела ни Конго, ни Сомали больше нет, мы просто по инерции так продолжаем звать развалившиеся на части территории. Туда даже журналистам сейчас невозможно попасть, например в район Великих Африканских Озер, это просто ад!

- Удивительно, что запад продолжает серьезно воспринимать таких президентов как Мугабе, – сказала Линн. – Их приглашают на встречи, жмут руки. Им нечего предложить ни западу, ни своим собственным людям. Их интересует только одно – распродать ресурсы

страны и обогатиться самим. Год за годом Африка все глубже сползает в яму, которую она сама себе вырыла. Вся надежда только на самих африканцев. Пока они не сменят своих преступных коррумпированных лидеров, ничто улучшаться не будет.

- Ладно, - сказал Марк. – Нам-то слава Богу есть куда уехать отсюда а что с континентом будет, один Бог знает. Посмотрим. Уже хорошо, что мы приехали сюда и знаем всю эту историю, а ведь большинство в развитых странах думают, что Африка – это сафари и львы. На самом деле это нечто совсем другое, совсем другое.

Глава 17

Между тем, время шло, и жаркое южноафриканское лето подошло к концу. За ним наступила не менее жаркая осень и вслед за ней пришла зима. Днем на улицах продолжало светить яркое солнце и люди ходили в футболках, однако, по ночам температура падала до точки замерзания и было видно, что многим на улицах становилось холодно. По пути от университета к моему дому на Скуман-стрит я проходил около небольшого навеса, куда во время непогоды собирались ночевать окрестные чернокожие бродяги. Теперь с наступлением холодов они по вечерам жались к небольшому костру, носили паленые одеяла из теплых и старых вещей, и ночи проводили, зарывшись в целые груды тряпья. По всему было видно, что им приходится несладко.

У меня было несколько знакомых среди этих уличных людей. Один из них был молодой парень лет 20-25 по имени Мандоза. Источником его существования был участок метров в двадцать у обочины дороги около университета, который по рабочим дням заполнялся приезжающими машинами студентов. Считалось, что Мандоза эти машины охраняет от всяких неприятностей и за это ему полагалось подавать несколько рэндов. Дорога была с обеих сторон строго поделена на такие небольшие участки, и около каждого стоял свой Мандоза с тряпкой в руке и зазывно махал ей автомобилям, приглашая их припарковаться. В случае особой удачи Мандозе поручалось протереть пыль с машины, и у него было припасено пластмассовое ведро на этот случай, чтобы принести в нём воды. Он рассказал мне, что пришёл в Преторию из деревни к своему брату, и вот уже два года как занимается

этим бизнесом. Мандоза не был по-настоящему бродягой, у него было, где ночевать и он присматривал за машинами. Настоящих бродяг до такой работы не допускают, и они добывают себе на жизнь и выпивку, собирая картон и бумагу из мусорных ящиков, который потом толкают к пункту приемки на больших металлических тележках. Мандоза был вполне доволен своей долей и ничуть не грустил, особенно в те вечера, когда от него пахло выпивкой. Года полтора я регулярно встречал его по пути на работу и он всегда приветствовал меня характерным "Доброе утро, мистер Рашша!". Последний раз я видел его на углу в компании из нескольких человек и затем он пропал куда-то.

Отказ от системы апартеида в начале девяностых был неизбежным и для чернокожих долгожданным событием. Некоторые белые, наоборот, посчитали, что правительство их предало. Одновременно страну захлестнула волна преступности. Огромное большинство преступников, это молодые чернокожие люди без определённых занятий, которые переезжают в город из деревни в поисках работы. Чтобы бороться с этим, территория университета была обнесена высоким частоколом, и на кампусе одновременно дежурило несколько десятков сотрудников охраны в форме и гражданской одежде. Тем не менее, из кабинетов раз в несколько месяцев воровали по портативному компьютеру, а со стоянки около кафедры стали пропадать велосипеды. Однажды Джон оставил вечером на полчаса свою машину с портативным электрогенератором на заднем сиденье и, вернувшись, обнаружил, что окно в дверце разбито, а генератор исчез. Поскольку это был уже второй или третий раз подобного вторжения в салон через разбитое стекло в двери, Джон мудро не стал вставлять стекло заново и с тех пор держал салон машины абсолютно пустым. На некоторых перекрестках полиция установила предупредительные сигналы, что это место особо опасно ночными нападениями на притормозившие на красный сигнал автомобили. Преступник внезапно выскакивал из-за деревьев, направлял на водителя пистолет сквозь стекло и приказывал выйти из машины. Чтобы избежать этого, многие водители перестали по ночам останавливаться перед светофорами и пересекали улицу на красный свет, предварительно посмотрев по сторонам.

За время своей жизни в ЮАР я счастливо избегал криминальных неприятностей, однако, другим постдокам везло меньше. Однажды Джероми шагнул в ранний час по Кейптауну с большим рюкзаком на автобус, когда три подростка с одним ножом потребовали от него

деньги. Джероми потом говорил, что у него была приличная сумма, и именно поэтому он не стал ей рисковать, а схватил руку с ножом и стал её крепко держать. Двое из нападавших убежали первыми, а третий вскоре последовал за ними. А вот итальянцу Марко повезло меньше, ибо нападавшие были взрослые парни, и они забрали у него небольшую сумму. Хуже всего пришлось одному иранцу, который приехал в Преторию буквально недели за две до моего отъезда, и которого я так никогда и не видел. Боб сказал, что его выследили входившим к себе домой, вошли вместе с ним и унесли три тысячи долларов. Боб недоумевал, откуда у него была такая приличная сумма, да ещё и наличными деньгами. Потом я слышал, что этот иранец был настолько удручен оказанным ему в Претории приемом, что очень быстро прекратил свой контракт и вернулся на родину.

Живущим в коттеджах людям было больше всего хлопот от преступников. Характерной чертой Южной Африки являются очень высокие, практически неприступные металлические заборы, часто дополнительно обтянутые сверху проволокой либо колючей, либо под напряжением. Владельцы коттеджей заключают договоры с частными охранными агентствами, эти агентства помещают на заборе владения свой знак и по ночам патрули на машинах попадают чаще, чем полицейские машины. Иногда жители близлежащих коттеджей объединяются и сами несут вахтовую охрану на своих машинах. Клайд, например, раз в две недели патрулирует свои кварталы на машине вместе с соседом и иногда ловит или пугает воришек. И кроме того, почти каждый двор имеет одну или несколько больших собак, отчего прогулки вдоль этих заборов всегда сопровождаются самым разноголосым и всегда неожиданным лаем.

Некоторые из моих знакомых белых граждан ЮАР рассказывали, насколько лучше жилось им при апартеиде, что криминал практически отсутствовал. Разумеется, это было так, ибо в те времена чернокожие не имели права находиться в городах белых после заката, да и в дневное время в город могли они приехать только по специальным рабочим пропускам. Это значит, что ни Мандозы, ни бродяг-сборщиков бумаги в Претории 10 лет назад встретить было невозможно.

Пришло время, пожалуй, рассказать, откуда взялся апартеид, а для этого совсем коротко следует описать историю людей на юге Африки. Самыми первыми здесь были бушмены Калахари, гугеноты и люди сан. Это были низкорослые чернокожие люди с по-азиатски узкими глазами, и их материальная культура была таковой каменного века. Откуда они взялись, никто не знает, и сейчас эти люди по большей части либо умерли, либо ассимилировались и потеряли национальную идентичность.

В последнем десятилетии XV века португалец Васко да Гама впервые обогнул Мыс Доброй Надежды и открыл морской путь из Европы в Индию. Полтора столетия спустя голландцы создали небольшой форт на месте нынешнего Кейптауна для снабжения своих кораблей водой и свежей пищей. Голландия в то время колонизировала части Индии и многочисленные острова современной Индонезии, и такая база на юге Африки казалась вполне уместной. Кейптаун был первым поселением европейцев на юге континента и дальнейшая колонизация происходила отсюда. Вскоре из Голландии прибыли первые свободные поселенцы на новые земли и была создана Капская провинция.

В начале XIX века Суэцкий канал ещё не был прорыт и Великобритания понимала всю важность владения Кейптауном, как продовольственной базой для кораблей Ост-Индийской компании и оккупировала Кейптаун. Бурам, потомкам первых голландских крестьян пришлась не по душе новая британская администрация и они совершили свой "великий трек", то есть перекочевали на повозках из обжитых районов Кейптауна на северо-восток в дикие земли. Там они вступили в конфликт с пришедшими с севера чернокожими группами группы банту, вытеснили их и образовали две независимые бурские республики: Трансвааль и Оранжевую Свободную Республику.

Итак, к середине XIX века на территориях северной ЮАР существовало четыре государственных образования: Капская Провинция и Провинция Наталь под контролем англичан и две указанные выше республики буров. Они сосуществовали в относительном добрососедстве, пока в Трансваале не нашли огромные залежи золота и там начался финансовый бум, породивший Йоханнесбург. Цесил Родес, губернатор Капской Провинции мечтал в то время об образовании английских колоний в Африке от Каира до Кейптауна. К этому времени он успел своими усилиями объявить земли современных

Замбии, Зимбабве и Мали британскими колониями, и ему осталось присоединить две бурские республики. Началась англо-бурская война, несмотря на огромное сопротивление буры её проиграли и Паул Крюгер, тогдашний президент Трансвааля, подписал договор о вхождении обеих бурских республики в Южноафриканский Союз, колонию Англии.

В начале 20-го века англичан и буров было примерно поровну, а вместе их было в два-три раза меньше, чем чернокожих. Английская партия определяла политику ЮАР до 1948 года, когда небольшим большинством к власти пришла Бурская национальная партия и тогда же была введена практика апартеида. Все жители ЮАР были классифицированы по четырем категориям: белые, чернокожие, индийцы и "цветные"; последние были метисами всех сортов. Браки между разными расами были запрещены, свобода перемещения ограничена и права трёх не белых рас ущемлены.

Однако к 80-м годам XX века соотношения белых и чернокожих в ЮАР достигло примерно 1 к 8-10 и белое меньшинство было просто не в состоянии держать под контролем миллионы чернокожих. К тому времени практически вся Африка прошла период деколонизации и новые независимые соседи, особенно Мозамбик, Зимбабве и Танзания оказывали всяческую помощь чернокожим борцам с апартеидом. Есть мнение, что правительство де Клерка, последнее белое правительство ЮАР, отчетливо поняло, что очень скоро ситуация может выйти из-под контроля и тогда стране грозит хаос и избиение белых. Из пожизненной ссылки после 28 лет в тюрьме был отозван Мандела, прошли первые демократические выборы с участием чернокожих и к власти пришло первое чернокожее правительство под руководством Манделы. Практически все считают, что его основная заслуга была в мирном перерождении ЮАР и недопущении расправ с белыми. Более того, вся собственность белых, включая землю и крупнейшие производства, осталась нетронутой, и оттого страна смогла пережить этот переходный период без кровопролития. Когда я впервые приехал в Преторию, минуло шесть лет со времени перехода власти. К тому времени Мандела отработал президентом первый срок и не стал выдвигаться на второй. Его сменил Мбеки. Страна оставалась экономически стабильной, хотя уровень жизни белых немного упал, и началась заметная инфляция национальной валюты. Из ЮАР стало труднее ездить в страны так называемого "первого мира" из-за невыгодного обменного курса. Зато в страну хлынули миллионы туристов, привлеченные

дешевой жизнью в ЮАР. Около миллиона белых эмигрировало в основном в Австралию и Новую Зеландию, однако несколько миллионов осталось и не собираются никуда уезжать, ибо это была их родная земля. Прогнозы экономистов не подтвердились, и ЮАР продолжает существовать, как осколок экономически развитого мира на африканском континенте. Я от души надеюсь, что так продолжится и дальше.

Глава 18

День за днем проходили в рутинной лабораторной работе с личинками пластинчатоусых жуков, прерываемые по выходным двумя днями занятий с моими частными проектами. Такая организация работы со временем стала приносить свои плоды, и к концу первого года моего африканского постдока я с удивлением осознал, что успел сделать сравнительно немало. Работа над основным проектом филогенетики по морфологии личинок шла полным ходом, и я вполне рассчитывал закончить её в течение второго года. Были закончены и отосланы в журналы рукописи статей про Сцелиагес с описанием его биологии, устройства гнезда и морфологии личинки; была закончена статья с описанием личинки австралийской Цератокантиды с Алессандро Фоссато и ещё обзор личинок Дасциллид. Клайд никогда точно не определял, сколько работ он требует от меня в течение первого года, и потому я спросил опытного Боба, достаточно ли этого.

- Сколько? Три? - спросил он. - По-моему, вполне. Вообще такой негласный стандарт есть две статьи на постдоке в год. Меньше уже плохо. А у тебя к тому же идет только первый год. Вообще обычно первый год целиком уходит на то, чтобы наладить свою лабораторию и приступить к работе. Так что нет, не беспокойся, с формальной точки зрения все отлично.

Я немного приободрился. На поле моих частных проектов дела также обстояли неплохо. С моим немецким другом Дитмаром Якобсоном мы закончили и отослали рукопись статьи про микроскопическую личинку веерокрылки, и мне казалось, что это было достаточно интересная и значимая работа. Я, наконец, получил из Гарварда личинку мексиканской Анилины и за три выходных написал небольшую статью с её описанием и анализом

родственных отношений в надтрибе Трехита семейства жужелиц. Работа эта не заняла у меня много времени, потому что моя диссертация в своё время была написана про личинок Трехит, и я сравнительно хорошо знал эту группу. Параллельно с этой работой я готовил результирующую статью по материалам своей неопубликованной диссертации, и эта работа была выполнена за мой первый год постдока на три четверти. Для её завершения мне следовало встретить своего соавтора Адамсона, обсудить с ним лично некоторые вопросы по статье и включить личинок ещё нескольких групп. Итого помимо шести законченных статей официальных и частных, все прочие мои проекты развивались успешно и планировались быть завершёнными на втором году постдока.

Работа на кафедре с неизбежностью занимала львиную долю моего времени, однако, я всё также бегал на стадионе и плавал два раза в неделю, регулярно встречался со своими многочисленными новыми кафедральными друзьями на вечеринках, иногда ездил с ними на два-три дня на природу и по вечерам читал интересные книги об Африке.

Между тем, подготовка к Большому Жучиному Путешествию шла полным ходом. Всего в поездке я планировал провести чуть больше трёх месяцев и её маршрут был Претория - Найроби - Лондон - Линкольн - Сан-Диего - Вашингтон - Оттава - Чикаго - Кейптаун - Претория. Главным событием поездки была месячная остановка в Кении и полевые работы на горах Кения, Эльгон и в Лесу Какамега. Остальная часть поездки состояла из череды конференций, сидений в естественнонаучных музеях и встреч с друзьями в разных городах и странах. Все авиабилеты были куплены за полгода до вылета, и его дата совпадала с моей первой годовщиной прилета в ЮАР.

Месячная экспедиция в Кению потребовала долгой и детальной организации. Список всяких обязательных дел казался бесконечным. После нескольких месяцев брожений по посольствам я собрал в своем паспорте все необходимые визы и ещё не раз думал об абсурдности международной системы регуляции путешественников. Я сходил к знакомому стоматологу и проверил все зубы. Затем я отправился в клинику неподалеку от университета и сделал себе там обязательную прививку от желтой лихорадки и получил такой же желтый международный сертификат об этом. Там же за приличную сумму я купил пакет антималярийных таблеток Мефлюм, которые положено было начать

употреблять раз в неделю за семь дней до отлета и ещё месяц после вылета из Кении. В аптеке неподалеку я запасся большой банкой витаминов, несколькими пачками таблеток для стерилизации воды и средством от поноса - самой частой и характерной болезнью для приехавших в африканские тропики.

Моя экспедиция в Кению была делом частным, и оттого я располагал весьма скромным бюджетом из собственного кармана. Чтобы избежать излишних страт, я вёз с собой палатку, примус с котелками и готовился все свои передвижения в стране совершать на дешёвом общественном транспорте. Все три интересующие меня места в Кении были Национальными парками и я ожидал, что много средств уйдет на оплату моего там пребывания, но тут мне на помощь пришёл счастливый случай.

Я начал планировать экспедицию в Кению почти за год, и тогда ещё два моих товарища собирались принять в ней участие: Лёва Климов из Москвы и Роман Щукин из Вирджинии. Оба они изучали жуков и Роман, к тому же, был на пятилетнем постдоке в США. Когда пришла пора брать билеты, Лёва написал, что денег на поездку не хватает. Мы согласовали с Ромой свои планы и должны были встретиться в аэропорту Найроби по прилету в страну.

Давно уже ушли времена, когда люди наподобие Альфреда Уоллеса или Генри Бейтса ехали в тропические страны, коллекционировали там насекомых и затем беспрепятственно привозили их к себе на родину. Сейчас для сбора объектов флоры и фауны в зарубежных странах необходимо получить официальное разрешение этой страны, а иначе таможенные чиновники при отлете из экспедиции могут обнаружить собранных жуков и оштрафовать. Делается все это под официальной вывеской, что таким путем страна заботится о сохранении своей флоры и фауны от исчезновения. Такие меры, пожалуй, могут быть оправданы при желании сохранить позвоночных животных вроде китайской панды или редких видов черепах, однако, в применении к насекомым они совершенно бессмысленны. Для насекомых единственным средством сохранения их разнообразия есть охрана их мест обитания, в первую очередь тропических лесов. Охранять леса, однако, правительства обычно не хотят, ибо их разработка приносит деньги. Вот и получается парадокс - чтобы вывезти сотню жуков из Китая или Бразилии следует преодолеть море формальных

процедур и доказать, что виду насекомого это не повредит. В то же время лес на северном склоне Гималаев или в бассейне Амазонки исчезает с ведома тех же самых правительств, и это по-настоящему уничтожает многие виды, причём не только насекомых. Такая практика двойных стандартов огорчает многих моих коллег энтомологов и некоторые из них пренебрегают нелепыми правилами сбора жуков на территории других стран, за что у меня не хватает смелости их осудить.

Рома предложил, чтобы мы попытались получить такое разрешение от властей Кении. Он написал в Национальный Музей в Найроби и после длительных переговоров от нас затребовали планы работ, паспортные фотографии и наши жизнеописания. Все это мы выслали, я из ЮАР, Рома из США, и через несколько месяцев оттуда пришло сообщение, что нам разрешили не только сбор и вывоз жуков, но ещё и бесплатное нахождение на территории всех национальных парков страны. Этот важный документ был готов и ожидал нас в Найроби, в Кенийской Природоохранной Службе. Более того, во время всех этих переговоров Рома, по-видимому подружился с одним из сотрудников этой службы, который пообещал встретить нас в аэропорту и привезти к себе домой переночевать первую ночь до отъезда в горы.

Гром грянул среди ясного неба. За три недели до отлета я получил от Ромы следующее сообщение:

"Привет, Вася. Я очень извиняюсь, я вынужден тебя огорчить. Я не смогу поехать в Кению. У меня тут на работе возникли серьезные проблемы. Если поеду, меня отсюда уволят. Я очень сожалею, что крупно тебя подвел. Подумай и напиши, что ты сам намерен предпринять. Я пока ничего не пишу в Найроби. В зависимости от твоих планов я смогу связать тебя с моими контактами в Музее и министерстве, и они тебе помогут, если ты готов уехать один. Я думаю, что на горе Кения не опасно, а на горе Эльгон, если не идти на самую границу, тоже. На самом деле Найроби может быть наиболее неприятным местом, где белого человека, наверное, видно издалека. Я готов выслать тебе все мои карты и книги. Ещё раз извини, привет-привет. Рома".

По правде сказать я немного расстроился и несколько дней думал, как мне поступить. Меня беспокоило, насколько благополучно я смогу провести месяц в Кении, причем сделать все по расписанию, не заболеть и затем продолжить свою поездку в Европу и Северную Америку. Дня два я раздумывал, а не стоит ли изменить даты отлета и провести в Кении не 4, а две недели. Однако в конце концов я обругал себя за малодушие и решил следовать ранее спланированной программе.

И вот, наконец, последний вечер перед отлетом. Завтра в обед мне предстояло лететь в Найроби и затем далее и далее. Был октябрь, в это время в Восточной Африке шёл малый дождевой период. Я прилично волновался, ибо предстоящая поездка была самой продолжительной и сложной в моей жизни, и домой в Преторию я намеревался вернуться лишь в начале февраля будущего года. Рюкзак мой был аккуратно уложен дома; на груди в мешочке висел паспорт, разбухший от виз, две тысячи наличных долларов, дорожных чеков, сложенных вдвое авиабилетов и свидетельств о прививках. Впереди была череда из восьми дел, каждое продолжительностью от одной до четырёх недель, в восьми городах пяти стран трёх континентов. Ни изменить, ни отложить в этих делах я ничего не мог, и оттого мне следовало просто следовать плану, не болеть, не терять документов и денег и не выходить за рамки скромного бюджета. Все дела в Претории были на три месяца заморожены и приостановлены. Чувствовал я себя в этот вечер неважно и порой малодушно раскаивался, что затеял такую долгую и интенсивную поездку. У этого чувства было даже своё название - "Коста-Риканский синдром". Несколько лет назад я стажировался в Оттаве и под конец решил совершить свою первую тропическую одиночную экспедицию в Коста-Рику, и мои ощущения тогда перед отлетом из Монреаля в Сан-Хозе были очень похожи на текущие переживания. Я выругал себя и пошёл домой на Скуман-стрит. Мне хорошо было известно по опыту, что вся эта дрожь в коленях проходит моментально, когда наступает пора брать рюкзак и отправляться в аэропорт. Наутро началось моё Большое Жучиное Путешествие и, раз начав свое движение, я сразу почувствовал себя намного лучше.

Глава 19

Когда я прилетаю первый раз в новую для себя страну, выхожу из международной зоны аэропорта и оказываюсь один в совершенно новом месте, меня охватывает состояние одновременно возбуждения и легкой неуверенности и настороженности. Причиной тому, видимо, слишком резкая смена климата, людей и всего прочего за время перелета в самолете. В этом смысле аэропорт Найроби не был исключением. Я с удивительной быстротой прошёл эмиграционный контроль, получил треугольный штамп в паспорте, одел на плечи рюкзак и вышел в зал для встреч. Я полагаю, что существует всеобщий закон, что в экономически скромных странах прилетевший иностранец всегда попадает сперва на растерзание водителям такси. Они, как грифы, набрасываются на незащитного туриста, суетятся вокруг, тянут за рукав и предлагают везти куда угодно за фантастически высокую плату. Эти люди всегда живут в тесной взаимосвязи с полицейскими в аэропорту и с администрацией, которая получает свою долю прибыли и вовсе не заинтересована организовывать дешёвый, доступный, ясный и безопасный общественный транспорт из аэропорта в город.

Я вытягивал шею и оглядывался по сторонам. В аэропорту меня должен был встречать Джим Муго, который был ответственным за организацию моего разрешения на сбор и вывоз насекомых из Кении. За пару дней до вылета мы договорились, что он отвезет меня к себе домой переночевать, на следующий день я получу у него на службе свои бумаги, заеду в Национальный Музей и наутро второго дня отправлюсь на автобусе в город Катале на западе страны, от которого рукой подать до горы Эльгон. Было около четырёх часов вечера, и через два часа должна была наступать ночь. Я отыскал в здании аэропорта небольшую информационную стойку и позвонил в Кенийскую Природоохранительную Службу. Там мне голос с сильным восточно-африканским акцентом ответил, что Джим выехал на машине в аэропорт минут двадцать назад и вот-вот должен приехать. Я повесил трубку и стал оглядываться внимательно по сторонам.

Аэропорт в Найроби сравнительно небольшой, и минут через двадцать зал ожидания заметно опустел. В какой-то момент я заметил идущего ко мне молодого чернокожего парня. Он внимательно посмотрел на меня, я ответил ему таким же долгим взглядом, после чего он подошёл и спросил:

- Вы Василий?

Я ответил да, и затем спросил, он ли Джим. Парень радостно закивал и широко заулыбался.

- Да, да, это я Джимми. Извините, что я опоздал. Я в этой спешке даже не успел приготовить табличку с Вашим именем. Я вспомнил об этом уже по дороге и было поздно возвращаться. Ну ничего, все-таки я Вас нашел.

Джимми приехал в Найроби лет десять назад из города Кисуму, расположенного около озера Виктория. Его родители были в состоянии оплатить его учебу в Университете Найроби, и затем он поступил в Кенийскую Природоохранную Службу. Там он занимался компьютерным картированием Кении и её национальных парков при помощи данных со спутников. Полгода назад его организация выделила средства, чтобы отправить Джимми учиться в аспирантуру в США, и он собирался отправиться туда через несколько месяцев. По уровню жизни Джимми был кенийцем с достатком выше среднего; он ездил на собственном подержанном Мерседесе и одевался очень аккуратно. Лет ему было слегка за тридцать.

Около часа мы добирались от аэропорта до города и затем медленно лавировали на узких и перегруженных улицах Найроби. Это был самый крупный город в Восточной Африке, который возник сто лет назад как база при строительстве знаменитой восточно-африканской железной дороги между кенийским портом Мамбаса и столицей Уганды Кампалой. Дорога строилась англичанами для облегчения доставки колониальных продуктов из глубины материка к порту и для её строительства были привезены бесчисленные тысячи индийцев, в то время тоже подданных Британской империи. С тех пор индийцы играют заметную роль в жизни кенийского общества и заняты, в основном, в сфере бизнеса. В тридцатимиллионной Кении их число около одного процента; чуть больше, чем кенийских европейцев, потомков колонизаторов, которые, как правило, родились в Африке, считают её своей страной и не желают, а порой не могут, вернуться в бывшую метрополию. Остальные 98% населения состоят из многочисленных этнических групп с разными традициями, культурой и языками. Между собой эти группы похожи не

больше, чем жители Кавказа и прибалты, и оттого национальная политика есть дело в этой стране важное. Государственные языки - английский и суахили, последний есть синтетический язык Восточной Африки, собранный из слов разных народов и разнесенный по региону арабскими работоторговцами.

Джимми со своей подругой Джорджиной снимали квартиру в нескольких километрах от центра города. Джорджина работала медицинской сестрой в центральном госпитале Найроби и происходила из очень обеспеченной семьи. Её отец многие годы работал в ООН и ездил с инспекциями по африканским странам. Помимо Джорджины и её трёх сестер, в их семье росло ещё несколько детей, которые были племянниками её отцу. В Африке широко распространено явление "расширенной семьи", когда в случае смерти родителей всю заботу об осиротевших детях берут на себя ближайшие родственники, и в этом случае они совсем не делают различий между своими детьми и чужими. Дядя Джорджины заразился СПИДом, некоторое время спустя заболела и его жена, и через несколько лет они умерли. Такая судьба очень характерна для миллионов африканских семей, ибо в сельских районах многие люди либо не знают об этой болезни, либо считают её болезнью белых и практически всюду практикуют незащищённый секс. Путешествуя по Африке, я не раз слышал от молодежи, что в различных африканских культурах считается неприемлемым использование презервативов. В результате количество людей, зараженных СПИДом, колеблется в Африке от страны к стране в пределах десяти процентов, а в отдельных странах, таких как Ботсвана, достигает тридцати процентов.

На следующее утро Джимми отвез меня в Кенийскую Природоохранную Службу, и я без проволочек получил от них документ для прохода в национальные парки, сбор там жуков и вывоз их из страны. Остаток дня я провел в Национальном Музее Кении. Это было большое двухэтажное здание колониальной постройки, вокруг которого лежал аккуратный парк и десяток зданий поменьше с разными службами или научными отделами. Музей долгие годы был возглавляем Льюисом Лики, а затем его сыном Ричардом. Он содержит одну из самых ценных коллекций доисторических остатков человека, собранных, в основном, в окрестностях озера Туркана (бывшее озеро Рудольфа) на севере Кении.

Семья Лики интенсивно работала в Восточной Африке в середине 20-го века и, в основном, благодаря их усилиям предполагаемый центр происхождения вида "человек разумный" был перенесен в умы ученых из Юго-Восточной Азии в Африку. Одним из основных открытий Льюиса и Ричарда Лики был факт одновременного существования на Африканском континенте нескольких видов человекообразных приматов родственных друг другу не больше, чем лошадь и зебра. Из этих нескольких видов уцелел только один, а именно наш непосредственный предок, а остальные вымерли. В начале 80-х годов второй президент Кении Даниел Тороро Арап Мои неожиданно назначил Ричарда Лики, в то время директора Музея, главой Кенийской Природоохранительной Службы в надежде реанимировать эту крайне запущенную структуру. Назначение белого Лики на такой высокий пост в пост-колониальной Кении вызвало немало удивления. Ричард эффективно справлялся со своими обязанностями, привлек в страну крупные зарубежные гранты, остановил варварское истребление слонов браконьерами и на военный лад реорганизовал и вооружил службу охраны национальных парков. Это были непопулярные действия и развал нелегального бизнеса слоновьей кости вызвал резкое недовольство в коррумпированном руководстве страны. Ричард пережил авиакатастрофу своего частного самолета, которую многие считали умышленным покушением на его жизнь, и при экстренной посадке лишился обеих ног. После десяти лет работы директором Кенийской Природоохранной Службы он также неожиданно был уволен тем же Мои.

Помимо Лики, Национальный Музей Кении связан с жизнью и деятельностью ещё одной знаменитой семьи Джой и Джорджа Адамсон. Джой была художником, и по заказу Музея рисовала восточно-африканские растения, а затем представителей различных народностей чернокожих восточной Африки. На этой службе она познакомилась с Джорджем, в то время колониальным профессиональным охотником. В обязанности Джорджа входило убивать львов-людоедов и через некоторое время Джой стала обладательницей детеныша льва по имени Эльза. Джой вырастила сперва Эльзу, затем самку гепарда Пиппу и написала об этом опыте ряд книг, которые были широко изданы по всему миру. Судьба жестоко обошлась с семьей Адамсон. Уже будучи на пенсии, Джой, а затем через несколько лет и Джордж, погибли от рук браконьеров. В Национальном Музее Кении есть большая экспозиция рисунков чернокожих людей, выполненных Джой.

Наутро я простился с Джимми на автовокзале около автобуса компании "Акамба". На тротуаре сидели несколько кенийцев и дожидались посадки. Среди них, в окружении мешков с зерном, сидела женщина с ребенком на руках. Ребенку было месяцев восемь, при этом он сосал и грыз кусок стебля сахарного тростника размером с кукурузный початок. Женщина эта казалась мне совсем юной, почти подростком. Когда она встала, я увидел, что её рост был заметно меньше полутора метров и лицо совершенно детское. Я не решился сделать фотографии. Автобус ушёл по расписанию, и дорога до Китале через города Накуру и Элдорет заняла девять, вместо обещанных шести часов. По пути мы пересекли экватор с юга на север, на вывеске было сообщение об этом замечательном факте и реклама фотопленки. Из всей поездки мне более всего запомнилась ужасная тряска. Когда-то асфальтовая дорога была больше похожа на булыжную мостовую, и движение по главной западной магистрали страны было всего в одну линию. Все девять часов автобус дрожал и дребезжал, как ящик с гвоздями. При этом водитель и кондуктор непрерывно разговаривали, и для этого они были вынуждены перекрикивать шум тряски.

Встречные машины попадались не чаще, чем одна в минуту. Почему-то выхлопы у всех автомобилей были очень сильными. Я видел впереди автомобиль на небольшом подъеме; он дымил, как кочегарка и временами совершенно скрывался в облаке собственных выхлопов. За этот день я нанюхался выхлопов на много лет вперед.

По пути мы спустились метров триста в долину великого африканского разлома. Вдоль дороги ослики толкали тележки, женщины на головах носили питьевую воду, хворост и мешки с зерном на спинах, придерживая свой груз обеими руками. Белых я за весь день видел лишь дважды, когда нам навстречу проехали два вездехода с туристами. Всюду вдоль дороги было много праздно шатающихся молодых мужчин. Все время в дороге я высовывал голову в окно и следил на стоянках за багажным отделением, чтобы не стащили мой рюкзак. В Элдорете мы провели около часа. Автобус заехал на большую площадь, полную пустых матату (тип дешевого маршрутного такси) и торгующих людей. Пока водитель ждал пассажиров, каждый в толпе продавцов старался перехватить мой взгляд и предложить что-нибудь на продажу. Продавали, в основном, молодые мужчины и подростки. Они кольцом окружили автобус и на специальных широких подносах поднимали свой товар прямо к открытым окнам. Чтобы привлечь внимание покупателей,

они свистели, как в Южной Африке и произносили характерное "кс-кс". Как только мы тронулись, автобус перед нами застрял и дальше проехать стало невозможно. Все пространство площади было покрыто шевелящейся кашей людей, матату и жареных початков кукурузы.

Километров через 10 после Элдорета мы свернули с угандийской дороги на другую, более незначительную. Дорога изобиловала ямами, в некоторых из них мог вполне уместиться теленок и порой так оно и было. Каждые 10-15 километров мы проезжали скопление барачков из досок и ржавого железа по обеим сторонам дороги. Около этих странных сооружений сидели люди и на стенах краской были неровно сделаны надписи "Гостиница", "Салон причесок", "Клиника" и многие другие, по виду совсем неподходящие надписи. Солнце уже садилось, и километров за 20 до Китале на западе я увидел контур горы Эльгон, очень широкую и сравнительно невысокую возвышенность ландшафта у самого горизонта. При виде Эльгона я почувствовал себя очень возбужденным, ибо эта гора занимала мои мысли последние десять лет. Уже в начинающихся сумерках я попросил водителя автобуса притормозить у самой лучшей гостиницы в городе и за эквивалент шести евро снял там себе отдельную комнату, чтобы провести ночь. Завтра утром я намеревался купить продукты на две недели и затем преодолеть оставшиеся полсотни километров проселочных дорог до конторы национального парка.

Глава 20

Наутро мне предстояло совершить заключительный бросок до штаб-квартиры национального парка горы Эльгон. От рыночной площади города Китале первые тридцать километров пути я проделал на матату, и эта поездка значительно обогатила меня новым опытом. Матату на суахили обозначает общедоступное такси вместимостью в 10-15 человек. Благодаря своей мобильности они более конкурентоспособные на коротких расстояниях, чем обычные рейсовые автобусы. Моя матату до деревни Эндэбес была машиной на двух осях с кабиной водителя с одним пассажиром спереди и будочкой размером два на полтора метра сзади. Внутри будочки вдоль боковых стен были две

скамейки для людей, а на крыше из ржавого металла пассажиры привязывали кур, бананы, велосипеды, мешки с зерном и прочий багаж. Меня, как редкую птицу, пассажиры матату шумно поприветствовали, и внутри будочки я оказался десятым. Рюкзак свой на крышу я класть отказался и оставил его у себя на коленях.

Машина была полна пассажиров, и я думал, что мы вот-вот отправляемся. Водитель думал иначе, и мы стояли ещё с полчаса, причем все пассажиры ничуть не проявляли своего недовольства из-за такой задержки. За это время водитель и его кондуктор - мальчишка лет 15 - умудрились заманить ещё восьмерых пассажиров, при том, что внутри маленькой будочки уже было не протолкнуться. Двое из новых пассажиров смогли втиснуться на скамейки по одному с каждой стороны вагончика, двое остались стоять, согнувшись в центре между рядами сидящих, и ещё четверо попросту прицепились сзади. Они стояли на заднем бампере вагончика, руками держались за переполненный багажник на крыше и таким образом они целиком находились за пределами вагончика. Мой левый локоть упирался в ребра скрючившегося соседа слева, его правый локоть был у меня под мышкой. Женщина напротив кормила грудью годовалого ребенка. Грудь была необычной конической формы и напоминала скорее приличной длины морковь с невероятно широким основанием; половина этой моркови приходилась на сосок. За полчаса ожидания отправления я нащупал среди чьих-то вещей на полу пустой мешок из-под риса, свернул его и запихал между своей спиной и металлическим каркасом нашего вагончика позади меня. Мне казалось, что именно в этом месте я, скорее всего, сломаю себе позвоночник, когда эта матату неизбежно перевернется и все 18 человек - за исключением четверых, болтающихся снаружи, - придавят меня сверху. Увидев этот маневр, две чернокожие девушки напротив захихикали и зачирикали между собой на своем языке.

Тридцать километров тряской дороги от Китале до Эндэбес наша матату на невероятной скорости преодолела за двадцать минут. Мы проехали полицейский пост; висящие сзади на полном ходу умудрились на короткое время втиснуться внутрь и стояли согнувшись почти пополам между коленями сидящих. При этом голова каждого из них упиралась сзади в ягодицы соседа. Я искренне обрадовался, когда настала моя очередь выходить и идти последние 12 километров по грунтовой дороге. Несколько раз ко мне подъезжали чернокожие юноши на велосипедах с немного расширенным багажником. В путеводителе

я читал, что это своеобразное такси и называется бода-бода. Они предлагали мне воспользоваться их услугами, однако я не представлял, как эти худые подростки смогут везти меня с двумя рюкзаками вверх в гору и потому благоразумно отказывался. Вскоре подъехала машина национального парка, я залез в кузов к десятку вооруженных рейнджеров и на ней преодолел последний участок пути.

В национальном парке на горе Эльгон я провел две недели. Большую часть этого времени я провел в экскурсиях по окрестностям штаб-квартиры на высоте от двух до трёх тысяч метров. Письмо из Природоохранной Службы Кении произвело магическое впечатление на руководство парка; меня проводили в отдельный коттедж на краю дождевого леса и выделили одного вооруженного автоматом рейнджера, чтобы он сопровождал меня во время моих ежедневных коллекционных маршрутов. В большинстве национальных парков Африки только автотуристы могут самостоятельно передвигаться по парку, а пешеходам это или запрещено, или их должна сопровождать вооруженная охрана. Мне всегда казалось, что опасность нападения диких животных в горных лесах была сильно преувеличена, и мой вооруженный спутник был мне ни к чему. Однако система Природоохранной Службы Кении организована на военный лад и оттого директора парков обязаны были следовать инструкциям.

Моего рейнджера звали Камеи. Это был немного замкнутый и молчаливый человек лет 45, невысокого роста, плотный, в неизменно аккуратной камуфляжной форме. День в парке начинался семичасовым построением рейнджеров возле домика директора, где они получали свои задания на день. Там я встречал Камеи и затем мы отправлялись на дневную экскурсию. Обычно она длилась 7-8 часов, и обратно в свой коттедж я возвращался около трёх-четырёх дня, за несколько часов до заката. Гора Эльгон лежит примерно на первом градусе северной широты и оттого весь год ночь и день там длятся совершенно одинаково по 12 часов. Такое положение дел сперва казалось мне необычным, ибо при жаркой температуре воздуха световой день казался мне очень коротким, однако, со временем я вполне привык к такому положению дел и даже стал находить приятность в том, что ночь продолжалась 12 часов. Результатом было то, что я всегда отлично высыпался, как бы сильно ни устал в течение предыдущего дня.

Мне кажется Камеи радовался тому, что был на время приставлен сопровождать меня и оттого не проводить долгие часы в мокром лесу, заноса на карты маршрут движения слоновьего стада и патрулируя дороги. От штаб-квартиры было три дороги вверх, они поднимались на высоту трёх с половиной километров и заканчивались в альпийской зоне горы в нескольких километрах от вершины и недалеко от границы с Угандой. Я намеревался отправиться туда на несколько дней позднее, а пока собирал жуков в нижней части горы. День всегда начинался безоблачно и вдвоем с Камеи мы шли по скользкой дороге, распугивая стада крупных антилоп и крикливых бабуинов. Не раз наш путь пересекали колонии мигрирующих муравьев. В таких случаях через всю дорогу струился непрерывный поток муравьев шириной около двух сантиметров. Муравьи бежали один за другим в 5-6 рядов и их движения напоминали течение небольшого ручья. Такая колония бежала несколько дней, и по бокам от неё были построены невысокие стенки из песчинок. На них сидели, а иногда сцепившись образовывали крышу колонии крупные солдаты с большим телом и непропорционально длинными челюстями. Я подолгу сидел около таких колонн, ладонью левой руки прикрывая своё дыхание, а правую с мокрым указательным пальцем держал наготове, чтобы ухватить и выбросить из колонны муравьев жука. Многие виды жуков адаптируются к жизни с мигрирующими муравьями и кроме их гнезд больше в природе нигде не встречаются. Как правило, эти жуки имеют железы со сладкими выделениями, либо их конечности могут быть плотно прижаты к телу, в результате они чувствуют себя в безопасности среди муравьев. Я провел небольшой веточкой по живой крыше колонны и через секунду с неё, как новогодние украшения, свисало до полусотни яростных муравьев, вцепившихся в неё и друг в дружку. Долго около колонны я задерживаться не мог, ибо отдельные солдаты бежали на расстоянии до 20 сантиметров от колонны, взбирались мне на ноги и неожиданно кусали сквозь тонкую ткань заправленных в носки брюк.

Однажды я сказал Камеи, чтобы он отвел меня к пещере Китум. Это знаменитое место и часть этой известности происходит от того, что в неё ночами регулярно приходят слоны и бивнями счищают, а затем поедают соленую почву. Я видел на стенах пещеры характерные следы бивней; некоторые рейнджеры утверждают, что именно слоны ответственны за образование этой пещеры. Другая слава Китум весьма сомнительного свойства. Бактериологи и эпидемиологи полагают, что именно в ней произошёл первый

описанный случай заражения "ужасным" вирусом болезни Эбола, смертность от которой составляет около 70 %, что делает эту заразную болезнь более опасной, чем бубонная или легочная чума. Болезнь Эбола известна с конца 70-х - начала 80-х годов и пока она эндемична для Экваториальной Африки. За время моего пребывания в Африке было сообщено о двух вспышках болезни - сначала в Уганде, затем в Габоне. Специальные экспедиции обследовали пещеру Китум некоторое время спустя после первого случая заражения и следов вируса не обнаружили. Эбола, тем не менее, у многих туристов по-прежнему ассоциировалась с пещерой Китум и горой Эльгон, в результате чего посещаемость национального парка заметно упала. Таня не раз вслух высказывала свои опасения касательно моих планов собирать жуков в пещере Китум, и мне стоило большого труда убедить её, что эти опасения беспочвенны. Сейчас предполагают, что вирус Эбола естественным образом существует в природе и циркулирует среди обезьян. К человеку, по-видимому, он попадает, когда местные жители охотятся на приматов, что весьма характерно для многих африканских странах. Даже шимпанзе и гориллы не избегают участи быть убитыми оппортунистическими охотниками из-за так высоко ценимого в Африке животного белка. Похожая теория существует и относительно СПИДа, первый случай которого зарегистрирован примерно в то же время в рыбацких деревнях на угандийском берегу озера Виктория.

Во время одной нашей поездки с Камеи мы нашли старый скелет буйвола с остатками шерсти и мумифицированной ткани. Я около часа с упоением переворачивал эти остатки и пинцетом выбирал с них специфических и очень редких падальных жуков и их личинок. Пока я на корточках обследовал свою находку и старался поменьше дышать носом, Камеи сидел на солнечном склоне и, видимо, дремал. Неожиданно в густых зарослях бамбука неподалеку раздался треск и мелькнуло несколько черных тел африканских буйволов. Обычно флегматичный и медлительный Камеи быстро вскочил, схватил свою винтовку и приготовился защищаться. Животные заметили нас и скрылись в бамбуке.

В продолжение своих прогулок я помнил о наказе моего друга Фила Кей и продолжал высматривать древесные грибы, чтобы собрать с них для него мельчайших жуков из семейства веерокрылок. Некоторое время они мне совершенно не попадались, но вот однажды я увидел целую семью на старой поваленной коряге около дороги. Приближался

закат, и я не решился при слабом свете попытаться собрать этих жуков и явился сюда на завтра в сопровождении неизменного Ками. Я осторожно срезал ножом один трутовик и перевернул его. На чистой белесой поверхности виднелись многочисленные поры диаметром с крупный человеческий волос, и из них вылазили темные черноголовые точки, перемещались на несколько миллиметров и снова исчезали в порах. Это были нанозелины, ранее ни разу не указанные для африканского континента. Для их сбора я приготовил булавку и маленькую пробирку со спиртом. Я окунал острое булавки в спирт и осторожно прикоснулся к жуку, отчего он немедленно прилипал к булавке, и затем я опускал его в пробирку. За несколько часов работы мне удалось собрать несколько сотен этих самых маленьких жуков с трёх трутовиков. Все вместе они скопились на дне прозрачной пробирки и выглядели как тонкий слой глины. Не было сомнений, что эти жуки представляют собой новый вид и род, ещё неизвестный науке.

В Кении был влажный сезон, каждый день около трёх часов дня собирались тучи и шёл дождь. Однажды Ками повел меня другим путём, и на обратном пути к моему коттеджу мы пошли по дороге за пределами национального парка. Весь лес был сведен, и вместо него я видел небольшие клочки маисовых посадок, круглые хижины с коническими крышами в окружении грязных луж, разваленные заборы и неизменно жизнерадостных чернокожих детей в лохмотьях, которые играли на пустынных огородах под начинающимся дождем и низкими тучами. Затем мы встретили одинокого пастуха. Это был молодой парень, худой, как ветка, лет 17-20, он был одет в совершенные лохмотья, одна штанина отсутствовала и худые ноги были воткнуты в сапоги с разодранными и свисающими в разные стороны листами голенищ. Он стоял со старым сломанным зонтом под дождем, что-то говорил на своем языке и радостно и смущённо улыбался. Его передние зубы были сильно деформированы. У меня было какое-то пустынное ощущение от увиденного. Эти люди вернулись сюда всего несколько лет назад после окончания кровавых столкновений между членами разных африканских групп. Все они были невероятно бедны. У самой границы парка склон был недавно вырублен, деревья сожжены в древесный уголь чаркол и проданы в городе.

На обратном пути Ками рассказал мне о сложных взаимоотношениях между разными племенами и народами в Кении и о часто возникающих конфликтах с массовыми

побоищами и убийствами. В Кении около 70 различных этнических групп и каждый чернокожий чётко ассоциирует себя с одной из них. Принадлежность к группе подчеркивается различиями в языке, одежде и ритуальных увечьях. У масаев, например, нет двух нижних передних зубов и уши помечены отверстиями и надрезами сверху. Рейнджеров никогда не оставляли служить в парке на территории его народа. Наоборот, их отсылают подальше, так как такой рейнджер не будет ловить своих браконьеров, в случае конфликта между своим кланом и соседями запросто сможет использовать табельное оружие. Конфликты между кланами происходят при разделе земли, угоне скота и, как объяснял Камай, почти всегда инициированы рвущимися во власть местными политиками.

Через несколько дней я закончил свою работу в лесу на горе Эльгон и мне осталось провести лишь несколько дней на её вершине. Питер Лейторо, директор национального парка, выделил мне для этого похода двух рейнджеров, объясняя это близостью угандийской границы и нередкими случаями браконьерства. Склон горы Эльгон сравнительно полог и оттого от штаб-квартиры наверх можно проехать на автомобиле почти до середины альпийского пояса. Сама вершина образована в виде широкой кальдеры на месте провалившегося вулканического кратера диаметром в три-пять километров и глубиной в несколько сот метров. Таким образом, гора представляет собой широкий конус с проваленным центром. Лес в районе кальдеры отсутствует, уступая зарослям гигантских травянистых растений сенецио и лобелия, двум характерным представителям растений восточно-африканской альпийской флоры. Я много раз видел эти необычные ландшафты с гигантскими травами на фотографиях вершин вулканов Вирунга и Килиманджаро, и вот назавтра мне предстояло самому подняться наверх и увидеть это воочию.

Моих новых рейнджеров звали Самуил и Коля-Узун. Самуилу было лет 20, и его всего неделю назад прислали сюда из равнинного парка Масаи-Мара. Коля-Узун казался ещё моложе, плохо говорил по-английски и оттого смущался разговаривать со мной. Не могло быть и речи, чтобы мы пешком проделали 25 километров вверх по дороге. Меня такая перспектива ничуть не смущала, однако, мои молодые охранники не имели подходящих рюкзаков и, самое главное, большого желания идти пешком. У нас был небольшой вездеход, вооруженный спереди лебедкой, водитель которого должен был завезти нас

наверх и оставить там на четыре дня. С нами на другой машине отправились ещё трое рейнджеров и трое рабочих с бензопилами. Задача рабочих была перепилить упавшее через боковую дорогу около пещеры Китум огромное дерево. Они трудились над ним уже несколько дней, и работы оставалось немало, ибо это был настоящий лесной великан с диаметром ствола больше двух метров.

Мы выехали рано утром, и последующие 25 километров дороги были, без сомнения, самыми худшими из виденных мною в жизни. Ехали мы больше шести часов и застревали восемь раз. Шесть раз мы цепляли лебедку к стволам или корням деревьев и вытаскивали машину из грязи. Затем мы поднимались выше в гору, большие деревья закончились, мы обматывали лебедку вокруг десятков высоких стволов бамбука, и они трещали и ломались, как тростник. В альпийской зоне бамбук закончился, машина садилась на брюхо в глубокой колее и тогда нужно было стаскивать под колеса камни. Нашей машине приходилось совсем худо - водитель нервничал и газовал, лысые колеса бешено крутились, терлись и дымили, позади машины возникал сперва фиолетовый, а затем черный смог выхлопов и дыма от горящей резины. Машина вперед не ехала, а юлила задом и сползала к обочине. Грязь летела из-под колес под самыми невероятными углами и прилипала к толкающим машину сзади. Спереди я был почти целиком покрыт слоем липкой глины, и когда она попадала на лицо, я чувствовал, какая она горячая от трущихся колес. В альпийской зоне слой почвы стал тоньше и раз за разом мы вытаскивали с корнями можжевельниковое дерево, за которое цепляли лебедку. Трос был из плетеных металлических нитей, некоторые из них лопнули и я неожиданно увидел, как сильно и глубоко порезал ими свои ладони. Я подумал, что это был бы очень нелепый способ заразиться СПИДом.

Дождя не было почти всю дорогу. Только однажды пошёл небольшой дождь и мир вокруг сразу сделался неудобным. Самуил сказал уныло: "Вот, пошёл дождь". Он и его напарник имели вид людей сильно сожалеющих о будущем. Неожиданно водитель сказал, что все, весь бензин был сожжен на бесконечных заторах, его осталось в обрез на обратную дорогу и что оставшиеся несколько километров нам нужно идти пешком. Мы втроем выгрузились из машины и сразу начался сильный холодный дождь. Мои рейнджеры были совершенно деморализованы. Из-за отсутствия приличного оборудования, а более по своей природной

беспечности, они были совсем не приспособлены даже для самого короткого пешего перехода с вещами. Спальный мешок одного из них был попросту небрежно брошен в кузов и никак не защищен от дождя. Их еда - питаться мы должны были отдельно - была уложена в большой картонный ящик, уже прилично разболтанный тряской и заляпанный мокрой грязью. Они небрежно вывалили ящик из машины в мокрую траву у обочины и сквозь отвалившуюся стенку ящика я увидел бока тяжелых консервов и пакеты печенья. Самуил сказал, что лагерь нужно ставить здесь и затем уже завтра идти до конца дороги. Я сказал ему, что нет, что мы идем прямо сейчас и пусть они одевают рюкзаки для перехода. Я одел свои оба рюкзака и взял 20-литровую канистру с запасом воды, которую мы, как потом оказалось, взяли с собой совершенно напрасно. Обернувшись, я увидел своих рейнджеров за раскладыванием палатки. Я подумал, что они действительно собираются оставаться здесь на ночевку, разозлился и сказал им немедленно её сворачивать и отправляться вперед. На это Самуил ответил, что водитель просто показывает им, как эту палатку ставить, ибо до этого ни он, ни Коля-Узун, сидевший на корточках с мокрым и грустным видом, палаток в жизни своей не ставили. Я сказал им, что они валяют дурака и что сейчас под сильным холодным дождем и при низкой температуре нам, чтобы не замерзнуть, нужно немедленно идти и не терять времени, ибо до заката времени оставалось с час. Из их запаса еды я перегрузил себе в рюкзак семь литровых банок консервов, в одну руку взял мокрую, слипшуюся и оттого тяжелую их палатку, в другой нес канистру с водой и ещё оба своих рюкзака. Уже прилично намокнув, мои рейнджеры надели свои непромокаемые накидки и Коля-Узун сверху одел маленький рюкзак с притороченным к нему спальным мешком. Я заставил его мешок этот снять и запихать от дождя в рюкзак. С несчастным выражением глубокой покорности судьбе они наконец встали, Самуил потащил оба автомата, а Коля-Узун обеими руками обхватил и понес медленно расплзающийся картонный ящик еды. В таком виде мы простились с водителем и тремя счастливыми рейнджерами и зашагали наверх под дождем и порой по колено в холодной воде.

К месту нашей стоянки мы пришли примерно через час. В этом месте слабая автомобильная колея заканчивалась, склон становился заметно круче и дальше наверх вела узкая пешеходная тропинка. Мы были на высоте трёх с половиной километров, и это место я выбрал для нашей базы. Меня привлекала идея подняться ещё метров пятьсот по

вертикали и, примерно, через час мы очутились бы прямо на склонах старого кратера. Однако скорые сумерки не оставляли нам на это времени, а кроме того, ночевать несколько ночей на высоте четырёх километров было бы неудобно из-за регулярных заморозков. Кроме того, меня прилично беспокоили мои чернокожие спутники, для которых такая высота в сочетании с дождем и холодом могла показаться негостеприимной. Последним аргументом в выборе лагеря у конца дороги была небольшая ровная площадка на травяном склоне, достаточная для двух палаток. В полусотне метров ниже шумел ручей, и кроме того вдоль неглубокой колеи струились дождевые потоки, которые должны были обеспечить нас водой.

Самуил и Коля-Узун оказались совершенно непригодными для своей миссии. Закончив устанавливать свою палатку, я заметил, что они не в состоянии справиться со своей. Они окоченели и еле двигали замерзшими руками. Уже в сумерках я поставил их палатку, которую сам же им и принес. Они немедленно заползли внутрь и, не раздеваясь, образовали клубок из себя, своих спальных мешков, не снятых ботинок и вообще всего, что, по их мнению, могло спасти их от холода. Дождь в это время прекратился, и я полагал, что за два часа выпало не менее 20 миллиметров осадков. Поскольку мои рейнджеры не проявляли никакого желания приготовить себе горячую еду, я быстро вскипятил на примусе литр горячей воды, заварил в нём сладкий кофе, выпил сам и остаток отдал своим спутникам вместе с плиткой шоколада. При обычном положении дел я бы назвал их поведение ленью и неорганизованностью, однако, оба мои африканца были совершенно не привыкшими к условиям холодного высокогорья. Мне припомнилась экспедиция Экли на вулканы Вирунга в первой половине 20-го века. Для подъема грузов Экли нанял тридцать конголезцев из деревни у подножия вулкана и на подъеме их застал снег. Носильщики никогда не видели снега, они впали в шоковое состояние и не смогли ничего предпринять для своего спасения. Все погибли, за исключением нескольких, которых Экли буквально на себе одного за другим спустил вниз с горы за пределы зоны выпадения снега.

Первая ночь в лагере "Конец Дороги" была сравнительно свежей, и температура опустилась примерно до пяти-семи градусов Цельсия. С уступа на склоне горы Эльгон, где стояла моя палатка, открывался отличный вид на равнину, по которой я сюда приехал из

Найроби, и в безоблачный день было видно километров на 30. В первое утро я расстегнул клапан своей палатки, выглянул наружу и увидел замечательную картину туманного восхода. Весь склон горы и большая часть равнины внизу были укрыты низким и плотным слоем туч. Второй слой туч висел у меня над головой, и в промежутке между ними кровожадно сияло своей верхней частью восходящее солнце.

Как всегда утром, я принял холодный душ. Для этого я отошёл от нашего лагеря по колее дороги вниз метров 50, скрылся в низком тумане, разделся и вылил на себя несколько ковшиков дождевой воды, которая скопилась в заросших травой понижениях дороги. Этой привычке я научился во время путешествий на Кавказе. Тогда самой тяжелой частью похода для меня было просыпаться в палатке - или без палатки, просто в спальнике где-нибудь высоко в горах после дождливой или снежной ночи. Ужасно было выглянуть из относительно теплого спального мешка в очень холодный утренний мир без всякой перспективы согреться. И вот тогда я сделал важное открытие, что все эти ощущения холода есть явления очень субъективные и происходят только от того, что терморегуляторы на человеческом теле привыкли к теплу и сейчас им холодно. Чтобы избавиться от этого ощущения, стоило только регуляторы эти сильно охладить, после чего даже самое свежее утро им будет казаться теплым. Для этого идеально подходит обливание холодной водой или, если дело происходит на безводном альпийском склоне, обтирание росой с трав. Привычка эта настолько укрепилась, что я продолжал обливаться по утрам в городах, а зимой в Москве ходил из аспирантского общежития в парк неподалеку купаться в проруби. К сожалению, благородную эту привычку мне пришлось бросить как только я оказался в Африке, ибо за несколько лет я так и не увидел там проруби, а снег, лед или реально холодную воду встречал только высоко в горах Восточной Африки. Стоит ли говорить, как я был рад на горе Эльгон снова вернуться к своим старым привычкам.

Ни Самуил, ни Коля-Узун, моей радости от холодной воды ничуть не разделяли. Из своей палатки они появились, когда я закончил свой завтрак, взял коллекционное оборудование и собрался идти на дневную экскурсию вверх к кальдере. Они очень медленно выползли наружу и только тут я заметил, что они провели ночь, не переодевшись и даже не снимая обуви. Разводить огонь и готовить им сейчас казалось делом непосильным, и Самуил

достал одну из консервных банок. От дождя картонный ящик совсем развалился на куски, и с банок отвалились бумажные этикетки, так что её содержимое было неизвестно. Никакого ножа, чтобы открыть банку, у них не оказалось и через некоторое время Самуил отстегнул магазин своего автомата, достал патрон и пробил им в консервной банке два небольших отверстия. В банке оказалось концентрированное молоко; вместе со своим товарищем они стали его по очереди пить, сидя на корточках. Одному из них полагалось отправиться со мной наверх, а другому оставаться в лагере. Было, однако, очевидно, что делать это никому из них не хочется, да и мне в присутствии замерзшего и медлительного рейнджера не было никакой нужды. Я сказал им, что вернусь за два часа до заката солнца и пошёл по тропе один, оставив их допивать своё молоко и медленно возвращаться к жизни под лучами поднимающего солнца.

Кальдера - провалившийся старый кратер вулкана на горе Эльгон - имеет форму подковы, открытую на северо-восток, откуда из неё стекает небольшая река. Я около часа поднимался по довольно крутой тропе и скоро оказался в зоне прямой видимости подковообразного гребня, до которого оставалось ещё километров шесть. Я намеревался дойти сегодня до вершины Койтобос, однако, примерно на середине пути стал интенсивно собирать жуков и провел там много времени. Меня очень интересовали эндемичные виды стафилинов, которые живут в широких влагилицах листьев лобелий, куда забивается ветром всякая гнилая органика, прилетают мухи, и вслед за ними приползают хищные жуки. Светило солнце, однако листья растений были покрыты инеем и корочкой льда. Очевидно, что здесь наверху ночью был заморозок. Я ещё раз подумал о своих несчастных замерзших рейнджерах и порадовался, что устроил наш лагерь ниже по склону горы, где было немного теплее.

Во время сбора жуков я внимательно следил за своей тропой и делал многочисленные пирамидки из сложенных камней. Я опасался, что на гору может опуститься туча, и я буду спускаться в глухом тумане и при спуске с водораздела пойду вниз по склону не по своему ущелью и заблужусь. Я старался в первый день не заходить далеко и не злоупотреблять и без того очень хорошим течением дел. Было холодно, дул холодный ветер и иногда нагоняло облака, от чего видимость сразу падала до двух десятков метров и становилось сыро. Сбор жуков шёл хорошо, и мои пробирки постепенно пополнялись уловом. Холод

заставил меня начать возвращение немного раньше намеченного времени. Я употребил оставшуюся часть дня на приведение в порядок записей в полевом дневнике.

А в лагере меня ждал сюрприз. Оба моих рейнджера в полном обмундировании, повеселевшие и с автоматами в руках, стояли и слушали моё жизнерадостное описание прожитого дня. Днем они отогрелись на солнце и устроили себе костер из стеблей кустарника. Я отправился готовить себе еду. Тогда Самуил, будучи постарше и похрабрее, подошёл ко мне и сказал, что завтра нам надо идти вниз. Я насторожился и спросил, почему так; оба они прекрасно знали, что мне здесь находиться четыре ночи. Ответ был таков, что у них закончилась провизия. Я не поверил своим ушам; вчера Коля-Узун принес в руках целый большой ящик и ещё я в своем рюкзаке поднял наверх не меньше семи килограммов консервов. Я пошёл проверить и действительно все банки валялись около их палатки выпотрошенные и заткнутые пустыми пакетами из-под печенья. Среди них было несколько литровых банок тушенки. Видимо за время моего отсутствия мои спутники научились открывать банки целиком и вот теперь прикончили их все. Они провели весь день бездельничая около палаток и развлекали себя тем, что съели за день свой полный рацион на четверо суток. Их подбадривало, видимо, желание поскорее прикончить свои припасы и создать предлог уйти с проклятой холодной заоблачной вершины, куда их затащил бесноватый мзунгу. Пока я с удивлением осматривал остатки пиршества, они очень убедительно говорили мне, что и рады бы со мной тут остаться, но только с завтрашнего дня им совершенно нечего есть. Я был, однако, к этому готов, ибо отправляясь на гору, я ожидал такого рода саботаж от моих спутников и взял небольшой излишек продуктов. Я довольно холодно сказал им: "Ждите", залез в свою палатку и выделил им 250 граммов сахара, полбуханки хлеба, немного маисовой муки и килограмм овсяных хлопьев с изюмом. Все это я сложил на траву около их костра, сказал, что это их еда на следующие трое суток и ушел, не дожидаясь ответа. Они заметно погрустнели. Сказать по правде, я был прилично недоволен своими помощниками. Тем не менее, моя экспедиция продолжалась.

На следующее утро я снова принял холодный душ, быстро съел завтрак и через полчаса после восхода солнца вновь покинул своих несчастных рейнджеров на целый день. Сегодня я учел вчерашний опыт и на прогулку отправился в теплом свитере, куртке и

вязаной шапке, а с собой взял газовый примус, кастрюльку и запас продуктов для горячего обеда и несколько порций сладкого кофе. Вся прогулка продолжалась девять часов, и я впервые в своей жизни был на высоте 4000 метров и заглянул в долину проваленного кратера Эльгона. Повсюду росли заросли древовидных сенецио высотой до двух человеческих ростов. Под камнем я наловил много интересных жужелиц и огромных черных жуков - долгоносиков, ещё стафилинов и их личинок. Посреди дня упал туман, видимость снизилась до десятка метров и я переживал его неподалеку от двух высоких скальных пальцев, опасаясь заблудиться. Там я приготовил горячую пищу и с удовольствием покушал.

Вечером я снова принял душ, поужинал остатками продуктов и подумал, что вкус заплесневевшего хлеба одинаков везде - и в Африке, и в Центральной Азии, и на Кордильерах. На завтра я намеревался идти к вершине "Нижний Эльгон", углубиться на пару километров на территорию Уганды и попробовать отыскать там обозначенное на моей карте озеро, чтобы пособирать в нём водных жуков. Продуктов у меня осталось совсем мало, сахар, шоколад и хлеб закончились, макароны закончились, остались пакетные супы и сухари. Из-за обжорства моих спутников оставшиеся дни до спуска с горы большую часть моего рациона будет составлять горячая вода. Мои грустные рейнджеры все-таки уехали сегодня вниз и с ними исчезли все отданные им на три дня продукты. Когда я ушёл утром вверх, они экстренно связались по радио с базой, Самуил сказался смертельно больным и на их смену прислали двух других.

Сейчас они позвали меня: около их палатки боком ползал краб величиной с пачку сигарет. Вчера я видел одного такого краба в ручье; видимо, ежедневные дожди заставили их вылезти на мокрую траву. Оба моих новых бравых рейнджера держались от краба подальше и кричали, что вот ещё один новый хороший жук для моей коллекции. Я сказал им, что это не жук, а краб. Один из рейнджеров уточнил: это не скорпион? Я был прилично удивлен их познаниями, и оба они отказались подержать в руке безобидное животное. Мне показалось, что многие рейнджеры парка на самом деле очень далеки от природы.

Свою работу на вершине горы Эльгон я закончил через два дня и вместе с новыми рейнджерами пешком отправился вниз. Путь до штаб-квартиры парка я разбил на два этапа, мы сделали промежуточную ночевку в верхней зоне леса на полпути вниз, и остаток дня я употребил на сбор жуков. По дороге с громким криком пронеслись маленькие антилопы-дукеры, похожие на толстых зайцев с большими задами и почти совсем бесхвостые. Вчера вокруг палатки громко кричали бушбоки; их крик напоминал громкое хрюканье. Над дорогой летели птицы с ярко-красными крыльями и неимоверного размера красным клювом. В наступающих сумерках я пил чай и на фоне серого неба наблюдал отчаянные прыжки черно-белых колобусов с одного дерева на другое. Последняя обезьяна немного замешкалась и сидела на ветке секунд 20, очевидно, собираясь с духом. Затем она отошла назад, разбежалась и перепрыгнула метров на шесть по горизонтали и столько же по вертикали до веток следующего дерева, и все это на высоте метров 25. Джордж, один из моих новых рейнджеров, видел на дороге леопарда. От прожитого дня осталось удивительное ощущение легкости и удовольствия жизни.

Глава 21

Работа на горе Эльгон длилась две недели и заняла половину времени моей кенийской экспедиции. Оставшиеся две недели и планировал разделить поровну между дождевыми тропическими лесами на равнинах около города Какамега и на склонах горы Кения. Гора Эльгон, лес Какамега и гора Кения были тремя целями моей экспедиции.

От недели жизни в лесу Какамега у меня остались самые приятные впечатления. Этот лес есть самый восточный в Кении остаток равнинного леса, некогда покрывавшего всю экваториальную и большую часть тропической зоны Африки. Глобальное изменение климата привело к тому, что африканские леса отступили в бассейн реки Конго в западной Африке, а их бывшие места на востоке оказались занятыми саванной. В двадцатом веке прибавился ещё один мощный фактор, а именно гиперболический рост населения и истребления лесов для строительства, обогрева и освобождения плодородной земли.

Лес Какамега лежит в одной из самых густонаселенных областей Кении на северо-восточной оконечности озера Виктория, и оттого испытывает очень большое давление со стороны людей. В округе нет ни одного не возделываемого клочка земли и многочисленные деревни стоят вплотную друг к другу. Правительство страны объявило лес под своей охраной и этим едва успело спасти сравнительно небольшой его остаток от полного исчезновения. Управление лесом перешло Природоохранной Службе Кении, её рейнджеры оборудовали две поляны для палаточных городков, стали патрулировать периметр леса, и сейчас лес Какамега есть популярная остановка иностранных туристов.

Я поставил свою палатку у окраины леса и ежедневно совершал одиночные экскурсии по сильно заросшей тропе вдоль реки. Тут я впервые заметил, что в тропическом лесу реально пройденное расстояние всегда оказывается во многом меньше того, что кажется. Двигаться я мог только по тропе и немедленно застревал и качался в лианах при попытке сойти с неё вглубь леса. На небольших прогалинах около луж на влажной земле сидели разноцветные крупные бабочки и в одном таком месте я насчитал пять видов из семейства парусников. Погода напоминала погоду на горе Эльгон: утром светило солнце, после обеда шёл сильный дождь и к закату небо вновь очищалось. В отличии, однако, от горного леса на Эльгоне, лес Какамега лежал в малярийном районе и оттого я особо внимательно принимал профилактические таблетки мефлиума, носил плотную рубашку с рукавами и смазывал репеллентом открытые части тела.

Ни буйволов, ни других крупных африканских животных, за исключением обезьян, в лесу Какамега я не увидел. Последний леопард, по слухам, исчез несколько десятилетий назад, когда наступающие на лес со всех сторон деревни уменьшили его площадь до нескольких десятков километров. Жуков, тем не менее, я обнаружил достаточно и сборами своими остался доволен. В глубоком лесу я наткнулся на недавно упавшее дерево и два дня возвращался к нему, чтобы сдирать кору и собирать из-под неё богатейшую коллекцию из десятков видов подкорных жуков. Нашёл я и трутовики, и на них, к радости своей и Фила, многочисленных веерокрылок. В одном гнилом стволе дерева жила семья сахарных жуков пассалид, состоящая из двоих черных родителей, нескольких молодых и ещё коричневых жуков и десятка личинок всех возрастов. Сахарные жуки имеют около 600 видов в тропических странах мира и замечательны своей семейной жизнью, при которой

несколько поколений живут вместе, общаются посредством стридуляции. Сахарные жуки входили в группу пластинчатоусых, и оттого я с радостью приобщил их личинок для своей последующей работы в Претории.

Однажды я возвращался к своей палатке после дневной экскурсии. В одном месте небольшая грунтовая дорога перегораживала ручей и с одной стороны образовалась неглубокая запруда площадью в несколько десятков квадратных метров. Я забрел в воду по колено и с полчаса охотился там с маленьким аквариумным сачком за водными жуками. Таковых я поймал несколько, однако вовсе не жуки привлекли моё внимание.

В воде обитало невероятное количество микроскопических водных клещей. Клещи есть животные изначально сухопутные, и в воду они проникали вторично, подобно дельфинам и выдрам среди млекопитающих или пингвинам среди птиц. Специалисты по клещам полагают, что представители разных семейств этой группы проникали в воду независимо по меньшей мере раз 30 и оттого водные клещи отличаются фантастическим разнообразием и самыми причудливыми адаптациями для нового образа жизни. Я не раз обращал на них внимание, когда собирал жуков в стоячих водах умеренных зон, однако именно в лесу Какамега они поразили меня своим удивительным разнообразием. Я насчитал несколько десятков разных видов, которые медленно и толчками плавали от одной веточки водного растения до другой. У меня даже мелькнула мысль, что может быть я когда-то захочу изучать их более внимательно, приготовлю из них микроскопические препараты и зарисую затем их строение. Скорее всего, в этой луже у дороги было несколько новых видов, а может быть, и родов этих животных. По сути дела, это - целый мир живых существ с интересной морфологией, поведением, биологией и всем прочим, что есть у всех животных, однако изучено всё это совсем неравномерно от класса к классу. Существуют, например, десятки и сотни клубов любителей птиц и тысячи людей наблюдают этих животных в часы своего досуга. Мне подумалось, что когда-нибудь появятся любители наблюдать водных клещей и они будут просиживать свои свободные часы по колено в воде. Я был уверен, что их ожидает большое количество удовольствия и научных открытий, однако должно пройти ещё много лет, прежде чем микроскопические животные, вроде клещей и жуков веерокрылок, сравняются по популярности с животными большими. "Если это вообще случится", - подумал я и продолжил свой путь к палатке.

Я провел неделю в лесу Какамега и за это время рядом со мной в палаточном городке останавливалось несколько европейских туристов. Был француз Жак со своей подругой Мари; оба они работали добровольцами в одной негосударственной благотворительной организации и их задача была ездить по лагерям сомалийских беженцев на востоке Кении, взвешивать их младенцев и детей и тем самым определять, насколько сильно они отстают в своем развитии из-за непрерывного голода. Жак находился в Кении два года и до этого около года работал санитаром в разрушенной войной и алчными политиками алмазной Сьера-Леоне. Две ночи неподалеку стояла палатка одного высокого и худого шведа, который несколько лет работал по заданию своего правительства в соседней Танзании и обслуживал там электрогенератор. Теперь его контракт закончился, он купил подержанный вездеход, доехал на нём сперва на юг до Кейптауна, благополучно вернулся обратно и вот сейчас хотел пересечь континент на север и приехать на автомобиле в Швецию. В Африке ему необходимо было доехать до одного из портовых городов Египта и затем на пароме перебраться в южную Европу, но на пути лежал раздираемый гражданской войной Судан и швед все колебался, сможет ли он пересечь его без препятствий. Однажды на въезде в посёлок остановился большой грузовик для сафари, который привез 14 человек европейских и американских туристов. Белые, хорошо одетые и оттого немного неуместные люди расселись с книгами в складных шезлонгах в то время как двое чернокожих установили для них семь одинаковых двухместных палаток, а третий чернокожий готовил на складной печке роскошный ужин. За все время своих путешествий по Восточной Африке я только один раз видел чернокожих людей в роли туристов - это была молодая пара из Найроби, справлявшая свой медовый месяц в одном из отдаленных приютов на хребте Абердаре.

Здесь же, в лесу Какамега, у меня родился план нового путешествия по Восточной Африке. Неподалеку от моей палатки на небольшой отдельной площадке стояла беседка и несколько палаток естественно-исторической германской экспедиции. Немцы проводили здесь двухлетние исследования разных сторон жизни тропического леса и время от времени приезжали сюда большими группами. Я застал их лагерь полупустым, когда в нём было трое молодых женщин. Виола занималась стрекозами, Барбара исследовала закономерности разноса птицами семян деревьев, и Луиза собирала метеорологические

данные. Из них Виола больше всех провела времени в Кении и Танзании, и от неё я впервые узнал о существовании так называемых гор восточно-африканской дуги. Это цепь из сравнительно невысоких и изолированных гор высотой до двух километров, которые тянутся от Кении через всю Танзанию параллельно берегу Индийского Океана. Это остатки очень старого горного массива с приблизительным возрастом около ста миллионов лет. Горы эти задерживают влажные потоки воздуха с Индийского океана, там выпадают обильные осадки и растут изолированные массивы тропического леса. Из-за своей старости и изолированного положения горы восточно-африканской дуги имеют исключительно своеобразную и во многом эндемичную фауну животных, включая полдюжины видов птиц и наверняка многие виды беспозвоночных. Наиболее крупные участки изолированных лесов сохранились в массивах Узамбара, Улугуру и Удзунгва на северо-востоке Танзании. Виола не сомневалась, что я смогу найти в этих лесах многие новые и неизвестные науке виды и роды мелких жуков из лесной подстилки. Её сведения пришлись мне очень кстати, ибо через год я намеревался совершить новое Большое Жучиное Путешествие в Европу и Северную Африку, вновь остановиться в Найроби и посетить интересные горные леса в Восточной Африке. Я подумал, что было бы здорово сфокусировать свою следующую поездку на таких интересных горах восточно-африканской дуги, и по возвращении в Преторию я решил начать собирать информацию для своей новой экспедиции.

Глава 22

Гора Кения, вторая после Килиманджаро вершина Африки высотой 5195 метров, была третьей и заключительной целью моей экспедиции. Гора эта располагалась практически в центре страны всего в паре часов быстрой - а другой в этой стране и не бывает - езды на матату из Найроби прямо на север. Я не успевал за один день из леса Какамега добраться до горы Кении, и потому остановился на ночь в Найроби в доме гостеприимного Джимми. Дорога от города Какамега заняла на полуразрушенном автобусе компании "Элдорет Экспресс" долгих девять часов, наполненных нестерпимой тряской, запахами кисломолочной отрыжки и прелой кожи. В переполненном автобусе некоторые пассажиры жевали что-то похожее на азиатский насвой и сплевывали в окна или пластиковые кульки.

Недалеко от меня на коленях у матери сидела девочка лет трёх; в обоих ушах у неё было воткнуто по полдюжины английских булавок. В одном посёлке на крышу автобуса за несколько минут нагрузили не меньше двух тонн гроздей зеленых бананов для продажи в столице. Последние два часа я стоял в проходе, чтобы размять затекшие от узкого сиденья ноги. Поездка показалась мне особенно долгой, потому что за девять часов водитель не сделал ни одной остановки для туалета, и пассажиры должны были делать это около автобуса во время погрузки бананов прямо в центре деревни. На всем пути до столицы я был единственным мзунгу и посчитал такой туалет для себя невозможным. В Найроби в этот день не работали светофоры, и автобус безнадежно застрял в огромной пробке в центре города. Я попросил водителя выпустить меня во время одной из вынужденных остановок и на такси доехал до дома Джимми.

Подобно Эльгону и Килиманжаро, гора Кения есть геологически сравнительно молодой потухший вулкан, который стоит отдельно посреди равнины и не является частью горной цепи, как, например, хребты Абердаре или Рувензори. У всех подобных гор сравнительно широкое основание, переходящее в покрытые густым лесом пологие склоны, завершающиеся в центре альпийской вершиной. Сверху все эти горы имеют очертания, близкие к кругу, и на гору Кения подъем можно совершать по любой из примерно восьми троп со всех сторон горы. Из них самый лёгкий и оттого самый популярный среди туристов проходит по западному склону от небольшой деревни Нара-Мору на трассе Найроби - Наньюки и примерно через 12 километров умеренный подъем приводит к воротам и штаб-квартире национального парка у нижней границы лесного пояса. Как всюду в Восточной Африке, поселения людей начинаются сразу за оградой парка, и весь мой путь от Нара-Мору до ворот проходил сквозь одну непрерывную деревню и возделываемые участки земли. Несколько десятилетий назад большая часть этих земель была покрыта лесом, однако, их сумели уничтожить ещё до создания парка, и у правительства уже не было возможности забрать у людей однажды занятую землю.

Большую часть пути от Нара-Мору до входа в парк я проделал пешком с двумя рюкзаками сзади и спереди под непрерывным, однако слабым, дождем. Дорога была без твердого покрытия, и я скользил, а иногда падал в жидкую грязь. Склон был пологий, густонаселенный, тучи висели низко, и сквозь них я не видел спереди очертания горы, по

которой шел. Я с улыбкой думал, а правда ли, что всего в нескольких километрах впереди за тучами спрятан дождевой лес, а за ним и снежные скальные вершины знаменитой горы. Наконец дома по бокам дороги начали редеть, деревья попадаться все чаще, сквозь туман слева показался небольшой ангар и короткая травяная взлетная полоса для Цесны. Ещё через несколько минут также в тумане я увидел деревянные ворота парка с изображением носорога.

Начало моей работы на горе Кения было не самым удачным. Вечером по прибытию я поставил свою палатку на травяной поляне под огромным лиственным деревом у самой кромки леса, приготовил стандартный ужин из порошкообразного пюре с чаем и лег спать. Высота моей стоянки была 2400 метров. Наутро я планировал продолжать двигаться по единственной дороге через лес вверх до метеостанции на высоте 3080 метров и уже через пару дней подняться в зону альпика, переночевать в лагере Мак-Киндера на высоте 4300 метров, взойти на пик Ленана и спуститься с горы по её восточному склону, выполнив полный траверз. Планам этим, однако, не суждено было сбыться. Моя первая ночь в палатке была неожиданно холодной и по халатности я забыл правильно застегнуть капюшон спальника. Во сне я повернулся на бок, сполз со своей теплоизоляционной подстилки и проспал большую часть ночи ухом прямо на холодной и мокрой земле. Понял я это только под утро, вместе с ощущением простуды и болью в правом ухе. Тем не менее, я всё также принял холодный душ, позавтракал и пошёл по дороге вверх, однако, после четверти часа ухо стало болеть нестерпимо, и я вернулся к своей палатке. Мне необходимо было увидеть врача. Ренджер на воротах парка сказал, что хорошая клиника есть в Наньюки, однако, до неё было необходимо добираться полдня. Другая клиника попроще, была в Нара-Мору, но по причине субботнего дня она была закрыта. Я вспомнил, что видел какое-то строение с рукописной вывеской "Здоровье" на полпути с горы вниз и решил отправиться туда в надежде привести себя в порядок. Болеть на горе Кении я решительно не хотел.

Клиника оказалась наполовину фанерным и наполовину картонным сооружением размером три на два метра, втиснутым между пустой мясной лавкой и овечьим сараем. Внутри она состояла из трёх секций: комнаты ожидания с ящиками вместо стульев, приемной и узкой комнатой, где спит "врач" Симон Моле, 25-и лет, закончивший среднюю

школу и проучившийся затем медицине ещё три года. Он одел грязноватый белый халат и приступил к осмотру. Сперва он измерил мне температуру, затем довольно внимательно выслушал мой рассказ. Электричества в районе не было, однако Симон достал старый помятый фонарик, посветил им мне в ухо, и мы вместе сошлись на том, что у меня отит. Он сделал мне болезненную инъекцию пенициллина в правую кисть, прописал таблетки и капли в ухо и снабдил меня всеми этими лекарствами. Я чувствовал себя паршиво, и около часа отдыхал в его личной комнате на кровати. Окон там не было, а стены были сделаны из деревянного каркаса, обшитого картоном из-под лекарственных средств; чаще всего попадались ящики из-под панадола.

Полками служили обструганные поверхности поперечных балок конструкции. Свет в комнату проникал через дырки от прежних гвоздей в листе шифера на крыше, в воздухе висел запах вареной коровьей требухи. Симон дал мне стакан молока, и я пошёл обратно, зажимая ладонью больное ухо. На полдороге меня застал сильный дождь, я надел накидку, и все равно дошёл до палатки прилично мокрый и холодный. В палатке я переоделся, поел горячего и отдыхал несколько часов. К вечеру дождь прекратился, я почувствовал себя лучше и развесил сушиться мокрую одежду. Спать я лег в шапке и позаботился о том, чтобы держать ухо в тепле.

С больным ухом я должен был отказаться от своего плана траверза горы с запада на восток и от восхождения на вершину. Мне не следовало делать неизбежные при траверзе большие физические нагрузки, находиться на холодной заснеженной вершине и, что немаловажно, подниматься в область низкого давления. Остаток времени на горе Кения я провел в заботах о воспаленном ухе и в дневных радиальных экскурсиях. На следующий день я почувствовал себя настолько хорошо, что пешком прошёл десять километров вверх до метеостанции и оказался там вовремя, чтобы переждать сильнейший ливень, во время которого выпало - я это проверил там же, на метеостанции - 40 мм осадков, что есть месячная норма для Претории. Дождь с градом с такой силой колотил по крыше, что в маленькой комнате было совершенно невозможно разговаривать. Служащий этой станции был престарелый чернокожий из народности Кикую по имени Франциск и он молча напоил меня горячим сладким чаем с молоком, а вечером я отправился в обратный путь.

На следующее утро я решил оставить свою палатку и на три ночи перебраться на метеостанцию, где имелось место для ночевки и откуда я мог бы совершить однодневный выход в альпийскую зону гигантских лобелий за интересными жуками. Я сложил в рюкзак еду и спальный мешок, предупредил о своем уходе рейнджеров, застегнул палатку и пошел по дороге вверх. На полпути я наткнулся на стадо африканских буйволов из примерно 20 животных. Дорога шла по гребню небольшого хребта сквозь плотные заросли бамбука высотой метров восемь и с обеих сторон от дороги до стены бамбука оставалось по несколько метров заросшей травой просеки. Животные лениво паслись и грелись на солнце по обеим сторонам от дороги. Я приблизился метров на 50 и стал громко по-русски предлагать им убраться с пути. Все стадо прервало свою деятельность и уставилось на меня, однако уходить не собиралось. Минут через десять все животные перешли на одну сторону от дороги и больше половины их скрылись в бамбуке, однако, несколько из них высунуло головы из зарослей и продолжало разглядывать меня, а двое так и остались стоять между бамбуком и дорогой. Я попробовал неспеша пройти по противоположной стороне просеки, однако делал это неохотно, ибо в самом узком месте между мной и буйволом оставалось лишь семь-восемь метров пустого воздуха. Как назло, поблизости не было ни одного дерева на случай поспешного отступления, а сквозь бамбук эти мощные животные передвигаются со скоростью пули в масле. Я медленно приблизился метров на 20, когда одна самка зафыркала, затрясла головой и сделала несколько шагов в мою сторону. Этого было достаточно, чтобы я уселся в мокрую траву и приготовился ждать. Минут через десять буйволы улеглись, и было очевидно, что наше рандеву затягивается. В конце концов я сделал большую обходную петлю по крутому бамбуковому склону и через некоторое время вышел обратно на дорогу, но уже позади этих животных. На африканском континенте из млекопитающих буйволы ответственны за самое большое количество человеческих смертей, кроме, разумеется, самого человека, который в этом отношении обогнал даже малярию и СПИД вместе взятые.

Оставшиеся до возвращения в Найроби дни на метеостанции я провел в экскурсиях по окрестностям и сбору жуков. Один день я употребил на подъем до лагеря Мак-Киндера на высоте 4300, откуда открывался прекрасный вид, и на недалекую скальную вершину горы Кения, а также на лежащий несколькими десятками километров западнее почти такой же высокий хребет Абердаре. Я вновь сделал обильные сборы интересных жуков с лобелий и

сенецио и был этим очень доволен. Лагерь Мак-Киндера есть небольшой дом из булыжников с большими темными комнатами и нарами для больших туристских групп, которым нужен ночлег перед подъемом на вершину горы. В доме постоянно находятся два чернокожих сторожа, и, кроме них, я застал там двух туристов из Германии. По недоразумению они купили несколько литров дизельного топлива для своего бензинового примуса, из-за этого не могли заставить его работать и оттого несколько суток не ели горячей пищи. Они возились со своим примусом, стараясь приспособить его под необычное горючее, и в конце концов им это удалось. Один из них был по профессии климатологом, и от него я узнал, что все три снежные вершины Африки - гора Кения, гора Килиманджаро и хребет Рувензори продолжают год за годом терять свой снежный покров и лет через двадцать снег ожидается исчезнуть полностью на горе Кения.

Заключительную ночь на горе Кения я снова провел в своей палатке недалеко от входа в парк. Пока я спускался к ней по дороге с метеостанции, меня не покидала мысль, что до сих пор среди собранных веерокрылых жуков ещё нет тех самых насекомых, которых так страстно желал получить Филл Кей. Причиной было то, что до сегодняшнего дня я ещё не видел подходящих древесных грибов-трутовиков, на которых водятся эти жуки. Я полагал, что в своем желании собрать жуков в альпийской зоне горы я поднялся слишком высоко и нужные мне грибы, скорее всего, должны расти ниже. И действительно, за пару километров до своей палатки на упавшей ветке я увидел желаемые грибы, однако, они были слишком молодые и их споры ещё не созрели.

Я поспешил скорее в лагерь, чтобы оставить там вещи и как следует поискать веерокрылок до темноты, поскольку утром попутная машина с детьми сотрудников парка повезет их в школу очень рано, и у меня не будет времени для сборов жуков. Мои единственные часы остановились, и из-за плотной облачности мне казалось, что солнце вот-вот сядет, и нужно спешить. Времени возвращаться к месту, где я увидел трутовиков и искать новые у меня уже не было, и тогда я стал спускаться по лесному склону сразу позади моей палатки. Там лежало несколько упавших деревьев, и я стал одно за другим обследовать их в поисках веерокрылок.

Склон был крутой, полный скользких звериных троп, и я несколько раз падал в своих сравнительно чистых брюках, приготовленных для возвращения в Найроби и затем для полета в Лондон. Другие брюки, в которых я ходил во время экспедиции, я собирался выбросить ещё на метеостанции, ибо они загрязнились снизу совершенно, однако смотритель, поивший меня чаем, сказал, что они ему ещё пригодятся. Наконец я нашёл огромный ствол метров двадцать длиной и на его нижней поверхности около самой земли росло несколько нужных мне грибов, с которых я успел за несколько минут собрать три десятка нанозелин и ещё два вида из другого рода веерокрылых жуков. Стремительно темнело, и я поспешил к палатке, опасаясь оказаться в лесу темной ночью. На поляну я вылез уже в глубоких сумерках, забрался в палатку и уснул с большим удовлетворением от прожитого дня и всей своей первой восточно-африканской экспедиции.

Через два дня во время восьмичасового перелета из аэропорта Джомо Кениата в пригороде Найроби в Лондон я роскошно полулежал у окна в пустом ряду из трёх кресел, рассеянно читал путеводитель по горам Восточной Африки и размышлял над результатами прошедшего месяца. Из них главным был тот, что я смог самостоятельно и на очень скромном бюджете пропутешествовать по лесам и горам Кении в течение месяца, сделать все свои переезды по плану и не заболеть. В Найроби с подружкой Джимми мы сходили в госпиталь и там после нескольких тестов и анализов за приличный гонорар квалифицированный врач в стерильном халате сказал о моем ухе то же самое, что и мой друг Симон с помятым фонариком в своей картонной хижине. С горы Кения я вернулся совсем разбитый и предположил, что подхватил малярию. Там же в госпитале я сделал тест на малярийный плазмодий, и таковой в моей крови обнаружен не был. Правда, оставался инкубационный период, и мне ещё месяц предстояло пить мефлиум, однако, скорее всего, только для профилактики. За время моего отсутствия Джимми успел съездить к себе на родину и похоронить брата, умершего от малярии.

Вторым важным делом было осуществление моей давней мечты посетить знаменитую гору Эльгон и, кроме того, своими глазами посмотреть на Кению. Причина такого интереса в том, что строго говоря ЮАР совсем не "типичная" африканская страна, и чтобы увидеть настоящую чёрную Африку, необходимо было выехать за пределы этой страны. В Кении я наблюдал резкий контраст между уровнем жизни в деревнях или в трущобах на

окраинах Найроби с одной стороны и немногочисленной и очень богатой государственной элитой. Ками, мой рейнджер на горе Эльгон, объяснил мне, что самый верный путь к личному обогащению и процветанию лежит через политическую деятельность, и именно из-за желания быть избранными нечистоплотные политики активно играют на национальных чувствах представителей разных народностей, что приводит к вооруженным столкновениям. Мысль об этом напомнило мне ещё и то, что Найроби есть один из самых криминальных городов мира, где многих туристов грабят на улицах, отчего столицу Кении зовут "Найроббери", что по-английски значит "Най-ограбление". Я счастливо избежал подобного, и это тоже была причина быть довольным.

Финансово моя месячная экспедиция оказалась очень экономной, и после всех подсчетов стало ясно, что за месяц в Кении я истратил меньше, чем на мои обычные расходы за тот же период дома в Претории. Я был очень благодарен Джимми за разрешение гостить в его доме в Найроби, держать там часть ненужных мне в горах вещей и тем самым избежать сомнительного сервиса столичных гостиниц. Путешествие с рюкзаком на общественном транспорте стоило дешево. Кроме того, в горах я готовил себе сам, спал в палатках и, благодаря любезности Природоохранной Службы Кении, был бесплатно допущен в национальные парки. И, немаловажно, моя месячная задержка в стране была лишь остановкой на пути в Европу и затем в Северную Америку, и оттого перелет из Йоханнесбурга в Найроби не стоил мне по сути ничего.

И ещё одна немаловажная причина быть довольным поездкой заключалась в том, что я уже имел в голове план следующего Большого Жучиногo Путешествия через год. Я вновь найду себе формальную причину лететь из Южной Африки в Европу и Северную Америку, по пути вновь остановлюсь в Найроби и стану исследовать горы восточно-африканской дуги Танзании, про которые мне говорила Виола. От них я ожидал много интересных находок и рассчитывал провести там месяц. В моем путеводителе по горам Восточной Африки было несколько разделов о горах Узамбара, и на фотографиях лес выглядел замечательно. Я подумал, что в Лондоне мне нужно будет запастись хорошей картой Танзании для этой экспедиции. Возможно, также удастся посетить и Занзибар. Если это получится, то тогда будут все основания считать мой африканский постдок удавшимся на все сто процентов.

Глава 23

Три с половиной месяца длилось моё первое Большое Жучиное Путешествие. После месяца в Кении я отправился на неделю в Лондон поработать с коллекциями личинок жуков Британского Музея Естественной Истории на Кромвель-роад и выбрать среди них личинок пластинчатоусых жуков для своего африканского постдока. Кроме того, я просмотрел спиртовую коллекцию музея и попросил прислать мне ещё несколько личинок жуков, которых мне было необходимо изучать для своих личных проектов по выходным. Вечера я проводил в огромном четырёхэтажном книжном магазине на Пикадилли, где час за часом просиживал в отделе "Путешествие", просматривая путеводители по разным экзотическим странам и особенно Танзании, куда я планировал поехать на следующий год в новое путешествие за жуками с гор восточно-африканской дуги.

Из Великобритании я направился в Северную Америку и полтора месяца переезжал из одного энтомологического музея в другой. В Музее Естественной истории Смитсоновского Института я разыскал много интересных личинок жуков и забрал их с собой в Преторию на изучение. Рождество я встретил в Оттаве в гостях у моего друга Брюса Мунро, того самого, кто несколько лет назад посоветовал мне отправиться к Клайду. Брюс работал в канадской карантинной инспекции и охранял страну от ввозимых с товаром насекомых, а в свободное время ухаживал за своей коллекцией гоночных автомобилей и собирал жуков. Дома у Брюса стояло три холодильника и скоро он собирался покупать четвертый. Брюс объяснил, что год за годом он привозит из экспедиций по Южной Америке сотни интересных жуков, однако его официальная служба почти не оставляет времени жуков этих наколоть на булавки и изучить, поэтому для хранения материалов он вынужден запихивать их в холодильник. Брюс недавно развелся и женился вторично. Со своей новой женой он только что вернулся из двухмесячной экспедиции по Гватемале и Белизу.

- Понимаешь, как получилось, - говорил мне Брюс. - это была моя вторая поездка в Уганду. Я тогда отлично собрал, приехал на пароме в Танзанию и затем на поезде до Дар-

ес-Салама. Поезд по дороге сломался, и мы трое суток жили посреди саванны, пока его починили. А когда я вернулся домой, оказалось, что Линда ушла. Она написала в записке, что ей надоело жить среди этих отвратительных тараканов - это жуков назвать тараканами! - и конкурировать с машинами за моё внимание. Тогда у меня было только два холодильника. Ну ладно, что тут поделаешь. А с Юлией у нас все по-другому. Мы теперь ездим вместе, ей это нравится, и пока я собираю жуков, она ныряет в океане. В Белизе ей очень понравилось. Нет, что ни говори, все, что делается, это всегда к лучшему.

Брюс Мунро очень интересовался Африкой. У него в кабинете на стене висели разные интересные фотографии. И там среди фотографий Че Гевары и Генри Бейтса была вырезка из газеты с групповым снимком президентов африканских стран на каком-то их собрании. Фотография была десятилетней давности, и Брюс показал мне клептомана Мабуту из Кении и людоеда Бокассу, президента Центральноафриканской Республики. Брюс знал в лицо большинство из них и мало кто был им упоминаем в терминах иных, чем "палач" и "диктатор". Дома у Брюса была приличная библиотека, и среди прочих я там впервые увидел, а затем прочитал трагические записки Че Гевары о его неудачной военной экспедиции с сотней кубинских добровольцев через озеро Танганика в Восточное Конго 1964-65 годов и его борьбе с белыми наемниками правительства Мобуту. Рядом стояла книга "Мерсенарий" Мишеля Хорае; этот человек руководил наемниками в Кению и рассказывал об их борьбе с партизанами и кубинцами. На Рождество Брюс и Юлия подарили мне прямоугольный пакет в яркой обертке, который оказался новой книгой Фарли Моуэта "Вирунга". Брюс очень трепетно относился к этой уникальной горной цепи в центре Африки и все мечтал поехать туда в экспедицию.

- Вот это тебе, - сказал он, протягивая мне пакет. - Ты знаешь, что это, пожалуй, одна из самых интересных горных областей в мире. Это отличный рассказ о бедной Фоссей и её горных гориллах. Ты конечно знаешь, что её там убили. Моуэт изучил дневники Фоссей и, по-моему, написал по-настоящему удачную книжку. Мы дарим её тебе и надеемся, что рано или поздно в районе африканских великих озер наступит наконец мир и мы сможем поехать туда вместе в экспедицию. Если, конечно, раньше все остатки леса там не вырубят под плантации перетрума.

Наконец наступило время возвращаться обратно в Южную Африку. В аэропорту Йоханнесбурга меня встретил Джон, усадил в машину и по дороге в Преторию рассказал мне все новости за прошедшие три месяца. В гараж снова залезли воришки и разбили у него в машине заднее стекло. Лендровер Марка снова сломался и теперь-то, возможно, Марк наконец-то его продаст. "Или выбросит к чётовой матери" - добавил Джон, "много за эту кучу металлолома всё равно не дадут." Линн снова уехала в Зимбабве, отдала Марку двух своих ручных морских свинок, а они сбежали из загородка и подыели все кусты помидоров, которые Боб заботливо высадил у нас в саду. Нашу статью про Сцелиагес приняли наконец в печать, и Клайд заплатил художнику, чтобы сделать цветной рисунок нового вида для этой статьи. Джон надеялся, что этот рисунок журнал возьмет, чтобы украсить им свою обложку.

- А, вот ещё что, - вспомнил Джон. - Клайд решил уйти с заведования кафедрой. Недели две назад он разослал всем сообщение, что дело это уже решенное, что он сказал об этом ректору и что выборы нового заведующего будут в конце года. Скорее всего это будет один из наших профессоров, скорее всего Андро Макколи или Вильям. Правильно, конечно. А то пока он заведующий, ему нет ни времени, ни желания заниматься своими студентами, правда ведь?

За время жизни в ЮАР Джон набрал две полные коробки наколотых на булавки ярких и красивых жуков. Я не раз говорил ему, что жук тем интереснее, чем он мельче и несколько раз показывал ему миллиметровых веерокрылок как образец. Джона, однако, это не убеждало, и он попросил меня привезти ему из Кении каких-нибудь жуков для пополнения его коллекции. Просьбу эту я выполнил и уже в своем кабинете распаковал рюкзак и вручил четыре экземпляра навозников из рода Проагодерус. Жуки были сравнительно небольшие, около полутора сантиметров в длину, однако, самец Проагодеруса украшен на голове двумя изящными и направленными назад отростками, которые достигают заднего конца тела жука. Этих насекомых я собрал в навозе бабуинов в лесу Какамега и взял с собой специально, чтобы доставить удовольствие Джону. Судя по его реакции, это мне удалось.

Отправляясь три месяца назад в своё Большое Жучиное Путешествие, я полагал, что спокойная жизнь заканчивается и начинаются горячие дни непрерывных переездов и переходов. Это было заблуждение, и я убедился в этом сразу по возвращении в Преторию. На своем рабочем месте я нашёл толстую пачку накопившейся корреспонденции, включая рукопись моей статьи с пометками редакторов, статьи других авторов, присланные мне на рецензии, письма от своих родных и несколько посылок с личинками жуков из разных музеев. Мне следовало как можно скорее разобраться с этим грузом и затем приступить к работе с личинками пластинчатоусых, ибо время шло, и два года контракта истекали через девять месяцев. Клайд отпустил меня в поездку с условием, что вся официальная работа будет сделана вовремя и хорошего качества, поэтому мне не терпелось поскорее приступить к работе. А кроме того, срочно следовало послать отчеты об экспедиции моим грантодателям в ЮАР и Канаде и отчитаться о потраченных суммах. Я отвел на все организационные дела неделю и сразу по приезду в Преторию стал ликвидировать образовавшийся в делах застой.

Самой трудоемкой была обработка научных результатов моей поездки, иными словами, просмотр и сортировка многочисленных жуков. После четырёх недель интенсивных сборов в горах Кении я привез в Преторию несколько тысяч экземпляров насекомых и, разумеется, не было никакой надежды и возможности мне их всех самому обработать. Мне предстояла другая задача: рассортировать всех многочисленных жуков по группам для рассылки тем или иным специалистам, которым мои материалы будут интересны. Я составил список из дюжины своих знакомых жуковедов и принялся за работу.

Одними из первых в моих пробах стали попадаться характерные шарики свернувшихся жуков Цератокантид, и я послал их своему другу Алессандро Фоссато. Через месяц от него пришло восторженное письмо, в котором он сообщал, что были собраны представители семи видов этого семейства и из них только два были известны прежде, а остальные пять были новыми для науки. Среди них было несколько экземпляров самого маленького представителя семейства. Алессандро любезно намеревался назвать этот вид моим именем и спрашивал на это разрешение, которое я, разумеется, ему с удовольствием дал. Алессандро очень воодушевился, узнав о моих планах поехать на горы восточно-африканской дуги и предрекал экспедиции этой успех и многие новые виды его любимых

Цератокантид. Последующие события показали, что в расчетах своих Алессандро был совершенно прав.

Более всего в привезенных материалах было жуков веерокрылок. Их количество приближалось к тысячи экземпляров, однако будучи микроскопически маленькими, их суммарный объем был едва больше объема спичечной головки. С особой тщательностью я просматривал под большим увеличительным стеклом свои пробирки с этими жуками и все больше понимал моего друга Филла в его увлечении этим семейством. Жуки эти на самом деле были феноменально разнообразны и под микроскопом я видел их всё новые и новые формы. Я как мог рассортировал их по видам, положил в маленькие плотные пробирки и послал в Техас. Через некоторое время Филл сообщил, что из сорока собранных видов он обнаружил представителей четырёх совершенно новых родов, что было отличным результатом. Я попросил Филла вернуть мне затем по несколько экземпляров разных видов с определительными этикетками, изготовил из них постоянные микроскопические препараты для своей коллекции и с тех пор стал считать веерокрылых жуков одним из самых интересных жуков среди всего отряда.

Вторыми по численности после веерокрылок в моих сборах были жуки-долгоносики. Это семейство, наравне со стафилидами включает около 50 тысяч видов и считается одним из самых больших среди всех жуков. Все долгоносики фитофаги и хищников среди них нет. Большая часть видов в стадии взрослого жука встречается на зеленых растениях, и в моих сборах было немало интересных долгоносиков с гигантских сенечий и лобелий вершин гор Эльгона и Кения. Однако наибольший интерес представляли многочисленные виды долгоносиков, которых я собрал в лесной подстилке. Жуков этих было несколько сот экземпляров по меньшей мере двух десятков видов и некоторые из них были очень причудливые и приспособленные жить в теплой влажной лесной подстилке. Я рассортировал их по местам сборов, снабдил подробной этикеткой и послал своему коллеге Грегу Ричардсону в Оттаву, который много лет изучает подстилочных долгоносиков Латинской Америки и остро нуждался в небольшой справочной коллекции по этим жукам из Центральной Африки.

Очень интересными и разнообразными были в моих сборах жуки-ощупники из подсемейства Пселафиды. Это сравнительно небольшие насекомые от одного до двух миллиметров длиной, со сросшимися по шву надкрыльями и сильно удлинненными щупиками на голове, отчего они получили своё название. Жуков этих в мировой фауне насчитывается больше десяти тысяч видов и каждый год ещё несколько десятков описывается впервые для науки. По всему миру человек двадцать энтомологов профессионально занимаются этой замечательной группой. Свой материал я отослал в Словакию, своему другу Владу Слободе. По профессии Влад лингвист и говорит на полудюжине языков, среди них и на русском, однако по своей специальности работать ему пришлось мало и средства для жизни он зарабатывает, управляя фабрикой по выращиванию шампиньонов. Подобно Алессандро, Влад в свободное время занимается энтомологией и вот уже лет десять изучает жуков-ощупников Юго-восточной Азии и Австралии. Влад однажды говорил мне, что к пятидесяти годам он хочет заработать достаточно средств на жизнь, уйти из грибного бизнеса и полностью посвятить несколько десятков лет жизни любимым жукам в объеме мировой фауны. У Влада был большой пробел с ощупниками из Африки и материалы моей коллекции отчасти его восполнили.

Около месяца я посвящал выходные дни разбору и сортировке материалов своей кенийской экспедиции и после долгих часов сидений у бинокля закончил, наконец, разбирать свою последнюю полевую пробу. Я полагал очень важным, как можно скорее покончить с этой работой и сделать свои сборы доступными для изучения коллегам. В общей сложности я разослал жуков по тринадцати адресам и от души надеялся, что мои посылки вызовут интерес и радость у получателей. Себе я оставил немного жужелиц и дубликаты некоторых массовых видов жуков-веерокрылок, которыми намеревался заниматься самостоятельно и, кто знает, может быть со временем работа по этим жукам станет моим основным направлением в энтомологии. Возможность этого была отнюдь не исключена.

Я был настолько удовлетворен и воодушевлен результатами своей экспедиции, что решил написать небольшую статью в австрийский жучий журнал "Жучий Обзор" с описанием удобства, интереса и доступности Кении как места для энтомологических исследований. Статья называлась "Сбор жуков в Кении", и на четырёх страницах я

рассказывал о процедуре получения разрешения на сбор и вывоз жуков из страны, удобстве и дешевизне работы в национальных парках, описывал места своих находок и в заключении коротко рассказал об объеме и состоянии жучиной коллекции в Национальном музее в Найроби. Статья эта вышла через шесть месяцев и вслед за этим, к моей радости, я получил несколько десятков писем от людей, которые её прочитали, собрались поехать в Кению и спрашивали моего совета по разным организационным вопросам. Такой интерес к Восточной Африке от неизвестных мне читателей статьи и от коллег, получивших на изучение моих жуков, убедил меня, что моя экспедиция в Кению была удачной. Во время сортировки жуков у себя в кабинете я пришёл к окончательному решению организовать новую поездку в регион и посетить горы восточно-африканской дуги в Танзании, о которых мне рассказала Виола, и о которых впоследствии я прочитал немало интересного. Я достал из книжного шкафа подробную карту Танзании, которую купил в магазине на Пикадилли и прикрепил к стене моего кабинета. С тех пор каждый день я пробегал по ней глазами, и моё намерение поехать в новое Большое Жучиное Путешествие от этого только усиливалось.

Глава 24

Три месяца в Большом Жучином Путешествии неизбежно привели к тому, что в моей лабораторной работе в Претории образовался приличный застой. Мне потребовалось несколько недель, чтобы достать из запертых шкафов свои бесчисленные банки с личинками пластинчатоусых, поглядеть на них в микроскоп и снова погрузиться в прерванную работу. То-же самое касалось и моих личных проектов выходного дня, которые я смог возобновить только через месяц после возвращения, ибо это время было занято сортировкой привезенных материалов, и поскольку это не было моей официальной работой, заниматься этим я мог только по выходным. Даже мои занятия спортом оказались прерванными, и я снова стал возвращаться в прежний график бега на стадион с той только разницей, что первые два раза я находил это слишком утомительным и поворачивал обратно с середины пути. Тем не менее прошло всего несколько недель, и течение моей жизни в Претории вернулось в свою прежнюю колею и стало во многом напоминать таковую до отъезда в Кению.

Среди пачки конвертов на моем рабочем столе было несколько рукописей моих статей, вернувшихся из редакций. Подобно углю, добытому шахтёром, научные статьи есть основной продукт научного работника. Есть и другие виды продукта, как то накопленная за долгие годы коллекция естественно-исторических объектов или чтение оригинальных лекций, однако, статьи есть безусловно главная форма отчета исследователя о своей работе. Ученый планирует исследование, делает его и по результатам пишется рукопись статьи, которая затем отсылается в редакцию одного из научных журналов. Практически в каждой стране существуют энтомологические общества и, как правило, они издают один или несколько журналов. Таким образом в мире есть много редакций, куда можно послать свою рукопись для опубликования. Получив рукопись, редактор читает ее, смотрит, насколько она подходит для журнала по тематике и качеству, и если на первый взгляд она его удовлетворит, то отсылает копии рукописи двум или трём рецензентам из числа специалистов по этой теме, как, например, личинки жуков. Рецензенты читают рукопись более внимательно, указывают на все ошибки, опечатки и прочее, а затем предлагают более общие советы, как, например, переделать анализ или сослаться на важные статьи, пропущенные автором. В заключении они ясно указывают редактору, что с этой рукописью следует, на их взгляд, сделать: принять к печати сразу или после внесения исправлений, либо отказать. Редактор изучает ответ рецензентов и принимает решение. Как правило, рукопись или отвергается, или условно принимается и возвращается автору на переделку. Имена рецензентов держатся от автора в тайне, ибо, как правило, это близкие коллеги и порой автор склонен слишком лично воспринимать их критику. Мне всегда было очень интересно получать рецензии на свои рукописи и по их стилю или даже формату бумаги пытаться отгадать имя рецензента. Как правило, я ошибался.

В идеале задача каждого автора написать качественную рукопись по интересной теме, которая будет интересна многим читателям и оттого редактор с радостью возьмет такую статью в печать. Например в 2001 году в Африке было обнаружено несколько видов насекомых, которые совершенно не могли быть отнесены ни к одному из известных отрядов, и оттого для них был описан новый отряд Мантофасматоидеа, группа, эквивалентная отрядам бабочек, жуков или стрекоз. Насекомые эти полтора-двух сантиметров в длину, напоминают одновременно палочника и кузнечика и известны из

Танзании, Намибии, Южной Африки и балтийского янтаря. Такое открытие всколыхнуло энтомологический мир и не удивительно, ибо предыдущий новый отряд Гриллоблатиды был описан в 1914 году. Статья с описанием Мантофасматоида будет, безусловно, интересна сотням энтомологов и редактор любого журнала будет рад заполучить эту рукопись от авторов для своего издания.

В реальности дел обстоит иначе. Новый отряд насекомых описывается сейчас раз во много лет и даже новое семейство среди примерно 170 семейств жуков открывается примерно раз в 10 лет. С другой стороны, по подсчетам специализированного английского каталога "Зоолоджикал Рекордз" только по жукам каждый год публикуется от трёх до пяти тысяч статей. Среди них немало хороших, однако, крайне специфичных работ, которые, возможно, будут прочитаны самим автором и ещё одним-двумя специалистами. Например, когда Алессандро опишет новых Цератокантид из Кении, это с интересом прочтет он, я, да ещё пара наших коллег. С другой стороны есть немало просто низкокачественных статей, авторы которых интересуются лишь увеличением списка своих публикаций и карьерным ростом, а отнюдь не научной проблемой. Наконец, есть просто хорошие работы по интересным вопросам энтомологии. Все эти разнообразные рукописи ложатся на редакторский стол и его задача со всеми ими разобраться.

Задача редактора - поднять престиж журнала, тираж и циркуляцию, и печатать в нём только качественные и интересные для многих читателей работы. Чем больше рукописей приходит редактору, тем больше у него возможности выбирать лучшие из них. И наоборот, чем престижнее журнал, тем большее число авторов отсылают туда свои работы в надежде быть принятыми. За год в журнале выходит в свет примерно одинаковое количество статей, предположим 30, и примерно такое же количество новых рукописей принимается в печать, а все остальные отвергаются. Чем выше престиж журнала, тем больше он получает рукописей, тем выше требования к их качеству и тем выше шанс, что посланная туда работа будет отвергнута редактором.

До приезда в Африку я наивно полагал, что совершенно неважно, в каком журнале появится моя статья. Главное - чтобы рисунки получились хорошего качества и издатель прислал побольше бесплатных копий для рассылки коллегам. Я полагал, что, поскольку

все журналы циркулируют достаточно свободно по миру, то всякий заинтересованный в моей работе без труда отыщет её в библиотеках. Как только я оказался в Претории, Клайд дал мне ясно понять, что его финансирование от университета напрямую зависит от престижа журнала, который измеряется тем самым "фактором влияния", про который говорил мне Джероми в самом начале моего постдокства. Считается, что в "хорошем" журнале все статьи по определению хорошие, в то время как статья в малоизвестном издании может быть среднего или низкого качества. Поэтому во время нахождения на постдоке статьи о всех моих официальных проектах в соавторстве с Клайдом должны быть подготовлены и опубликованы только в самых "солидных" журналах. Я вспомнил рассказ Джероми о его друге из Гарварда и про себя подумал, что вот откуда берутся эти немного смешные и странные правила научного социума.

Я немного критически воспринял пожелание Клайда о правилах выбора журнала для печати, однако, принял это к сведению и поступал соответственно. Авторы иногда сетуют, что редакторы подобных "солидных" журналов слишком привередливы в своем выборе и часто отвергают по-настоящему хорошие работы только оттого, что они посвящены слишком узкой или мало-популярной группе насекомых. Самым высоким фактором влияния в энтомологии обладает британский журнал "Аспекты Энтомологии", который печатался Лондонским Энтомологическим обществом. По настоянию Клайда я отправил туда нашу работу про личинок Дасциллид и уже через неделю оттуда пришёл короткий ответ. В нём главный редактор благодарил за исключительно высококачественную работу, однако, будучи обязанным печатать только статьи для большого круга читателей, он отказывался нашу работу не только печатать, но и направить рецензентам. Узнав об этом, Клайд весьма нелестно отозвался о редакторе, повелел изменить формат рукописи и отослать его в журнал с рейтингом номер два.

Научная этика запрещает отсылать одну и ту же рукопись одновременно в два и более издательств, поэтому сперва нужно получить отказ в одном месте и затем посылать рукопись во второе. Номером два был "Вопросы Европейской Энтомологии" с двумя соредакторами в Вене и Праге. Они любезно сообщили, что отправили рукопись на рецензии, и через пару месяцев я получил замечания рецензентов и любезное письмо редактора. Он тоже высоко отозвался о качестве статьи, однако, редакция, будучи

перегружена потоком рукописей для печати, была готова принимать лишь таковые, на которые оба рецензента дали самые положительные отзывы. Это означало отказ. Я показал ответ Клайду, он внимательно изучил один из двух самых критических отзывов, по стилю опознал своего коллегу из Голландии с которым поругался несколько лет назад, назвал его идиотом и сказал мне послать рукопись в третий журнал.

Я не думаю, что подобная практика была исключительной. За годы африканского постдока у меня сложилось впечатление, что большинство людей в академических структурах интересуются больше тем, сколько и где вышло статей, чем их содержанием. Ещё больше это относится к администрации университета, которая вводит рейтинг своих сотрудников по количеству статей только в "солидных" журналах. Постдоки тоже не избежали этого требования. Чтобы получить постоянную работу, всегда желательно иметь несколько статей в "Аспектах" или "Вопросах". Я помню, как радовался Боб, когда после долгих переговоров и исправлений одна из его статей про сверчковые свадьбы была принята в "Поведение животных". Он настолько гордился этим обстоятельством, что повесил письмо редактора на стену в своем кабинете и месяца два любовался им. Я никогда не забуду своего удивления, когда один молодой профессор в Претории хлопнул меня по плечу и радостно сказал:

- Да, неплохо я поработал в прошлом году, очень неплохо. У меня вышло двенадцать статей, из них две в "Анналах Королевского Общества" в Лондоне и ещё две в "Королевском Зоологическом журнале". Очень неплохо. Теперь у меня семьдесят пять публикаций. Но это не все. На этот год я планирую опубликовать шестнадцать статей, и к концу года надеюсь довести общий счет до девяноста, а там скоро и до ста. Вот так-то!

Через полтора месяца на кафедральной доске объявлений появилась фотография этого профессора, которому ректор вручал ежегодную премию университета Претории "За академические заслуги".

"А что плохого - спросит читатель, - в том, что ученый выпускает большое количество хороших статей в престижных журналах?" Вопрос этот непростой и его подробное обсуждение остается за рамками этой книги, однако, я отмечу несколько негативных

последствий. Политика администраций научных организаций поощрять большое количество статей в солидных журналах ведет к тому, что становится невыгодным писать монографии или большие статьи. Для администрации пять маленьких статей в пять раз лучше, чем одна большая, и оттого авторы вынуждены дробить свою работу подобно другу Джероми на "Минимальные Публикабельные Юниты". Кроме того, такая политика заставляет авторов получать результат как можно быстрее и оттого долговременные проекты оказываются преданными забвению. Затем выбор направления исследования часто определяется автором с учетом того, или исключительно тем, что сейчас есть самое модное и популярное направление в науке, ибо такая рукопись, скорее всего, будет принята в печать в солидном журнале. В результате многие непопулярные, однако интересные и требующие решения вопросы, остаются без внимания долгие годы. И, кроме того, такой подход учит студентов планировать работу и думать не в терминах научной проблемы, а в терминах "Минимальных Публикабельных Юнитов", которые можно сделать за самый короткий отрезок времени.

Однако всё это теория, а на практике я сам следовал академическим требованиям и отсылал рукописи своих статей в один "солидный" журнал за другим. Иногда их принимали, иногда возвращали, и я снова отсылал их, на этот раз в другой журнал. На все это уходило приличное количество времени, однако, рано или поздно все они оказывались принятыми, и оттого я считался продуктивным и оттого хорошим постдоком. Клайд явно ко мне благоволил, и месяца через два после моего возвращения из Большого Жучиногo Путешествия он попросил меня зайти к нему в кабинет. Надо сказать, что встречался я со своим начальником по вопросам работы приблизительно раз в несколько месяцев и почти всегда по моей инициативе, поэтому у меня были все основания полагать, что у Клайда действительно была для меня какая-то важная новость.

- Хай, Василий! - крикнул он, когда я переступил порог его кабинета. - Ну, как дела?

Я коротко рассказал Клайду о состоянии дел с личинками пластинчатоусых жуков и сказал, что весь материал из Лондона и Вашингтона уже прибыл и что, как и планировалось, я завершу все свои проекты до окончания моего постдока, то есть в оставшиеся семь месяцев.

- Хорошо, - сказал Клайд, - хорошо. Ну, а какие новости со статьей про Дасциллид?

Я ответил, что рукопись получена в редакции третьего по счету журнала и что они, скорее всего, отослали её на рецензию, что само по себе было уже хорошим знаком.

- Хорошо, - повторил Клайд, - очень хорошо. Итого, выходит, что за время здесь на постдоке ты напишешь шесть статей? Неплохо, очень неплохо.

Я поблагодарил своего работодателя.

- Я в общем пригласил тебя вот зачем. Как ты смотришь на то, если попытаться остаться тебе здесь ещё на некоторое время, скажем, на год?

Я ответил, что такая перспектива кажется мне вполне благоприятной, если, конечно, за это время я не найду себе где-нибудь постоянную работу.

- Разумеется, разумеется, - ответил Клайд. - Постоянная работа - дело серьезное. Просто тут через неделю наступает последний срок сдачи заявок на финансирование постдоков и, если ты хочешь, то мы можем попытаться попросить тебе продление.

Я спросил Клайда, под какой проект требуется это продление, ибо всю свою текущую работу я намерен закончить в срок и если мне нужно дополнительное время, то месяц-другой и никак не год. "Если, конечно, вы не позволите мне заниматься целиком моими проектами выходного дня". На это Клайд улыбнулся.

- Нет, ну это, пожалуй, не получится. Ты и так недавно разъезжал по своим делам целых три месяца. Дело, в общем, в следующем. Ты, наверное, знаешь, что Карл и Дуглас редактируют большую книгу о жуках?

Я кивнул. Одно немецкое издательство уже несколько лет назад начало выпускать многотомную серию о животных мира, и года через полтора-два должны были появиться в

печати три толстых тома о жуках. Написать разделы по всем семействам были приглашены соответствующие специалисты. И вся эта работа велась под руководством редакторов томов по жукам немца Дугласа Ленца и новозеландца Карла Бартена. Я уже давно раздумывал, как бы приобрести эти три тома для себя, ибо такого подробного обзора всего отряда под одной обложкой в печати ещё не появлялось. Однажды Клайд уже сказал мне, что редакторы года полтора назад попросили его написать раздел по всем пластинчатоусым жукам и что работу он начал, однако затем новостей на эту тему я не слышал.

- Дело, в общем, в следующем, - сказал Клайд. - Предполагалось, что я напишу о всех пластинчатоусых и время отсылки рукописи редакторам истекает через полгода. Я хотел бы, чтобы ты забрал то, что я успел сделать, написал часть про личинок, проверил всю библиографию и приготовил иллюстрации. В общем довел работу до конца..., там не так много осталось. Иллюстрации, конечно, нужны не оригинальные, их можно взять из моих старых статей и личиночные из твоих работ. Где надо, возьми рисунки из чужих статей, но тут нужно будет согласовывать с владельцами копирайта. За полгода, разумеется, сделать все это ты не успеешь, однако, я почти уверен, что и другие авторы к этому первому сроку не поспеют, и оттого у нас есть ещё минимум месяцев восемь. Одним словом, надо довести все главы о пластинчатоусых до конца и вот под это дело я и попрошу продлить тебе финансирование. Ты, разумеется, будешь вторым автором. Ну что, согласен?

Разумеется, я согласился. Ещё быстрее, чем Клайд рассказал, для чего он хочет оставить меня тут на третий год, я подумал о преимуществах такого плана. Конечно, будет неплохо написать эту главу и стать одним из соавторов этой толстой книги. Скорее всего, издатель выделит по одному бесплатному экземпляру каждому из них. Затем появится больше времени, чтобы осмыслить все детали анализа моего основного проекта по личинкам пластинчатоусых жуков и финальное качество работы должно от этого только выиграть. Затем можно будет поехать в новое Большое Жучиное Путешествие и посетить горы восточно-африканской дуги в Танзании и музеи в Европе и Северной Америке. Если мой постдок продлят, то можно будет ещё один год не думать о том, где искать новую работу и куда ехать. Дополнительный год означает новые выходные дни, во время которых я смогу заниматься интересующими меня личными проектами. Более того, мне вполне нравилась

жизнь в Претории и я с удовольствием проживу ещё год здесь. И кроме того, если я хорошо организую свою работу в Южной Африке, то смогу закончить её хотя бы за месяц до окончания постдока и время это до возвращения в Россию употребить на экспедицию либо на Мадагаскар, либо на Берег Слоновой Кости. Одним словом, план Клайда во всех отношениях был для меня просто идеальным.

- Отлично, - сказал Клайд, - сейчас тогда я пришлю тебе файл с моим текстом, и ты приступай к работе над главой. А ты приготовь мне прямо сейчас короткий отчет о проделанной работе и CV. Я сам напишу мотивационное письмо на имя ректора и попрошу оставить тебя на третий год. Имей в виду, неизвестно, что ещё из этого получится. Результаты будут известны месяца через два. Я думаю, все будет в порядке. Только давай, работай.

Глава 25

Прошло уже полтора года со дня моего приезда в Южную Африку и из этого времени больше года я жил в доме с Бобом, Марком и Джоном на Скуман-стрит. За это время я давно научился чувствовать себя в Претории как дома, и моя прежняя жизнь в северном полушарии стала постепенно казаться все более и более далёкой. Неделя проходила за неделей, по будням я много и увлеченно работал с личинками пластинчатоусых жуков, по выходным делал личные проекты, и вся эта работа приносила мне большое удовлетворение. По средам и субботам день начинался бегом на стадион, плаванием и занятием в тренажерном зале, и таким образом я компенсировал недостаток мышечной активности при сидячей работе. Свой очередной день рождения я собирался отметить полумарафонским забегом, к которому начал готовиться за два месяца и постепенно наращивал дистанцию. По воскресным утрам я ходил на "блошинный" рынок и просматривал корешки новых книг у знакомого букиниста и иногда покупал одну или две из них. Иногда случались вечеринки среди аспирантов и постдока в кафедры, и тогда человек пятнадцать-двадцать молодежи собирались в гостях друг у друга. Жарили мясо, пили вино и обсуждали достоинства и недостатки своих профессоров. Кто-нибудь возвращался к тому времени из поездки по соседним африканским странам и

рассказывал о них свежие новости. Одним словом, жизнь моя стала совсем ритмичной и такое её течение мне положительно нравилось.

После разговора с Клайдом я быстро передал ему необходимые документы и приготовился ждать ректорского решения по продлению моего постдока на третий год. Обычно администрация университета не очень охотно шла на это и предпочитала на эти средства пригласить нового человека, а не "продлевать старого". Тем не менее, я полагал, что Клайд сможет решить дело в мою пользу и стал потихоньку планировать свои дела до окончания своей работы в Африке.

Прежде всего я стал раздумывать о новой экспедиции в Восточную Африку и немало времени провел, разглядывая карту этого региона и особенно Танзании. На этот раз я планировал посетить горы восточно-африканской дуги и стал собирать всю доступную о них информацию. Из примерно десятка изолированных горных звеньев этой дуги только три: Улугуру, Узамбара и Удзунгва были одновременно одинаково крупными и доступными для путешествия без личного автомобиля. Из них горы Удзунгва входили в одноименный национальный парк. Я так и не смог связаться с природоохранным министерством Танзании, чтобы получить от него разрешение для работы в национальных парках страны подобно тому, как это случилось год назад в Кении. По этой причине я исключил горы Удзунгва из своих планов и решил сконцентрироваться на массивах Узамбара и Улугуру и провести в каждом из них по неделе интенсивных сборов.

Помимо горных лесов в Танзании, я намеревался посетить остров Занзибар, откуда в Восточную Африку проникало мусульманство, работоторговцы, а затем уже и европейские ученые вроде Бартона и Спека. Именно Занзибар был одним из двух африканских островов, на которые я планировал попасть в период своего постдока. Второй был Мадагаскар, однако, поездку туда пришлось отложить, а затем и вообще отменить. Однажды Боб окликнул меня из-за перегородки, которая разделяла наш кабинет на два угла. Он просматривал новости в Интернете, иногда вслух комментировал какое-нибудь событие и, судя по его голосу, дело на этот раз было серьезное.

- Черт, Вэз, похоже, на Мадагаскаре гражданская война! - сказал он Боб всего год назад побывал на острове и теперь внимательно следил за событиями там. Когда я спросил, в чем там дело, Боб продолжил: - Ратсирака проиграл выборы Рамаломанане и отказался отдавать власть. Рамаломанана был мэром Антананариву и его сторонники заняли город, а Ратсирака убежал, и его поддерживают в провинции. Он перекрыл единственную дорогу от порта к столице и теперь там нечего есть. Повсюду стычки и есть убитые с обеих сторон. Не знаю, кто такой Рамаломанана, но Ратсирака был отъявленным негодяем и это при нём Мадагаскар стал одной из самых бедных стран. Кроме того, он потомок африканской части жителей Мадагаскара, а Рамаломанана - полинезийской. Ладно, посмотрим, чем этот конфликт закончится. Только бы поскорее, а то там истребят последний лес и всех лемуров!

Шли месяцы. Конфликт на Мадагаскаре затянулся и наконец поступило сообщение, что Ратсирака вербует белых наемников в Южной Африке и Франции, и что в Дар-ес-Саламе был перехвачен самолет с мерцинарными из Франции. Однако после полугода противостояния Франция, основной донор и торговый партнер Мадагаскара, признала Рамаломанану законным президентом и страсти стали потихоньку стихать. Ратсирака убежал в ту-же Францию и на время затих. Однако неожиданно на острове вспыхнула эпидемия неизвестной болезни и за одну неделю от неё скончалось около полутора тысяч человек. Я подумал, что будет разумным отложить свою поездку на Мадагаскар до лучших времен и сосредоточиться на Занзибаре и восточноафриканской горной дуге.

Как и год назад, я собирался остановиться в Восточной Африке по пути в Европу и Северную Америку. Там я планировал посетить естественнонаучный музей Филда в Чикаго, конференцию во Флориде, оттуда отправиться недели на две в Каракас с экспедицией по Венесуэле с подъем на пик Боливар, а на обратном пути намеревался провести неделю в коллекции Королевского Центральноафриканского Музея в брюссельском пригороде Тервурине, где хранятся богатые материалы из Конго. За полгода до отлета я обратился за финансированием этой экспедиции в несколько научных фондов и получил средства из Музея в Чикаго и из фонда Эрнста Майра в Гарвардском Университете. Общая продолжительность всей поездки была два с половиной месяца и, разумеется, я назвал её Новое Большое Жучиное Путешествие. Мне не стоило большого

труда убедить Клайда отпустить меня в эту поездку. После неё я планировал вернуться в Южную Африку, завершить тут свою работу и перед отлетом в Россию совершить месячную экспедицию по Берегу Слоновой Кости, одной из наиболее устойчивых и интересных стран франко-говорящей Западной Африки.

Прошло два месяца и вестей о продлении моего постдока все ещё не приходило. В это время я продолжал работать над своими официальными проектами и не брался за нашу с Клайдом главу, ибо если мой контракт продлен не будет, мне все равно главу не закончить, а все проекты по личинкам пластинчатоусых завершить необходимо. Одновременно я стал слегка сомневаться в том, будет ли мой контракт в Претории вообще продлен и поэтому решил на всякий случай озаботиться поисками новой работы. Для этого я прекратил заниматься своими частными проектами и вместо этого в течении нескольких выходных приготовил и написал несколько заявок в различные университеты и исследовательские центры.

В течение месяца в энтомологическом мире прошли известия о вакантных позициях куратора в четырёх больших коллекциях насекомых при естественнонаучных музеях в Южной Африке и Соединенных Штатах. Я отправил свои заявки по всем четырём адресам и вскоре получил от них четыре вежливые благодарности за интерес к этим работам и отказ в следующем абзаце. При этом из одного музея в Южной Африке была приписка, что его администрация зарезервировала это место для гражданина ЮАР из прежде недооцененных слоев общества. Этим термином в стране обозначали чернокожих и оттого белый иностранец для такой работы был кандидатом неподходящим. Объявления о работе в университетах почти всегда требовали специалистов либо в генетике насекомых, либо в защите растений, и оттого со своим опытом в систематике я для этих работ не годился.

Исчерпав все варианты постоянного трудоустройства, я стал искать себе новый постдок. Мне вспомнился мой предшественник Джимми, который много месяцев назад рассказал мне в кабинете Джона историю своих постдочовых скитаний. "Похоже, - подумал я с улыбкой, - что я иду по его стопам и в лучшем случае я перееду с одного постдока на другой".

Однако в отличие от Джероми, такая перспектива меня совсем не тяготила. Мне доставляло большое удовольствие переезжать из одной страны в другую и подолгу работать в новых коллективах разных университетов. Я полагал, что такие переезды неминуемо влекут за собой накопление опыта, который рано или поздно будет награжден интересным трудоустройством по специальности. После недолгих поисков я нашёл два фонда, которые объявляли свободный конкурс на постдоки, и они были Фонд Леона Харриса при Кейптаунском Университете и Фонд Александра Гумбольдта в Германии. Именно для них я подготовил и послал две похожие заявки на проект по изучению личинок жуков-стафилинов мировой фауны и реконструкции филогении семейства.

Читатель помнит, что тема моего постдока в Университете Претории по личинкам пластинчатоусых жуков была продиктована моим работодателем Клайдом Купером. В самом начале нашего заочного знакомства я предлагал ему свою тему по стафилинам, на что Клайд не согласился и пообещал средства только на изучение пластинчатоусых. Поскольку у меня не было других перспектив, я принял такое приглашение. На протяжении нескольких лет жизни в ЮАР я продолжал интересоваться личинками жуков-стафилинов. Прелесть моего теперешнего положения была в том, что оба эти фонда давали средства не научному руководителю, а самому постдоку, и оттого именно он выбирал себе тему для работы. Разумеется, на этот раз я выбрал дорогих моему сердцу стафилинов. Тема работы называлась "Филогения подсемейства жуков-стафилинов на основе морфологии личинок". Из существующих 35 подсемейств личинки были известны для 32 и хранились преимущественно в Чикаго. Во время своего первого Большого Жучиного Путешествия я провел десять дней в этой коллекции, посмотрел их богатый материал и заручился любезным согласием кураторов коллекции прислать мне в случае необходимости этот личинок. Таким образом тем, с чем работать, я был обеспечен в вполне, и оставалось только найти средства и место для этого проекта. В своих новых заявках я как можно красноречивее описал все преимущества нового проекта, приложил необходимые рекомендательные письма коллег, список своих трудов, бюджет проекта и с недельным промежутком отослал два толстых конверта в Кейптаун и Бонн.

Первый ответ пришёл через месяц. Фонд Леона Харриса искренне благодарил меня за заявку, отмечал её безусловный интерес и обоснованность, сообщал о небывало высоком конкурсе в этом году и затем вежливо отказывал в финансировании и моего проекта.

Ещё через неделю в своем почтовом ящике я обнаружил тонкое письмо из Бонна. Все предыдущие отказы были всегда написаны на одном листке бумаги, в то время как положительные известия приходили в толстых конвертах с подробными инструкциями и финансовыми формами. Пока я шёл от почтового ящика мимо скелета слона к своему кабинету, я убедился, что в конверте содержится единственный лист бумаги и приготовился выслушать отказ по-немецки. С легким волнением я ножницами отрезал край конверта, развернул втрое сложенный лист и прочитал первую строчку: "Глубокоуважаемый доктор ребенников, поздравляем Вас с победой в конкурсе. Это предварительное быстрое известие и подробные инструкции Вам будут высланы позже".

А через два часа позвонил Клайд:

- Ха, Василий, привет! - прокричал он в трубку. - Как дела? У меня тут для тебя новость. Сегодня утром я видел ректора. Он просил меня зайти по поводу твоего продления. В общем, он сказал, что третий год это много, и мы договорились на восьми месяцах. Ты доволен? Так что поздравляю. Все, с этого дня давай, начинай заниматься главой. Не забудь, сегодня пятница и в пол-пятого мы идем в "МакГитис". Увидимся там.

Я знал, что по условиям Фонда Гумбольдта я мог вполне отложить начало проекта по личинкам стафилинов после истечения дополнительных восьми месяцев в Претории. Разумеется, я был доволен!

Глава 26

На другой день после получения положительных известий о новом постдоке в Германии и продлении контракта в Южной Африке я отложил в сторону все свои текущие проекты по личинкам пластинчатоусых жуков и занялся работой над обзорной главой по всему

подсемейству для немецкого издательства. Когда я получил её черновой вариант от Клайда, я не совсем ясно представлял необходимый объем работ, и мне казалось, что я закончу все это за пару месяцев. В действительности оказалось, что шесть следующих месяцев я работал над этой главой ежедневно и, более того, желая закончить её до начала нового Большого Жучиногo Путешествия, совершенно приостановил свои личные проекты и занимался ею по выходным. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем, и края работы не было видно. На полу в моем кабинете выросли метровые стопки статей и книг, которые мне нужно было упомянуть в этой главе или позаимствовать тот или иной рисунок. Дело дошло до того, что я попросил кафедральную уборщицу на несколько недель вообще не убирать и даже не заходить в мою половину кабинета, чтобы не нарушать хрупкий порядок во всем этом массиве.

На фоне напряженной работы с главой у меня приключились другие важные и неотложные события. Пришла пора выкупать у моего знакомого агента по полетам свои билеты для нового путешествия из Йоханнесбурга в Найроби, Лондон, Чикаго, Майами, Каракас, снова Майами, Амстердам, Найроби и обратно Йоханнесбург. Вместе с агентом мы провели несколько недель в поисках самых удобных и недорогих перелетов для такого сложного маршрута по четырем континентам, и мне во что бы то ни стало необходимо было выкупить билеты в течение пяти дней, иначе наша бронь могла быть аннулирована. Полученные мной гранты из Чикаго и Гарварда могли быть обналичены только во время или после поездки, и оттого в финансовом плане помощи от них сейчас было мало.

Все это происходило на фоне того, что через месяц Таня должна была приехать ко мне из Москвы на два месяца и в это время мы планировали с ней пожениться. Я перевел ей средства на покупку билетов в Москву и пока мы обсуждали, куда поехать на медовый месяц, из посольства Южной Африки в России сообщили, что визу Таня получит только если она или я заплатим большой залог правительству этой страны. По-видимому, таким образом демократическое государство Южной Африки хотело удостовериться, что Таня действительно покинет страну после двух месяцев и не останется нелегальным иммигрантом, подобно сотням и тысячам граждан Зимбабве и Мозамбика. Мне ничего не оставалось, как отправиться в Министерство Внутренних дел Южной Африки в центре Претории и заплатить требуемый депозит.

Когда я таким образом остался почти совсем без средств, неожиданно пришло письмо из Ашхабада. Мои двоюродные дедушка и бабушка не могли больше жить в независимой Туркмении и терпеть попрание прав этнических русских от государственного аппарата Сапармурата Ниязова. Они решили продать свою квартиру и возвращаться в Россию, откуда они уехали в Среднюю Азию сразу после Второй Мировой войны и где у них родилось двое детей. Дедушка и бабушка были уже старенькие и в своем письме писали, что хотят вернуться на родину уже не для себя, а для своих детей и внуков. Я обрадовался такому их решению, ибо путешествовал по независимым среднеазиатским республикам бывшего Советского Союза, видел их трансформации и каждый раз, будучи в Ашхабаде, убеждал их уехать. Дедушка и бабушка все откладывали свой переезд и надеялись на улучшение в Туркмении, однако, такого не наступало и этнические русские, украинцы и евреи толпами продолжали уезжать в Россию. Цены на недвижимость в Ашхабаде резко упали. Денег, вырученных за их хорошую квартиру в центре столицы, едва хватило на то, чтобы перевезти вещи на поезде в Россию и купить небольшой домик. Им срочно требовались деньги и в течение трёх дней я послал им необходимую сумму.

Все эти финансовые события произошли в течение недели, и мне пришлось немало подумать, каким образом пройти сквозь это "бутылочное горлышко". Первым делом я реализовал все свои дорожные чеки, которые остались от первого путешествия и планировал взять с собой во второе. Вторым шагом я отказался от экспедиции в Венесуэлу и сократил своё новое Большое Жучиное Путешествие на две недели. Когда же стало очевидно, что даже с этими действиями у меня не остается средств купить Тане обручальное кольцо и свозить её на медовый месяц, я попросил у Университета Претории авансом двойную зарплату и немедленно её получил. Только после этого я вздохнул свободно, ибо все большие выплаты были сделаны, и я избежал брать деньги взаймы у своих друзей. Впрочем, надежды на это было мало, ибо я прекрасно знал, что за неделю до этого Марк совершенно опустошил Боба и Джона, чтобы полностью заменить мотор на своем лэндровере. Марк был уверен, что этим он вернет свою машину к жизни и, как оказалось позднее, он снова ошибся.

Таня прилетела за день до моего дня рождения, и на следующее утро я отметил свой юбилей полумарафонским забегом. Это был мой последний утренний визит на стадион в продолжении Таниного пребывания в Претории, ибо я нашёл невероятно трудным продолжать свои утренние подъемы в её присутствии и бежать из теплой постели на зимнюю улицу. Через три недели мы сходили в магистрат Претории и отдали наши брачные заявления, а ещё через полмесяца степенный и улыбающийся чернокожий сотрудник провозгласил нас мужем и женой перед разноцветным флагом Южноафриканской республики. Кармен и Джон были нашими свидетелями. Свадьбу с десятком гостей мы отметили в тот же вечер у нас дома на Скуман-стрит и по такому случаю наш садовник Симон преподнес моей жене свои специальные розы. Гости мы угощали пельменями и борщом, а запивали красным вином из большой пятилитровой бутылки. Клайд приехать не смог, однако, вежливо прислал поздравления и в записке спросил о маршруте медового месяца, тем самым избавив меня от необходимости спрашивать его разрешения отлучиться на пару недель из города.

Мне потребовалось немало времени, чтобы спланировать, где провести медовый месяц с моей молодой женой. Национальный парк Крюгера есть наиболее популярное направление в подобных случаях, однако, для такого путешествия нужен автомобиль, которого у нас не было. Кроме того, с Таниного согласия, я хотел употребить часть нашего времени для сбора насекомых и для этого наиболее интересным местом была Западная Капская провинция со столицей в Кейптауне. У меня была и другая цель, а именно: постараться исподволь приобщить свою супругу к увлекательному занятию поиска насекомых в природе, что в дальнейшем позволило бы нам совершать часть моих профессиональных поездок вместе и оттого пошло бы на пользу семье. И последним моим стимулом к такого рода медовому месяцу было понимание, что мне вряд ли скоро представится другая такая возможность провести две недели в свободном путешествии по Южной Африке и собрать двух очень интересных жуков, о которых мне много говорили мои коллеги.

Первый жук, намеченный для поимки во время медового месяца, был полутора-сантиметровый стафилин рода Арровинус. В этом роде было несколько видов, которые изредка ловились в лиственных лесах в горах вдоль берега Индийского океана. За пределами Южной Африки Арровинус не встречается, и был крайне интересен тем, что

являл собой переходное звено между двумя большими и хорошо очерченными группами жуков. В зоологическом мире немало таких "переходных" животных и всегда они крайне интересны. Среди млекопитающих подобное "переходное" положение занимает китайская панда, которую относят то к медведям, то к енотам. Другой пример - смешное животное окапи из лесов бассейна реки Конго, которое внешне напоминает жирафа и антилопу одновременно. В то время как панда и окапи известны многим людям, об Арровинусе знает человек пять специалистов по стафилинидам. Об этом жуке я узнал от своего друга Ромы Щукина, который планировал поехать со мной в Кению. Как раз в это время он изучал эту группу и ему позарез было нужно несколько живых Арровинусов для изучения последовательности их ДНК. Я написал Роме, что попробую ему помочь и поискать этих тварей. В письме я добавил, что для этого мне придется, видимо, жениться, чтобы в горячке работы с главой получить у Клайда две недели на медовый месяц. Разумеется, такой план пришелся Роме очень по душе.

Второй целью нашей с Таней экспедиции был совершенно новый и к тому времени ещё не названный род жуков, который впоследствии был описан под названием Аспидитес. Это был новый вид, который не мог быть отнесен ни к одному из 170 семейств жуков и оттого представлял собой новое семейство. Полтора года назад Педро Молина, мой друг из Испании и специалист по водным жукам, прилетел на две недели в Кейптаун, взял машину и поехал собирать жуков-плавунцов в окрестные горы. По вертикальному придорожному склону скалы сбегала тонкая струйка воды и в ней, прицепившись к поверхности камня, неподвижно сидел полтора-сантиметровый округлый черный жучок. Педро положил его в пробирку, затем нашёл ещё три похожих жука и, только оказавшись дома в Европе, посмотрел на них внимательно и, как он впоследствии говорил мне об этом в одном ресторане в Лондоне, "почувствовал себя совершенным идиотом". И было отчего, ибо невзрачный жук при всей своей внешней заурядности имел на своем теле такую комбинацию признаков, которая не позволяла отнести его ни в одно известное семейство. Педро и несколько его коллег очень подробно изучили этих жуков внешне и сравнили последовательность ДНК с таковой его возможных ближайших родственников и после этого пришли к убеждению, что это действительно новое семейство жуков. Личинка этого жука продолжала оставаться неизвестной, и я написал Педро, что попробую собрать её во

время медового месяца, на что он снабдил меня подробной информацией, где была собрана уникальная серия и от души пожелал нам с Таней поскорее вступить в брак.

За Арровинусом мы с Таней поехали сперва на горный хребет Аутениква в лес между городами Найсна и Джордж на берегу Индийского океана. Место это подсказала мне Ирэн Бейли, наша кафедральный секретарь. Её старшая сестра с мужем уехали жить туда на пенсии, построили два домика среди леса, жили в одном, а второй сдавали желающим пожить в лесной тишине. Я позвонил сестре Ирэн по телефону, зарезервировал этот лесной дом на неделю и договорился, что её муж встретит нас с Таней на автовокзале Найсны. Так все и получилось. Мы провели замечательно время в этом доме и ежедневно совершали экскурсии по лесу на склонах хребта и на берег Индийского океана. Ежедневно на веранде Таня накрывала на стол, а я подвешивал на стропила ловушку Винклера с охапками лесной подстилки. Мы пили чай, рассматривали с веранды долину реки и лес на противоположном склоне и слушали, как из ловушки Винклера сыпятся вниз жуки и прочие беспозвоночные обитатели лесного пола. На третий день я обнаружил в ловушке своего первого Арровинуса, а затем ещё четырёх.

Настало время покидать лесной дом, наши хозяева отвезли нас обратно в Найсну и посадили на автобус до Кейптауна. Дорога шла на запад вдоль берега Индийского океана через гористую и исключительно красивую местность. Автобус был двухэтажный, наши места были наверху и оттуда было очень удобно смотреть по сторонам. Две маленькие индийские девушки, подобно стюардессам, разносили по салону чай, и я подумал, что с таким уровнем обслуживания в автобусе я не встречался нигде в мире. Водитель включил телевизор в салоне и я увидел американскую экранизацию "Анны Карениной" Льва Толстого. Несколько раз на экране мелькали кадры старого Петербурга, а затем здание железнодорожной станции в Новом Петергофе, откуда было рукой подать до моего студенческого общежития, где я провел два заключительных года учебы в университете. Я ехал рядом со своей молодой женой и думал, насколько причудливо совершать свадебное путешествие вдоль южной оконечности Африки и увидеть по телевизору заснеженную станцию в далекой России, где десять лет назад я бывал почти ежедневно.

В Кейптаун мы приехали уже в сумерках и взяли такси до кампуса Университета, где я забронировал нам академическую гостиницу. Город этот один из самых красивых, виденных мной, а Университет, пожалуй, наверняка самый красивый. Особенность Кейптауна, кроме того, что он лежит на берегу двух океанов, ещё в том, что город, как подкова, огибает высокие Столовые горы, которые видны с любой улицы и дома. Горы эти высокие настолько, чтобы улавливать влажные массы воздуха и осаждать их на своих склонах в виде дождя и тумана. Большая часть Столовых гор покрыта хорошим лесом, что есть очень необычно в такой близости к большому городу. Университет расположен прямо на восточном склоне гор и оттого здания вытянуты террасами и приходится спускаться и подниматься по лестницам. Большая часть домов построены на границе XIX-XX веков и их стены затянута вьющимися растениями настолько, что кладки совершенно не видно. Выше кампуса Университета начинается лес, и такая близость сулила нам с Таней интересные экскурсии неподалеку от нашей гостиницы.

На северном склоне Столовых Гор расположен большой мемориальный комплекс памяти Цесила Родеза, и его многометровая статуя обозревает город и провинцию, губернатором которой он был. Родез был крайне неоднозначной исторической фигурой, однако, именно он вместе с Симоном Боливаром и Филиппом Австрийским, сыном испанского короля Карла V были увековечены в названиях стран: Родезия (современная Зимбабве), Боливия и Филиппины соответственно.

Кейптаун был нашей штаб-квартирой на вторую половину медового месяца и отсюда мы совершили трёхдневную экскурсию в поисках загадочного жука Аспидитеса. Известное и пока единственное место сбора этого уникального жука было примерно в ста километрах от Кейптауна вглубь материка недалеко от местечка Паарл, виноградной столицы страны. Не имея водительских прав, я был вынужден нанять автомобиль с водителем, который сперва отвез нас с Таней вглубь страны, а через три дня вернулся за нами обратно. В своих поисках Аспидитеса я решил остановиться в палатке в ближайшем к месту поимки месте и оттуда совершать экскурсии на горные склоны. Педро написал мне, что Аспидитеса нужно искать на вертикальных скальных склонах, по которым бежит вода. Вместе с Таней мы высадились в национальном парке "Байнсклоф Пасс" посреди бесчисленных невысоких безлесных гор, поставили палатку на специально для этого выровненной площадке под

большими деревьями у ручья, оставили её под присмотром ренджера и отправились в окрестные холмы искать вертикальные склоны с водой.

Три дня поисков Аспидитеса были тремя самыми мокрыми днями в моей жизни, и это вовсе не значит, что шёл дождь. Наоборот, погода стояла совершенно безоблачная, солнечная и оттого жаркая. Поутру мы просыпались с Таней в палатке, завтракали и уходили в окрестные горы. Ручьев повсюду было довольно много, однако вертикальные поверхности с водой были только около одного большого водопада. Там Таня устраивалась в тени читать книжку, а я пробирался вдоль влажных отвесных скал и собирал с них пинцетом жуков. Я очень быстро понял, что в таких условиях сверху почти непрерывно падают капли и оттого через полчаса работы я был мокрый с головы до ног. Снять рубашку и брюки было невозможно из-за невероятно жаркого и яркого солнца, на котором я мгновенно загорел бы до черноты. Вода была холодная, и мокрая одежда на ветру казалась ещё холоднее. Поначалу Таня с недоверием и интересом наблюдала за моими странными эволюциями в воде и в одежде, однако, скоро ей это перестало казаться необычным. Я в это время думал о том, насколько успешно моя супруга справляется с нелегкой задачей быть женой энтомолога.

Личинок Аспидитеса я так и не поймал, ровно как и взрослых жуков. Не знаю, что было тому причиной, возможно, экспозиция скал или химический состав воды или просто меньшая степень везения. Тем не менее сборами своими я остался вполне доволен, даже несмотря на то, что порой мне казалось, что моё тело сперва замерзло, а затем растворилось за три дня непрерывного холодного душа в одежде. Мы вернулись в Кейптаун, совершили несколько интересных экскурсий в лес на склонах Столовой горы и сходили в шумный город. В день перед возвращением в Преторию наш знакомый таксист отвез нас на Мыс Доброй Надежды примерно в 50-ти километрах южнее Кейптауна, и там мы увидели толпы возбужденных белых туристов со всего света и большую стаю закормленных и совершенно бесстрашных бабуинов. Обезьяны эти жили исключительно за счет подачек туристов и обнаглели настолько, что выхватывали еду у людей прямо из рук. Взрослые бабуины размером и формой больше напоминают крупную собаку, чем обезьян, выглядят очень внушительно, ничего не боятся и порой здорово пугают неосторожных туристов. Мы видели, как семья туристов уселась в машину, завели мотор и

собрались уезжать. В это время большой самец бабуина увидел в руках у мальчишки какую-то еду, вскочил сквозь открытое окно внутрь автомобиля, вырвал пищу из рук перепуганного ребенка и громко заверещал. Вся семья, как горох, повыскакивала наружу, и родители стали успокаивать перепуганного сына. Обезьяна оставалась в машине ещё минуту и за это время перерыла всю кабину в поисках пищи. Бедные туристы смогли уехать только тогда, когда бабуин пожелал покинуть салон автомобиля, содержимое которого к тому времени было перевернуто вверх дном.

Почти сутки потребовались автобусу, чтобы пересечь большую часть Южной Африки и привезти Таню и меня обратно в Преторию. Через неделю Кармен отвезла нас в аэропорт Йоханнесбурга, и я проводил свою жену в Великобританию. Мы договорились, что она будет находиться там свой третий и последний год аспирантуры в Университете Эссекса и постарается за это время завершить свою политологическую диссертацию. Тем временем я закончу свой постдок в Южной Африке и затем мы вместе поедem в Германию. Такой план казался нам самым подходящим и, вероятно, был таким на самом деле. На обратном пути из аэропорта я снова раздумывал над нелепостью жизни, когда молодожены вынуждены расставаться на почти год ради завершения своих академических работ. Было совсем темно, когда мы приехали в Преторию, и я попросил Кармен высадить меня не дома, а на кафедре, чтобы заняться работой и отогнать неизбежные грустные мысли. Как всегда, у меня было много дел с обзорной главой по пластинчатоусым, и я надеялся завершить её черновик за полтора месяца, оставшихся до начала моего Нового Большого Жучиногo Путешествия.

Глава 27

Второй год моей жизни в Южной Африке пролетел невероятно быстро. Только я успел вернуться в Преторию из Первого Большого Жучиногo Путешествия, как с головой погрузился в обработку его результатов и входил в рутину лабораторной работы. Затем около полутора месяцев мои мысли занимали хлопоты о продлении контракта и о получении нового, а затем заботы по скорому приезду Тани. Быстрее всего промелькнули два с половиной месяца новой семейной жизни и, проводив свою жену в Великобританию,

я с удивлением осознал, что год жизни почти позади и через месяц мне пора отправляться в Новое Большое Жучиное Путешествие, венцом которого был месяц полевых работ на горах восточноафриканской дуги в северо-восточной Танзании.

По плану моей новой экспедиции я снова должен был лететь в Европу кенийской авиакомпанией "Аир Кения" и по пути в Лондон сделать месячную остановку в Найроби. Оттуда я намеревался на автобусе пересечь границу с Танзанией и достигнуть города Аруша, который расположен у подножия горы Килиманджаро. В моих планах не было сборов или восхождения на эту гору, и причин тому было две. Во-первых, Килиманджаро была геологически очень молодой горой, где количество эндемичных видов не может быть высоким, в противоположность горам восточноафриканской дуги. Во-вторых, правительство Танзании объявило эту гору национальным парком, и поэтому для ловли жуков были необходимы отсутствующие у меня разрешения, и каждый день нахождения в парке стоил, на мой взгляд, невероятную сумму денег. Кроме того, одиночные путешествия по Килиманджаро были запрещены, и мне предстояло либо присоединиться к группе туристов, либо брать с собой ренджеров. Все эти соображения заставили меня проехать в нескольких километрах от самой высокой вершины Африки и сконцентрироваться на менее известных, однако более доступных и интересных невысоких горах по соседству.

Из Аруши я намеревался сесть в автобус в Дар-ес-Салам, проехать к югу от гор Пара и часов через шесть пути свернуть с шоссе к небольшому городу Лушото, административному центру западной части гор Узамбара. В сорока километрах от Лушото лежало бывшее колониальное владение "Дом Гранта", и в этом месте я намеревался поставить свою палатку под присмотром его служащих и в течение недели совершать экскурсии в окрестные холмы, которые на единственной доступной мне карте Танзании были покрашены в интенсивный зеленый цвет, обозначающий лес. За несколько месяцев до отлета я написал владельцам этого поместья о своих планах и в ответном письме они охотно пригласили меня в гости и обязались за небольшую плату не только охранять мою палатку в дневное время, но ещё и кормить меня завтраком, который, по моим расчетам, должен был обеспечивать меня силами на большую часть дня. Таким образом, недельный

сбор жуков в окрестностях "Дома Гранта" был первой частью моего путешествия по Танзании.

Из западной части гор Узамбара я намеревался переехать в их восточную часть и провести неделю в природном заказнике Амани. От "Дома Гранта" до Амани по прямой было всего километров сорок, однако, из разделяла долина реки и её течение образовало крутые и малопроезжимые скальные склоны. Перебраться в Амани я планировал в обход, через Лушото, дорогой на Дар-Ес-Салам и местечко Мухеза, от которых до Амани оставалось километров двадцать. В Кейптаунском университете я познакомился с ботаником из Польши, который несколько лет подряд работал в окрестностях Амани. Он обещал мне там большое разнообразие форм флоры и фауны, и недорогую гостиницу специально для европейских туристов. На Амани я намеревался провести неделю, и это была вторая часть путешествия.

Завершив свою работу в западной и восточной части гор Узамбара в северо-восточном углу Танзании, я намеревался совершить большой автобусный переезд и добраться до города Морогоро, расположенного в нескольких часах езды от Дар-ес-Салам на запад, прямо вглубь континента. Морогоро интересовал меня как стартовая точка для путешествия в горы Улугуру, который начинались сразу к югу от города и тянулись в меридиональном направлении примерно на сорок километров. По доступным мне описаниям я знал, что горы Улугуру возвышаются совершенно изолированно посредине восточно-африканской саванны почти до двух или двух с половиной километров, их склоны покрыты влажным дождевым лесом, и в южной части хребта расположено плато Луквангуле, из окрестностей которого известно несколько эндемичных родов Цератокантид и веерокрылых жуков. После нескольких писем своим коллегам в Европу я получил от них адрес голландского орнитолога Томаса Лемберга, который уже около трёх лет жил в Морогоро и руководил там финансируемой правительством Голландии программой сохранения уникального леса на склонах гор. Я написал Томасу о своем намерении приехать в Морогоро и повести несколько дней в горах Улугуру, на что он прислал мне любезное приглашение использовать его дом в городе как временную базу для своих экскурсий.

Неделя в горах Улугуру была третьим пунктом моего путешествия. Горы Улугуру находились в трёх днях автобусного пути к югу от Найроби и ещё южнее лежали горы Удзунгва, тоже часть восточно-африканской горной дуги. Мне очень хотелось посетить их, однако, после некоторых колебаний я отказался от этого плана. Большая часть горных лесов в массиве Удзунгва была вырублена, а оставшаяся превращена правительством в самый молодой в стране национальный парк с оплатой и сложностями для коллекционирования, как на Килиманджаро. Я также не хотел забираться так далеко от Найроби, куда мне следовало вернуться в завершении экспедиции, чтобы продолжить свой путь в Европу и Северную Америку. Кроме того, низинные затопляемые районы гор Удзунгва были печально знамениты как злостный рассадник комаров и именно там моя германская знакомая Виола два года подряд заболела малярией. После некоторой внутренней борьбы я решил исключить горы Удзунгва из планов своего Нового Большого Жучино-го Путешествия и оставить этот район, ровно как и массив пика Боливар в Венесуэле, для своих следующих экспедиций.

Горы Улугуру был последним массивом в восточно-африканской дуге, который я намеревался посетить в эту поездку и причиной было то, что прочие изолированные звенья этой цепи лежали слишком далеко от населенных пунктов и до них было очень трудно добраться без автомобиля. Надо сказать, что в своих экспедициях по Восточной Африке я всегда ездил один и использовал для передвижения не очень комфортный, однако, невероятно дешёвый общественный транспорт. Помимо дешевизны, достоинством этого вида передвижения был более тесный и непосредственный контакт с жителями этих стран, и оттого я имел возможность лично и подробнее познакомиться с их образом жизни. Иногда, правда, поездки на автобусе имели свои минусы, например, когда на извилистой горной дороге в переполненном автобусе у моих спутников не выдерживали желудки, салон наполнялся мучительными стонами и запахами блюющих, а по полу текли ручейки бывшего содержимого их желудков. Другой раз багажник в нижней части автобуса имел дырявое дно, и сквозь эти щели брызги от колес несколько часов мочили мой рюкзак, пока я не достал его на конечной станции и не вылил из него несколько литров мокрой грязи. Тем не менее, я утешал себя, что путешествие на равных с жителями этих стран есть куда как более дешёвый, интересный и естественный способ, чем дорогие автомобили туристических компаний с целым штатом чернокожих слуг.

Заключительным пунктом своей поездки по Танзании был знаменитый остров Занзибар, который сперва арабы, а затем европейцы использовали как штаб-квартиру для своих экспедиций вглубь континента. Занзибар и Мадагаскар были два мои самые желанные острова Африки и оба они впервые стали известны европейцам из рассказов венецианского купца Марко Поло, который либо посетил, либо сам услышал о них во время своих скитаний по Азии во второй половине XIII века. Занзибар был центром арабской работорговли и отсюда снаряжались экспедиции за главным товаром далеко вглубь континента до бассейна реки Конго и озер Танганьика и Малави. Васко да Гама посетил Занзибар в 1498 году во время своей первой морской экспедиции из Европы в Индию вокруг Африки и вскоре португальцы и затем англичане заменили арабов в качестве хозяев острова. С Занзибара Ричард Бартон и Джон Спек стартовали в 1858 году на поиски истоков Нила и по результатам этой экспедиции между ними образовалась глубокая вражда, которая несколько лет позже привела к трагической гибели Спока. Отсюда же отправился и Давид Ливингстон в свою третью и последнюю экспедицию; отсюда стартовал ещё никому неизвестный Генри Стенли на свои поиски и затем из Занзибара в Лондон было переправлено мумифицированное тело Ливингстона, чтобы быть затем похороненным в Вестминстерском Аббатстве, в компании с Чарльзом Дарвином и Исааком Ньютоном. Вряд ли на всем африканском континенте найдется исторически более значительное место, чем остров Занзибар. Он так часто описывался и упоминался в многочисленных книгах об Африке, которые я перечитал в Претории, что я решил пожертвовать несколькими днями сборов жуков и провести часть своей экспедиции как обыкновенный турист, жадный до всяких исторических достопримечательностей.

В заключение восточно-африканской части моего Нового Большого Жучинового Путешествия я намеревался доплыть на судне из Занзибара в Кенийский порт Мамбаса, приехать в Найроби и оттуда отправиться на хребет Абердаре к северу от столицы, который я видел в прошлом году с вершины горы Кении и не имел времени его исследовать. Затем я планировал вернуться в Найроби, через Лондон приехать в Чикаго, чтобы там изучить и взять с собой личинок стафилинов для своего последующего проекта по гранту Александра Гумбольдта в Германии. После двух недель в Чикаго я планировал принять участие в энтомологической конференции во Флориде и на обратном пути в

Преторию провести неделю в музеях Голландии и Бельгии. Из-за непредвиденных финансовых трудностей во время покупки билетов для этой поездки я был вынужден отказаться от намерения воспользоваться близостью Майами к Южной Америке и посетить Венесуэлу. О последнем решении мне не пришлось сильно жалеть, ибо в течение последнего года в этой стране проходили постоянные народные протесты против правительства Чавеса, нефтяники бастовали и экономика, а вместе с ней безопасность и соблюдение прав человека в этой сырьевой стране, сильно упали. Таким образом, в своем путешествии я намеревался посетить только три из первоначально задуманных континентов: Африку, Европу и Северную Америку, а Южную Америку отложить до лучших времен.

Помимо отказа от экспедиции в Венесуэлу, мне пришлось менять свои другие планы. Я договорился с Клайдом закончить всю свою работу в Претории таким образом, чтобы освободить один месяц в конце моего контракта и провести его в экспедиции по Берегу Слоновой Кости. Я полагал, что без путешествия на запад континента мои представления об Африке не будут полными, и эта страна своей природой и длительной стабильностью как нельзя лучше отвечала моим планам. Я ожидал там увидеть настоящий низинный африканский лес, где каждая из нижних ветвей гигантских деревьев сама по размерам напоминает европейский дуб. Эта страна была бывшей колонией Франции, в ней жило постоянно несколько десятков тысяч европейцев, и главной статьей экспорта было какао для шоколадных фабрик Европы. У меня были готовы карты этой страны, рекомендательные письма к двум католическим миссионерам, и за неделю до отлета в Найроби я должен был выкупить свой билет на самолет из Йоханнесбурга в Абиджан. И вот буквально за неделю до покупки билетов информационное агентство сообщило, что на Берегу Слоновой Кости вспыхнул вооруженный мятеж; образовались отряды оппозиции, и они вместе с армией занялись обычным для стран Африки занятием - вместо того, чтобы сражаться друг с другом, они стали грабить мирных жителей и мародерствовать. Франция срочно отозвала своих граждан и послала туда воинский контингент. Но было уже поздно, и в течение недели вся страна стала ареной бесправия и убийств. В соседних Либерии и Сьерре Леоне война шла уже давно, а Гобоне недавно прошла эпидемия вируса эбола. Во всей Западной Африке оставались лишь Гана и Камерун, куда в принципе можно было бы поехать, однако, я заколебался и счел неожиданную войну на Берегу Слоновой Кости

дурным знаком. После недельного колебания я решил отказаться от своих планов посетить западную часть Африки и свой вакантный месяц употребить для поездки в благополучные Австралию и Новую Зеландию. Как показали дальнейшие события на Берегу Слоновой Кости, мне не пришлось раскаяться в смене своих планов.

Глава 28

Отправляясь второй раз в Восточную Африку в одиночную месячную экспедицию, я чувствовал себя значительно более уверенно и спокойно, чем год назад. Причиной этому был мой небольшой опыт первого путешествия и уверенность в том, что за исключением шумных столиц, вся остальная часть региона совершенно безопасна для одинокого путешественника с рюкзаком и без машины. Нигде в сельской местности я не чувствовал свою персону хоть в малейшей опасности и со стороны местных жителей неизменно встречал в основном удивление и порой любопытства, отчего этот мзунгу не ездит, как большинство остальных туристов, в автомобилях на сафари. Из всех мест, пожалуй, только Найроби может быть действительно неприятным или даже опасным городом, и немало туристов начинало своё знакомство с Восточной Африкой потерей в нём денег, документов или вещей. Однако если сократить время пребывания в Найроби до минимума и следовать простейшим правилам безопасности, например, не носить украшений и не ходить в сумерках через Ухуру-парк, то скорее всего все обойдется благополучно для приезжего. Все эти мысли бродили у меня в голове, когда мой самолет на Найроби поднялся в аэропорту Йоханнесбурга и я отправился в Новое Большое Жучиное Путешествие.

Причин для таких размышлений у меня было прилично, ибо на этот раз я не ожидал никакой встречи в аэропорту. Мой друг Джонни уехал на три года в аспирантуру в Соединенные Штаты, а его подруга, теперь уже жена, родила младенца и жила у своих родителей в Момбасе. Мой самолет приземлился за два часа до захода солнца и пока я проходил неизбежные формальности, то продолжал раздумывать, как лучше организовать все свои дела. Мне их предстояло несколько: добраться до города, обменять евро на кенийские шиллинги, купить билет до Аруши на автобус компании Давана, запастись

газовыми баллончиками для своего примуса и найти место для ночлега в столице. Поскольку со мной было два рюкзака и оставалось совсем мало времени до темноты, я намеревался нанять такси для всех этих переездов и уже подсчитывал, в какую сумму мне все это обойдется.

Каково же было моё удивление, когда в жидкой куче встречающих я увидел молодого бородатого белого, держащего табличку с моим именем, да к тому же написанным по-русски! Я положительно не мог объяснить себе этого феномена и очень удивленно сказал ему, что это - я. Впрочем, в этом не было нужды, ибо этот парень узнал меня издалека и подавал знаки. По моему удивленному виду он, вероятно, почувствовал, что я нуждаюсь в объяснении.

- Добро пожаловать, Василий, - сказал он по-русски, но с акцентом, и затем продолжил уже по-английски, но тоже с акцентом. - Меня зовут Радек Бржезовский, я аспирант отдела энтомологии Национального Музея Кении и занимаюсь тут вредителями кукурузы. Я из Польши. Мне Ванджа позавчера сказала, что ты должен скоро прилететь, и я подумал, что будет лучше, если я тебя встречу. Но мне кажется, что она тебя не предупредила, верно?

Ванджа Кинутия была заведующей этим отделом и с её помощью я два раза получал разрешение от Природоохранительной Службы Кении на сбор и вывоз насекомых. Никаких известий, что меня будут встречать в аэропорту я не получал, однако, излишне говорить, что такая встреча была очень кстати. Радек был на машине с чернокожим шофером и вместе с ними я снова совершил памятный мне путь из аэропорта Джомо Кениаты в центр города по дороге, запруженной машинами, среди которых я с радостью увидел знакомые мне матату. Вид этих перегруженных матату и их шоферов с переутомленными лицами показался мне почему-то исключительно уместным, и я с радостью ощутил, что снова вернулся в Восточную Африку.

За прошедший год Найроби к лучшему совсем не изменился. Всюду были автомобильные пробки, машины на последней стадии издыхания, суетные люди и общая неразбериха и суета. Рекламные плакаты, которые год назад были заполнены фотографиями пива и крема для обуви, сейчас были заняты политической рекламой. Через два месяца ожидалось

президентские выборы, и нынешний президент ветеран Мои объявил о своем намерении уйти в отставку. За сорок два года независимости Кении Мои был вторым после умершего Кениаты президентом, и мало кто в стране верил, что он действительно хочет сам уйти с поста, ибо такое поведение президентов очень не характерно для Африки. Другим новшеством Найроби было то, что среди многочисленных бездомных детей получила широкое распространение токсикомания, и я увидел ребенка лет 12 увлеченно дышащим в полиэтиленовый пакет. На одном большом перекрестке уже в самом центре города скопилось много машин, и среди них были разносчики газет, напитков, а вслед за ними ковыляли разнообразные калеки и выпрашивали подаяние. Мне запомнился один молодой парень, очень худой и с длинными руками и туловищем. Левая нога его по непонятной причине была длиной всего сантиметров двадцать. Он перебирался, как паук, совсем низко над землей на своей этой короткой ноге, причем другая, когда-то, видимо, нормальная нога за многие годы искривилась в суставах, чтобы соответствовать короткой и оттого его колено было на уровне уха. Так он переползал как паук, помогая себе худыми руками, и от его такого короткого тела в стороны торчали два согнутых локтя и одно колено. Он едва мог дотянуться до окошек автомобиля, которые по этой причине рекомендовалось всегда держать закрытыми. Загорелся зеленый свет, ряды машин тронулись, и он остался стоять на разделительной полосе, поджав свои локти и колено, чтобы их не задела газующие автомобили.

На машине я быстро и довольно удачно сделал все свои дела в городе и уже в полной темноте водитель отвез нас к Радеку домой. В отличие от многих европейцев в Африке Радек поселился в не фешенебельном районе города, а в одном многоквартирном доме с десятком семей простых африканцев. Последние двести метров до его дома мы прошли пешком, спотыкаясь в кромешной темноте о выбоины старой дороги, которую наш автомобиль не мог преодолеть. В темноте то слева, то справа раздавались голоса прохожих, однако, людей я почти не видел. Единственным источником света были несколько свечей в лавке мясника и под навесом с фруктами. Их огонь едва освещал связки бананов, лука и подвязанные к потолку остатки коровьей туши, от которой по просьбе Радека мясник - молодой болтливый парень - отрезал нам пласт мяса. Радек говорил с ним на смеси английского и суахили и было видно, что чернокожие вокруг его знают и считают своим.

Пока Радек жарил нам на ужин мясо, он успел рассказать мне, зачем он приехал в Африку. Он закончил биофак Краковского университета и во время учебы мечтал путешествовать по экзотическим странам. Русский язык он изучал в школе и однажды путешествовал по западно-украинским Карпатам. Однажды он узнал, что правительство Японии финансирует в Кении трёхгодичную программу по изучению паразитов личинок бабочек, которые развиваются в стеблях кукурузы и совершенно губят растения. Для этой работы была открыта одна аспирантская позиция. Радек послал свои документы на конкурс и вскоре ему пришёл положительный ответ. Его руководитель был японец, который часто улетал к себе в страну и оставлял Радека вместе с лаборантом ухаживать за несколькими сотнями пробирок, в которых жили эти самые вредные гусеницы. Радек сказал, что из них наверняка четверть заражена личинками паразитических мух, и он ждет выхода взрослых мух из тела гусеницы, чтобы определить вид насекомого-паразита и затем подробно изучить его биологию. Работа эта ему нравилась и ему предстояло провести в Кении ещё около двух лет. Пока работа над проектом отнимала у Радека все его время, однако, он планировал вскоре начинать разъезжать по региону и ближе познакомиться с жизнью Африки. Его мечта была купить со временем мотоцикл и пересечь весь континент с юга на север, останавливаясь по дороге во всех интересных местах и знакомясь с природой и жизнью людей. На мой вопрос о том, что заставило его поехать сегодня в аэропорт, чтобы помочь совершенно незнакомому человеку, Радек ответил, что люди должны помогать друг другу, и он подумал, что его участие будет не лишнее. Радеку было едва больше 25 лет, и его разговор и высказанные суждения показались мне очень сбалансированными и разумными. Я подумал, что если все люди будут думать и поступать подобным образом, то мир наверняка изменится к лучшему.

Я склонен считать, что вмешательство Радека и удачное начало во многом определило успех всей моей второй восточно-африканской экспедиции. На следующий день около полудня я покинул Найроби на небольшом микроавтобусе и за шесть часов преодолел с ним расстояние до танзанийского города Аруша. Это была страна масаев, без упоминания о которых не обходится ни одна книга о путешествии в Восточную Африку. Середина пути была отмечена пересечением границы из Кении в Танзанию в небольшом селе Маранги посередине жаркой саванны с невысокими холмами и кустарником. Около

таможенного пункта стояло несколько больших машин с белыми туристами и вокруг них суетились дети и старухи масаи в характерных красных или, реже, синих клетчатых национальных одеждах. Они очень навязчиво предлагали свои сувениры и оттого многие туристы за стеклами машин выглядели растерянными и испуганными. В моё открытое окно просовывались бритые головы старух с сильно оттянутыми мочками ушей и худые темные руки в кольцах. Старухи не понимали или делали вид, что не понимали английский и вновь и вновь совали мне в лицо свои товары. Одна древнего вида женщина с совершенно гладкой головой без единого волоса знаком попросила у меня сквозь окно ручку, получила её и затем, медленно пятясь, ушла с ней прочь. Наш водитель несколько раз безуспешно пытался прогнать старух, однако, они не уходили и продолжали изводить немногочисленных белых, которые в этих краях могли быть только туристами. Вскоре со стороны Танзании подъехала новая машина с несколькими пресыщенными впечатлениями вазунгу и вся красная стая старух окружила их, как грифы падаль. Я облегченно вздохнул, когда наш автобус покинул предприимчивых старух, у которых оставалась моя украденная ручка.

Граница между Кенией и Танзанией есть классический пример колониальной границы, которая была начерчена европейцами в европейском кабинете и оттого совершенно искусственная. В результате разделения между английской и немецкой Восточными Африками граница прошла через земли масаев и члены одной семьи оказались живущими в разных странах. Разумеется, граница эта нигде не демаркирована, как почти всюду в Африке, ибо страны слишком бедны, чтобы этим заниматься. Исключение составляет граница Эретрии и Эфиопии, когда из-за небольшого куска спорной территории две страны вели полномасштабную войну и погубили только убитыми 70.000 своих солдат. Что же касается границы между Кенией и Танзанией, то, проследив её по карте от берега Индийского океана до озера Виктория, можно увидеть небольшой излом линии, в результате чего гора Килиманджаро оказывается не в Кении, а в Танзании. Один мой знакомый рассказывал мне шутку очень похожую на правду. Когда обозначали границу между немецкими и английскими колониями в Восточной Африке, то прусский король Вильгельм справедливо заметил королеве Виктории, что у Англии остаются все три снежные горы континента: Кения, Килиманджаро и хребет Рувензори. Не желая огорчить своего немецкого коллегу, Виктория чуть свернула карандашом к северу, и Килиманджаро

оказалась в немецкой части. Часть эта, однако, оставалась немецкой только до конца первой мировой войны, а затем отошла Англии как колония Танганьика, которая в 1960 году стала независимой республикой. Несколько лет спустя она объединилась с султанатом Занзибара в Объединенную Республику Танзания.

Уже в полной темноте я приехал в Аруша. В автобусе со мной было человек десять пассажиров, включая двух женщин из Голландии, впервые оказавшихся в Африке. Они прилетели в Найроби днем позже, чем их группа, и оттого должны были добираться до Аруша самостоятельно, где их должен был встречать сотрудник туристической фирмы. По мере того, как садилось солнце, настроение этих женщин заметно падало, и уже совсем грустными и подавленными они ехали по окраинным трущобам города. Все наши чернокожие спутники покинули автобус, и бедные женщины боялись, что водитель оставит их одних в городе на растерзание страшным людям. Едва машина остановилась около единственной в городе фешенебельной гостиницы, как машину окружило человек двадцать таксистов, и все наперебой зазывали их к себе в машины и тянули их за руки из открытых дверей и окон. Женщины в страхе забились в угол салона и с ужасом глядели на карусель черных возбужденных мужских лиц, жмущихся к стеклам снаружи в африканской ночи. Без сомнения, они горько пожалели в эту минуту о своем решении поехать в Африку. Таксисты спрашивали, куда им надо и, узнав, что они ждут представителя туристической компании, все в один голос закричали, что каждый из них и есть такой представитель и снова попытались зазвать их выйти из машины. Одна женщина начала уже всхлипывать, когда сквозь толпу таксистов пробился молодой чернокожий, перекрикивая толпу, заявил, что он прислан за ними из компании, назвал их по именам. Женщины немного опомнились, однако, проверки ради, заставили его назвать имя директора и телефон офиса. Сверив ответы со своими бумагами, они, все ещё возбужденные такой встречей, покинули машину, и их спутник увел их в гостиницу. Я попросил шофера подождать и разменял в банке евро на танзанийские шиллинги, причем в первый раз я увидел, чтобы обмен банкнот от 50 евро и выше происходил по более благоприятному курсу, чем банкноты в 10 и 20 евро. То же касалось и американских долларов, причем разница курса между 1 и 50 долларами была около 10 % в пользу более крупной купюры.

Удовольствие путешествий по Восточной Африке в том, что практически всюду, где есть хоть несколько домиков, всегда найдется одна или две очень дешевые гостиницы. Мой ночлег в Аруша был расположен на глухой улице и назывался "Дом Машале". Заведовала им пожилая и расторопная женщина, которая представилась как Мамаша Роза. За эквивалент трёх евро она открыла мне маленькую комнату с двумя кроватями, шатким столом и окном без стекла, но с противомоскитной сеткой. Другая такая сетка висела в виде полога над кроватью, и первым делом я убедился, чтобы в ней не было дыр. Опасался я не комаров, а переносимой ими малярии, которой Аруша была хорошо известна. Мамаша Роза стала предлагать мне разные напитки, но, убедившись, что я ничего больше покупать не намерен, потеряла ко мне всякий интерес, оставила меня одного в моих владениях. Я приготовил на газовом примусе себе вдоволь чая, выпил регулярную противомаларийную таблетку и со вздохом облегчения вытянулся под пологом на кровати.

Глава 29

Автобусные путешествия в Восточной Африке всегда сопряжены с большими испытаниями для мочевого пузыря. Так было год назад по дороге между Какамега и Найроби в Кении, так оказалось и по пути между Арушей и Лушото в северной Танзании. Автобус ехал по равнине с многочисленными невысокими баобабами, миновал город Моши и оставил слева цепь невысоких гор Паре, которые также относятся к восточноафриканской дуге и про которые зоологам известно очень мало. Солнце стояло совершенно вертикально, было жарко, и в редких придорожных деревнях я видел прятавшихся в тени разморенных зноем африканцев.

На заключительном сорокакилометровом участке пути от Лушото до дома Гранта меня ждало неожиданное приключение. Регулярного автобусного сообщения на этом участке не было, и я отправился пешком со своим рюкзаком в надежде на попутную машину. Дорога шла по горной стране с широкими долинами и мягкими очертаниями гор, на склонах которых лес во многих местах был сведен, и африканцы возделывали продукты. Действительно, вскоре сзади послышалось металлическое брнчание, показалась легковая машина, и чернокожий старик-водитель любезно взялся меня повезти. Я сел на переднее

сиденье и обратил внимание, что кроме руля, ручки сцепления и колодки тормоза все остальные рычаги управления были сняты, а окошки спидометра и прочих приборов были задрапированы из-за своей бесполезности старой клеёнкой. Старик едва говорил по-английски, однако, был очень оживлен и непрерывно о чем-то болтал, отчего я заподозрил его в недавнем употреблении спиртного. Дорога шла по крутому склону, и я с тревогой следил, как автомобиль продолжал набирать скорость и оттого его железные части гремели все более, порой заглушая голос водителя. Наконец на одном из поворотов старик не справился с управлением и косо врезался в край скалы, отчего машину развернуло поперек дороги, проволокло вперед, и она встала. С чувством большой досады на себя, что сел к пьяному водителю, я молча вылез из машины и вслед за мной последовал водитель, ибо от удара его дверь заклинило. Дорога в этом месте шла по крутому склону и соскочив мы с узкого полотна вниз, то непременно бы катились метров двести. Я забрал свой рюкзак и оставил старика хлопотать вокруг своей машины, которая от этой аварии, казалось, ничуть не ухудшилась. Примерно через полчаса старик привел её в порядок и догнал меня на дороге, радостно улыбаясь и знаками предлагал снова сесть внутрь, на что я ответил решительным отказом.

Последующая неделя в горах западной части гор Узамбара была наполнена ежедневными экскурсиями в ближайший лес и поисками там жуков. Я просыпался около шести утра с восходом солнца в своей палатке во дворе дома Гранта и после неизменного душа шёл в столовую завтракать. К этому времени чернокожий повар, он же сторож и садовник, уже накрывал мне на столе белую хрустящую скатерть и ставил большой, однако, ежедневно повторяющийся завтрак. В начале восьмого я покидал усадьбу и через деревню отправлялся в ближайший массив леса, до которого было полчаса ходу.

Когда-то вся территория гор Узамбара была покрыта реликтовым лиственным лесом, который сформировался здесь миллионы лет назад в ответ на обильные осадки, приносимые влажными массами воздуха с Индийского Океана. Сейчас лес постепенно исчезает под натиском человека, уступая место посадкам кукурузы и прочих предметов еды. Кроме того, древесина была и остаётся единственным топливом, и оттого лес продолжает уменьшаться и фрагментироваться. Колониальные хозяева немцы, а затем и англичане осознали важность сохранения лесов в горах восточно-африканской дуги,

которые питали реки региона, запретили их вырубку и объявили оставшиеся массивы под своей защитой. Чтобы местные жители ясно видели границы охраняемых массивов леса, их обсадили по периметру саженцами австралийских эвкалиптов.

Однако уже в середине XX века в горах Узамбара жило между 100 и 200 тысячами человек и под их напором фрагменты леса продолжали сужаться и некоторые исчезли совсем. Вдоль узкого русла небольшой реки стояли согнувшись десятки женщин и стирали свои одежды, используя новейшие стиральные порошки, отчего вода в реке становилась мыльной и малопригодной для обитания в ней водных организмов. В лесу постоянно слышались удары панг - африканский сорт мачете - и на дорогах часто попадались мужчины, женщины и дети, нагруженные ветками и сучьями для строительства и употребления в очагах. В глубине леса я наткнулся на примитивную лесопилку из нескольких бревен потоньше, на которые укладывается ствол и распиливается на доски двумя людьми сверху и снизу. Фрагмент первичного леса, где я совершал экскурсии, был размером около двух квадратных километров, однако со всех сторон он был пересечен тропинками и сильно разрежен у краёв. Внутри на крутом склоне ещё сохранился участок почти девственного леса с высокими деревьями размером с большой европейский дуб, однако, я полагал, что через пару лет предприимчивые африканцы из переполненных соседних деревень доберутся сюда сперва с пилами за древесиной, а затем с лопатами, чтобы посадить кукурузу и накормить ею себя и своих вечно голодных детей. Как и всюду на свете, перспективы у тропического леса самые неопределенные и, скорее всего, грустные.

В горах восточно-африканской дуги я очень надеялся найти жуков-жужелиц из группы Аниллина. Это самые маленькие жужелицы в мире и размер взрослого насекомого редко превышает один миллиметр. В продолжении нескольких лет я изучал их личинок и в Претории даже выполнил один личный проект выходного дня с описанием и анализом личинки Аниллина рода Геохаридиус из Мексики. Однако сейчас меня интересовало найти не личинку, а самих жуков. В отличие от большинства жужелиц, которые обитают на поверхности почвы, все известные виды Аниллина числом около пятисот встречаются исключительно под глубоко сидящими в земле камнями на глубине не меньше двадцати сантиметров в плотном слое почвы. Жуки эти настолько малы, что они живут в

микротрещинах почвы и проводят там всю свою жизнь, ни разу не поднимаясь на поверхность. Разумеется, они совершенно слепы и основными органами чувств для ориентации в пространстве у них служат ряды тонких и длинных щетинок примерно равные длине тела насекомого, которыми они воспринимают объем почвенных микротрещин. На территории бывшего Советского Союза до сих пор эти жуки не найдены и наверное поэтому долгие годы они казались мне особенно недоступными и потому интересными объектами изучения. Во время своего недавнего медового месяца я поймал первую Аниллину в лесу на югу Африки из-под камня, перевернув предварительно около двух сотен камней и потратив на это несколько часов тяжёлой работы. Жук этот пока оставался в моей коллекции единственным и поэтому я очень надеялся повстречать Аниллин в горах Узамбара и Улугуру. Жуки эти были известны с других горных массивов Центральной Африки, и если я их тут обнаружу, то это наверняка будут новые виды, а может быть, и роды.

За первые несколько дней я перевернул около сотни тяжелых камней и долго высматривал землю под ними, стоя на коленях среди высоких деревьев. Аниллины не попадались. Я уже полагал, что собрать их будет труднее, чем я думал, когда мне на помощь пришёл случай. Однажды утром я шёл по дороге вдоль ручья к лесу, когда за мной увязалась стайка хихикающих чернокожих детей. Я пропустил их вперед, они скрылись в лесу, и я решил попытаться сходить в лес на противоположном берегу ручья, чтобы избежать их близкого соседства во время сбора насекомых и заодно посмотреть на новое для себя место. Лес этот был много ближе к дороге и оттого значительно более пострадавшим от человека. Большинство крупных деревьев было спилено и на каждом шагу мне попадались старые пни. Около одного из них лежал подходящего вида камень, и, опустившись на колени, я с некоторым усилием вывернул его из земли и на тёмном фоне увидел две янтарные точки. Это были два экземпляра Аниллин.

И тогда в лесу Узумбара в Танзании, и даже сейчас в селе Бневское на юге Дальнего Востока, где я пишу эти строки, мне казалось и кажется вполне уместной радость и состояние восторга от находки этих двух жуков, каждый размером чуть меньше миллиметра. Однако я вполне понимаю, что критически настроенному читателю радость эта может показаться несколько странной. В самом деле, что особенного в находке этих

двух насекомых, относящихся к группе, о существовании которой во всем мире знают два десятка человек. Находка эта не имела никакого отношения к теме моего текущего постдока по личинкам пластинчатоусых в Претории, равно как и к моему следующему контракту в Германии по личинкам стафилинов. Маловероятно даже, что в ближайшие несколько лет я смогу должным образом изучить своих Аниллин и написать о них статью, ибо это достаточно трудоемкая работа и ни одно агентство мира не согласится поддержать финансово этот проект. И тем не менее я был страшно рад увидеть этих жучков. Мне приходят на ум адвокат Алессандро Фоссато, который по вечерам изучает жуков Цератокантид, или бывший военный Филл Кей, который оставил службу и решил целиком посвятить себя микроскопическим жукам веерокрылкам. Я не думаю, что они смогут кратко объяснить, что привлекает их в работе с насекомыми. Мне остается только надеяться, что где-то между строк этой книги читатель тоже почувствует, что это на самом деле здорово - интересоваться маленькими жуками, и тогда мой восторг от находки двух Аниллин уже не покажется ему странным или неуместным.

Остаток дня я провел тут же на склоне и ползая на коленях в густых зарослях растений, разыскал и перевернул несколько сот камней, под которыми к концу дня я обнаружил около десятка Аниллин. На первый взгляд они казались мне двумя разными видами, однако, в полумраке леса и без увеличительных приборов проверить эту догадку было невозможно. Вечером я еле успел натрясти мешок лесной подстилки, которую ежедневно приносил из леса к своей палатке у Дома Гранта и помещал в аппарат Винклера, откуда мелкие насекомые сыпались в воронку вниз. Уже в легких сумерках я поднялся на холм к своей палатке, и тут я увидел, что у меня появились соседи. Неподалеку стоял автомобиль, две палатки и около них ходило несколько европейцев.

Приехавшие были два шведа из Дар-ес-Салама со своими женами и детьми. Оба они долго жили в Танзании: один работал в посольстве, а другой был специалистом по сельскохозяйственной технике. Большая часть различной помощи в Танзанию поступает из скандинавских стран, и этот Густав присматривал за несколькими десятками шведских тракторов и комбайнов в стране и помогал в их ремонте. Вечером, после того, как я разобрал свой улов и сменил содержимое ловушки Винклера, мы собрались в столовой и несколько часов болтали о жизни в Африке. Я рассказал им о своей работе с жуками, а

Густав, к тому времени немного захмелевший от пива, поделился своими наблюдениями о нравах и образе жизни танзанийцев.

- Я здесь шестой год, - сказал он. - Контракт длится три года, и я заканчиваю уже второй срок. Тут совсем неплохо платят, как дома, а работа... Нормальная работа, тоже, как дома. Платит мне, разумеется, правительство Швеции. У Танзании на это нет денег да, в общем-то, и желания. Я занимаюсь сельскохозяйственной техникой, а их в первую очередь интересует оружие. Ты наверное не слышал, страны-доноры сейчас планируют временно приостановить свою помощь им. Почему? Правительство Танзании недавно купило два британских военных самолета на очень большую сумму. В Африке все просто помешались на вооружении, в то время как народ неграмотный и мрет от СПИДа. Вот поэтому и подумали, раз у этих засранцев есть деньги на оружие, значит, и помогать им нечего. Хотя, конечно, всё это ерунда; как помогали, так и будут помогать. Впрочем, я-то знаю, зачем это делается. Я хорошо знаю, что на самом деле пользы от этой помощи никакой, а даже скорее просто вред.

Последние несколько месяцев я действительно читал на специализированном африканском новостном сайте в Интернете об этой странной покупке Танзанией военных самолетов и о критике этого решения в Европе. Впрочем, Танзания была не единственной. Правительство ЮАР недавно совершило ещё более крупную сделку и вся оппозиционная пресса страны резко её критиковала. Эта покупка для ЮАР казалась ещё более странной, чем для Танзании, ибо на юге континента ни одна страна не могла даже близко быть опасной для Южной Африки. Я продолжал с интересом слушать своего собеседника.

- Да, мне тут вполне нравится. Цены тут низкие и оттого у меня очень высокий уровень жизни. Моя жена тоже работает. Из Швеции нас тут несколько семей, и моя жена устроила для них детский садик. Дер, правда, приличная дыра и вечером далеко ходить опасно, но зато мы объездили все национальные парки. В Серенгети были раз десять, наверное. И знаешь, что странно? Там никогда не бывает чернокожих. Черт его знает почему; для них и цены намного ниже, и прочее, а все равно не ездят. Впрочем, тут люди живут совсем в другом мире и мыслят совсем иначе

- Я ведь тоже так раньше думал, что надо помогать странам Африки встать на ноги, наладить дороги, ну там воду провести, свет и вообще. А сейчас я так не думаю. Сейчас я думаю, что вся эта помощь пользы вообще никакой не приносит, а часто даже наоборот. А происходит это оттого, что люди у нас в Швеции и здесь в этой самой Танзании живут и думают совсем по-разному и друг друга не понимают. Ты понимаешь, о чем я толкую?

Густав откупорил ещё одну бутылку пива.

- В самом начале я, наверное, с год работал на бурении скважины. Мы ездили по селам и бурили им скважины. Это для воды..., для чистой воды. Я никогда не забуду одну историю. Вот здесь, недалеко отсюда, но не в горах, а на равнине..., приехали мы в село. Воды в нём нет, и каждый день женщины села собираются и идут вместе два часа к источнику, а потом уже с водой на голове ровно столько же идут обратно. Ну казалось бы: пробурить надо скважину в деревне, ходить никуда не надо, и вам от этого хорошо, и польза. Самая такая прямая помощь от Швеции Танзании. Приехали мы, пробурили. И что получилось? А получилось вот что. Через пару месяцев женщины в этой деревне стали сходить с ума. А почему? А потому что раньше они днем могли сбежать от своих мужей, побыть вместе, поболтать и отдохнуть. А теперь время это свободное походов за водой у них исчезло, исчезла вся многолетняя организация жизни, от мужей спрятаться им негде, они их колотят, и всё - жизнь в деревне ухудшилась. Такая вот от нас помощь.

- Но это только следствие, а не причина. Причина совсем в другом. Причина вся в климате. У нас на севере Европы на протяжении тысяч лет каждый человек знал, что если летом он не построит себе дом и не приготовит еду, то зимой он непременно умрет от голода и холода. Поэтому человек научился думать о завтрашнем дне и запасать для этого что угодно: деньги, еду, жилье. Ленивые там просто не выживают. А в Африке? Зимы тут нет, погода круглый год теплая и всегда можно кое-как перебиться до завтра, а потом снова до завтра и так далее. Вот и получается, что нет смысла думать об этом завтра и к нему готовиться. У этих бедных женщин образовалась целая куча лишнего времени, которое им некуда было употребить, и тогда возникла проблема.

- Вот и получается, что вся идея накопления еды, денег и прочих благ, чтобы пережить неблагоприятное время года в Африке отсутствует. Вместо этого богатства все накапливаются совсем с другой целью - ради возвышения социального статуса. Чем больше богатств, тем важнее человек. Отсюда и происходит, что именно в Африке все чиновники думают не о благе ближнего, а только о том, как набить свой карман. И, удивительно, простой народ считает, что так и должно быть и что иначе было бы просто глупо. И не дай Бог, если страна богата нефтью или другим сырьем - жизнь людей от этого лучше не станет, а скорее, наоборот. Посмотри, что стало с Конго? Слава Богу, в Танзании ни нефти, ни урана нету, поэтому тут хоть не воюют.

Густав понемногу хмелел все больше и больше, и скоро я был вынужден оставить его одного допивать своё пиво, а сам отправился спать к себе в палатку. Назавтра мне предстоял новый день охоты за жуками, и эта мысль доставляла мне большое удовольствие. Светила полная луна, и было тепло. Небольшой оппортунистический паук успел сплести паутину в углу и поймал комара. Из деревни доносились песни под аккомпанемент двух барабанов. Я лежал поверх своего спального мешка, раздумывал над "теорией" Густава и изнутри смотрел, как по внешней поверхности палатки полз и прыгал древесный лягушонок. Хорошо были видны контуры его миниатюрных ступней и длинные тонкие пальцы, заканчивающиеся характерными кружочками присосок. Голова возвышалась над поверхностью палатки, и оттого её контур был совсем неотчетливый. Прыжками и перебежками он забрался на самый верх и сидел там, пока я не уснул; наутро там его уже не было.

Глава 30

Наступил день, когда мне предстояло покинуть гостеприимный Дом Гранта и на автобусах перебраться из западной части гор Узамбара в их восточную часть, в окрестности природного заказника Аmani. За несколько часов и без больших приключений, не считая блюющих за моей спиной пассажиров автобуса, я спустился мимо города Лушото на трассу Аруша - Дар-ес-Салам и затем свернул на север на дорогу в сторону города Тонга на берегу Индийского Океана в самом северо-восточной углу Танзании. Я покинул

автобус в местечке Мухеза, от которого мне предстояло добираться ещё 30 километров до Амани. На карте Мухеза выглядит большой и солидной точкой, однако в действительности это - две длинные немощные улицы на склоне холма с покосившимися сараями из дерева и глины. Люди, тем не менее, были оживлены и как почти всюду в Африке казались вполне довольны своей жизнью. К сожалению, мало кто из них говорил по-английски, чтобы подсказать мне, когда будет автобус до Амани. После некоторых поисков я разыскал водителя, который сказал, что автобус отправится в час дня. Мне стоило труда понять эту информацию, ибо на языке суахили отсчет времени происходит двумя 12-часовыми периодами и каждый начинается не в полдень и полночь, а с момента заката или восхода солнца, которое круглый год происходит в 6 вечера или утра соответственно. Поэтому, по словам водителя, автобус должен был отправиться в 7 часов дня, что меня сперва напугало, и только потом я вспомнил о времени исчисления на суахили и отнял 6 часов. Мне оставалось ждать ещё три часа и делать это в Мухезе вовсе не хотелось, ибо было жарко, пыльно и, кроме того, гуляя туда-сюда в поисках водителя, я успел привлечь всеобщее внимание. Я зашёл в одну из многочисленных закусовых и там в узком коридоре за не струганым столом и с полчищами мух заказал себе жареной картошки с яйцом, причем заставил смущенного подростка-повара яйца эти смешать с картошкой и минут десять тушить под крышкой во избежание сальмонеллеза. Подкрепившись таким образом, я снова одел свой рюкзак и отправился пешком по дороге до Амани, ожидая, что на попутке я доберусь туда раньше автобуса.

Примерно через полчаса ходьбы по пыльной дороге среди ветхих хижин и маисовых полей меня подобрал грузовик и провез большую часть пути до Амани. Дорога очень медленно поднималась в гору и на протяжении двадцати километров слева и справа от неё тянулись хижины африканцев. Когда-то большая часть этих земель была покрыта влажным лесом, а сейчас он исчез и на его месте несколько десятков тысяч полуголодных людей добывают себе из земли скудные средства для существования. Подросшие цыплята в деревнях очень быстро бегали в поисках пищи и походили больше на голодных миниатюрных тиранозавров, чем на птиц. Было очень жарко, и солнце стояло почти абсолютно вертикально, чего никогда не бывает в умеренных широтах. В нескольких местах дорога шла мимо выходов скал и там под примитивными навесами из веток и старого пластика сидели на скалах женщины, били камнями по камню и получавшийся щебень складывали

в кучи. Их руки были покрыты трещинами и белой каменной пылью, а выражение глаз было совсем пустое.

Наконец я увидел границу леса, и здесь водитель высадил меня из машины. Оставшиеся семь километров я прошёл пешком и оказался у штаб-квартиры природного заказника Амани на десять минут раньше автобуса из Мухезы. Последний был невероятным образом переполнен: люди стояли, висели на подножках и несколько человек сидели на крыше среди мешков с зерном, кур и разноцветных сумок. За небольшую плату я поселился в пустой гостинице на берегу ручья и договорился, чтобы меня здесь кормили. В тот же вечер я собрался с силами после утомительного переезда и до захода солнца успел совершить экскурсию в лес.

В отношении качества и сохранности леса восточная часть гор Узамбара вокруг Амани мне понравилась значительно больше, чем западная часть около Дома Гранта. В конце XIX века Амани был выбран немецкой колониальной администрацией для создания большого ботанического сада и, соответственно, своеобразного центра биологических знаний. Колониальные власти и затем правительство независимой Танзании охраняли этот лесной массив ещё и потому, что стекающая с этих гор вода питала город Тонга. В начале XX века финская компания вела заготовку древесины и даже построила узкоколейную дорогу для этих целей, однако вскоре этот бизнес прекратился, дорога перестала существовать и сейчас правительство Финляндии финансирует программу по сохранению леса в восточной части гор Узамбара, его мирному сосуществованию с многочисленными частными плантациями, которые там и сям стали замещать лес. Мне показалось, что определенный баланс между лесом и человеком был достигнут, и оттого были хорошие шансы, что лес, а вместе с ним и уникальные разнообразные насекомые, будут сохранены от исчезновения.

Почти неделю провел я в лесах в окрестностях Амани, и эти ежедневные прогулки доставляли мне большое удовольствие. День за днем уходил по утрам в лес и до самого захода солнца у меня было много интересных дел в лесу. Каждый день я набирал в мешок лесную подстилку, приносил её в свою комнату и пересыпал в ловушку Винклера. По утрам я доставал из этой ловушки мелких интересных насекомых и помещал в спирт для

последующего изучения их в Претории. Лес около штаб-квартиры был всего на высоте 400 метров над уровнем моря, по характеру растительности совсем тропический, жаркий и в нём водилось несметное количество темных крупных тараканов размером со вторую фалангу среднего пальца. Каждый раз примерно дюжина этих животных попадала в мой мешок и затем уже у меня в комнате сбегала из него и пряталась по углам. В течение нескольких дней я приносил все новые и новые охапки лесной подстилки, и количество тараканов в моей комнате дошло до критического количества. Вечером стоило войти в комнату и включить свет, то можно было увидеть больше десятка этих забавных существ. Впрочем, неудобства от этого соседства я не испытывал вовсе, ибо днем гулял в лесу, а ночью спал под москитным пологом. Уже после отъезда я несколько раз с надеждой думал, что они со временем убегут в лес, иначе следующего неподготовленного жильца моей комнаты могло поджидать серьезное испытание на душевную прочность.

В Амани я соорудил другую энтомологическую ловушку, которая называется "оконная" или "прерывающая полет". Выглядит она как прямоугольное полотно из прочной и тонкой сетки наподобие той, из которых делают противомоскитные пологи. Кусок такой ткани размером метра на два растягивают по длине на высоте 20 см по нижнему краю перпендикулярно земле. Получается своего рода экран, о который летящие насекомые будут ударяться и падать вниз, где устанавливают чашки с водой и каплей растворенного шампуня, чтобы уничтожить пленку поверхностного натяжения и не дать мелким насекомым выбраться из воды. Ловушку эту обычно ставят в глухом лесу и проверяют раз в день, вычерпывая многочисленных мелких насекомых из воды при помощи аквариумного сачка с тонкой ячейкой. В тропическом лесу "оконная" ловушка обладает поистине поразительной продуктивностью и позволяет собрать многих скрытноживущих насекомых, которых иным способом обнаружить практически невозможно. Именно в "оконные" ловушки собрано подавляющее большинство мермекофильных и термитофильных жуков, которые обычно живут со своими хозяевами глубоко под землей и только изредка вылетают из гнезд для расселения. Чтобы повысить продуктивность "оконной" ловушки, около неё можно набросать разломанные грибы или части термитника и тогда на их запах полетят специфические жуки.

Мой друг Брюс Мунро из Оттавы однажды рассказывал мне, как однажды в Боливии он обслуживал несколько таких ловушек и по какой-то причине ему пришлось вскопать землю вокруг одной из них. На следующий день в этой ловушке Брюс обнаружил несколько экземпляров редчайшего жука-навозника, который был привлечен запахом свежевскопанной земли. Брюс попробовал повторить этот опыт с другими ловушками и наловил большую серию этого жука, который прежде был известен всего по нескольким старым музейным экземплярам.

В окрестностях Амани особенно интересными были водные жуки. Для их сбора я заходил в широкое русло ручья, поднимался постепенно по скалистому ложу, переходя его вброд или перепрыгивая с берега на берег. В быстрой и холодной воде горных ручьев почти по всему миру, и особенно в тропиках, обитают многочисленные и крайне разнообразные жуки элмиды. Другое их русское название - жуки-прицепыши. Жуки эти размером от двух до пяти миллиметров и попадают они на скальном дне ручьев или на поверхности крупных погруженных камней. Там они сидят, крепко прицепившись к скале непропорционально крупными коготками и питаются органическими веществами на поверхности камней. Двигаются эти жуки крайне медленно и будучи вытасканными вместе с камнями из воды обычно замирают неподвижно. Одно время я был очень увлечен этими жуками и собирался даже изучать их профессионально, однако вскоре я убедился, что интересного в мире жуков слишком много и чтобы делать работу профессионально, необходимо своё знакомство с некоторыми группами ограничить лишь самым общим образом. Так вот, жуки-прицепыши остались за кормой моей работы, однако, я сохранил к ним большой интерес и с удовольствием при случае собираю их в ручьях для своих коллег. Разнообразие этого семейства меня не перестает удивлять и к имеющейся тысяче их видов каждый год добавляются десятки новых, в первую очередь из Китая и юго-восточной Азии вплоть до Новой Гвинеи. Из Африки известен даже единственный пещерный вид этой группы, открытый в подземных водах бассейна реки Конго.

Однажды я отправился от Амани по дороге на склон леса попереворачивать камни в надежде собрать новых Аниллин, которые скорее всего будут представлены здесь видом, отличным от такового в окрестностях Дома Гранта. Я шагал по автомобильной дороге и смотрел не под ноги, а на верхушки деревьев, в которых прыгала стайка маленьких

обезьян. Наверное я слишком сильно задираю голову вверх и потому не заметил удиравшую от меня небольшую змею, которой я аккуратно наступил прямо на голову. За почти три года жизни в Африке это была моя вторая и последняя встреча со змеей. Бедняжка не имела даже шанса меня укусить, однако к своей чести я отпрыгнул в сторону раньше, чем раздавил её хрупкую голову и затем она быстро исчезла в придорожных кустах. Я тоже вздохнул с облегчением и дальше смотрел только себе под ноги.

Через несколько минут мне повстречался молодой чернокожий парень лет 23, нагруженный гроздьями бананов. Он завязал со мной разговор на плохом английском языке и предложил купить у него несколько бананов. Именно от него я услышал самую низкую цену на этот продукт, когда-либо мне предложенную. За один банан среднего размера он просил десять танзанийских шиллингов, что соответствовало ровно одному американскому или европейскому центу. Я был вынужден отказаться от такой выгодной сделки, ибо плотно позавтракал и вдобавок нёс с собой пакет еды, чтобы перекусить в лесу в середине дня. Было видно, что ему очень хотелось со мной поговорить, и некоторое время мы стояли на лесной дороге и болтали. Он сказал, что уже три года, как закончил бесплатную начальную школу, сейчас он крестьянствует, но на самом деле хочет пробиться в жизни и спрашивал у меня помощи или совета. Я сказал ему, что, на мой взгляд, ему следует поступить в университет, но перед этим ему ещё следует закончить четыре года старших классов школы, и эта дополнительная учеба стоит сто тысяч танзанийских шиллингов в год - эквивалент ста евро - и это совершенно непомерная по его доходам сумма денег. Я сказал ему, что денег этих я ему не дам, ибо в делах образования самое главное - это иметь собственное желание и целеустремленность, и тогда средства найдутся сами собой. Возможно, ему следует поехать в Дар-ес-Салам и попытаться там заработать эту сумму, ибо его банановый бизнес едва-едва держал его на плаву и одежда на нём висела лохмотьями. На прощанье я дал ему свою визитку и сказал, что он всегда может спросить моего совета, если он на самом деле намерен постараться продолжить учебу. Он воодушевился, горячо пожал мою руку и сообщил, что вот теперь он знает что делать, что с января он возвращается в школу и что я дал ему стимул в жизни. Я очень надеюсь, что это произошло на самом деле.

Ужинать в штаб-квартире Амани я обычно садился один, ибо других посетителей природного заказника кроме меня не было. Сегодня, однако, уже на подходе к столовой я услышал характерную английскую речь и внутри увидел целую семью. Это был англичанин по имени Марк с женой и ребенком, а с ними ещё его брат с женой. Марк был любителем орнитологии и от него я впервые услышал о довольно необычной цели: в течение года увидеть тысячу видов птиц. Свой птичий марафон Марк начал почти год назад и отправился на рождественские каникулы в Мексику и затем Коста-Рику. В середине года он наблюдал птиц в Малайзии и Индонезии и вот сейчас заканчивает год в Восточной Африке. Все эти путешествия в дополнении к регулярным экскурсиям в Великобританию позволили ему увидеть около 980 видов, и оставшиеся двадцать он намеревался встретить ещё до окончания своей текущей поездки. В Амани он планировал находиться всего два дня и затем за один день перебраться в альпийскую зону горы Кении, чтобы увидеть там характерных солнечных птиц и довести счет до тысячи. Мне показалось немного абсурдным так быстро переезжать с места на место в погоне только за короткой встречей, а не за наблюдением птиц. Марк был, очевидно, очень состоятельным человеком, ибо он арендовал микроавтобус с водителем и поваром, которые во время нашей беседы готовили пищу для его семьи. За ужином я рассказал ему о своей работе, поделился опытом похода на гору Кения и посоветовал не совершать слишком быстрый подъем в альпийскую зону, чтобы иметь время адаптироваться к высоте и избежать горной болезни.

Неделя в окрестностях Амани пролетела быстро, и на следующее утро мне предстояло спускаться из леса к деревне Мухеза по трассе Тонга - Дар-ес-Салам и переезжать в город Морогоро, откуда я намеревался отправиться в изолированные горы Улугуру. Покидая горы Узамбара, я оставался вполне довольным своими сборами жуков в обоих их частях: западной и восточной. В ловушки Винклера из моей подстилки попадало несколько свернувшихся в шарик жуков - Цератокантид, и я надеялся, что они порадуют моего друга Алессандро. В обоих местах мне удалось собрать подземных Аниллин под глубоко вросшими камнями и теперь мне не терпелось добраться поскорее до микроскопа в Претории и внимательно посмотреть на них под большим увеличением. Очень хорош был сбор жуков-веерокрылок для моего друга Филла Кея, включая большое количество наннозелин из древесных грибов-трутовиков. Ещё было несколько банок спирта,

наполовину полных разными членистоногими из лесной подстилки и среди них я ожидал обнаружить много интересных маленьких жуков. Моей последней мыслью в эту ночь было то, что прошла уже половина новой восточно-африканской экспедиции и пока, слава Богу, всё идет по плану.

Глава 31

В город Морогоро я приехал в жаркое послеполуденное время после шести утомительных часов по тряской дороге. На заключительном сорока-километровом участке велись дорожные работы, остатки асфальта были сняты, дорога для движения транспорта закрыта и взамен её проложена одиночная колея прямо через африканскую саванну. Большая часть пути проходила через малонаселенную засушливую равнину от горизонта до горизонта с жарким африканским солнцем прямо в зените. Мне уже стало казаться, что до темноты наш автобус не успеет добраться до Морогоро, когда сквозь дневное знойное марево показались контуры хребта Улугуру и примерно ещё через час автобус наконец остановился на главной рыночной площади города.

Город Морогоро расположен у северной оконечности хребта Улугуру и оттого горы видны отовсюду с улиц. В этом отношении Морогоро напоминал мне Кейптаун с его Столовыми Горами, правда по количеству жителей и архитектуре Морогоро выглядел совсем блекло. Мой путеводитель сообщил, что в городе живет около 200 тысяч человек, имеется второй на значимости национальный университет Сокоине, станция железной дороги без пассажирского сообщения и крупные табачные фабрики. Своим возникновением город обязан расположенным рядом горам, которые осаживают на своих вершинах влажные массы воздуха и питают Морогоро, а вместе с ним и Дар-ес-Салам пресной водой. Нижние склоны по всему периметру хребта Улугуру покрыты многочисленными деревьями и все доступные уголки земли интенсивно возделываются. Как всюду в Африке, лес отступает под натиском человека все более и более, и его нижняя кромка поднимается все выше и выше. Северная часть хребта около Морогоро пострадала больше всего и многие склоны потеряли сперва все деревья, а вслед за этим ветер и эрозия смыли почву и обнажили скалы. Для сбора жуков я планировал отправиться на южную оконечность хребта

примерно в сорока километрах от Морогоро, где, судя по описаниям, ещё сохранились сравнительно большие массивы первичного леса.

На шумной рыночной площади я подозвал праздно шатающегося африканца и попросил показать мне дорогу до дома Памба, где располагался офис Танзанийского общества охраны природы и где работал мой знакомый датчанин Томас Лемберг, который приглашал остановиться у него дома. Томас оказался худым молодым человеком лет тридцати. Подобно моему знакомому шведу Густаву, Томас также находился в Танзании на трёхлетнем контракте, финансируемом правительством его страны, и его работа была охранять остатки леса в Улугуру. Томас снимал две небольших комнаты для своей организации, и у него был штат из пяти африканских помощников. В его кабинете я посмотрел на большую фотографию хребта Улугуру из космоса, на которой были отмечены зоны порубок, и они поразили меня своими размерами. К счастью, правительство Танзании недавно поняло, что без леса Улугуру весь полутора-миллионный город Дар-ес-Салам останется без пресной воды и оттого должно было принять меры по защите леса от полного истребления. По благоприятному стечению обстоятельств назавтра Томас со своими помощниками как раз собирались поехать в деревню Ньяндира на юго-западной оконечности хребта, которая была вполне подходящей для того, чтобы остановиться и совершать ежедневные экскурсии в лес на склоны. Томас пригласил меня переночевать у него дома и, поскольку рабочий день уже закончился, мы вместе отправились к нему.

Томас был одним из тех европейцев, для которых Африка стала второй родиной. В университете он несколько лет подряд приезжал из Дании на горы Удзунгва для орнитологических исследований и был награжден открытием и описанием совершенно нового вида и рода птиц из отряда куриных. Затем Томас несколько лет принимал участие в природоохранной программе в Кении на деньги Организации Объединенных Наций и там женился на фантастически красивой чернокожей женщине из племени Кикуйо по имени Джорджина. У них рос полуторагодовалый сын-метис и уже три года они жили в Танзании. Томас говорил, что он нашёл себе уже новый контракт по охране природы в Танзании, и они намеревались перебраться в Дар, который остаётся крупнейшим городом страны и его неофициальной столицей. Джулиус Ньерери, первый президент страны,

перенес столицу в Додому, в самый центр Танзании, однако за многие годы Додома так и продолжает оставаться удаленным небольшим городком, в то время как весь бизнес и большинство иностранных консульств по-прежнему остаются в Дар-ес-Саламе.

Когда на следующее утро на машине Томаса мы покидали Морогоро, я стал свидетелем одного необычного действия. Около переезда через полу-заброшенную железную дорогу стояла небольшая необитаемая станционная будочка размером всего несколько метров и с выбитыми окнами с каждой стороны. Несмотря на ранний час, вокруг неё суетилась и приседала толпа молодых африканцев, преимущественно мужчин, многие заглядывали внутрь через окна, кричали, странно жестикулировали и по их мимике и возбуждённо-радостным физиономиям было видно, что происходит что-то одновременно очень интересное и неприлично-отталкивающее. Мои чернокожие спутники в машине тоже припали к окнам машины и затем оживленно заговорили на суахили. Моей первой мыслью было, что произошло убийство и толпа любопытных волнуется вокруг трупа. На мой вопрос один из находящихся в машине ответил:

- Нет, это не убийство. Это у одного мужчины была неверная жена. Он работал ночью, а она бегала к своему любовнику в этот дом. Наконец муж узнал об этом и решил подстеречь их там. Сегодня ночью он с родственниками поймал их тут, побил, отобрал одежду и оставил их сидеть внутри. Сейчас они там вдвоем голые и все смотрят на них. И поделом ей, будет знать, как изменять своему мужу.

Я спросил, а что будет с ними дальше и узнал, что рано или поздно приедет полиция и, наверное, заберет их в участок. Я не понял точно, что станет с мужчиной, но женщину наверняка ожидает уголовное наказание за прелюбодеяние, что по законам Танзании является преступлением. На мой вопрос, будет ли наказан её муж и его родственники за нанесенные побои и психические травмы несчастной влюбленной паре, мои спутники удивились и затем сказали, что нет, что оскорбленный муж действовал в своем праве. Такое положение дел мне показалось странным, однако, я воздержался от комментариев.

Сорок километров от Морогоро до Ньяндиры наша машина преодолела за пять часов. На заключительном этапе разбитая дорога круто взбиралась в гору, и на этом участке

автомобиль мог двигаться не быстрее пешехода. Все эти склоны когда-то были покрыты роскошным лесом, в теперь его вытеснила кукуруза и капуста, которой, казалось, был засеян каждый ровный участок. После одного из поворотов мы неожиданно увидели большой грузовик, который, перевернувшись, упал с дороги и теперь лежал на боку, и вокруг него было рассыпано несколько сотен или даже тысяч вилок капусты. Очевидно, что случилось это совсем недавно, и мы первыми успели к месту аварии. Водителя нигде не было видно, однако, подъехав ближе, я с некоторым ужасом увидел две человеческие ноги и нижнюю часть тела, придавленные тяжелым кузовом к земле. Мне подумалось, что зрелища мертвого тела мне сегодня не избежать, однако ноги зашевелились и из-под машины выполз заспанный африканец. Ему было едва больше 18 лет, по своей неопытности он перевернул машину и теперь не имея понятия чем себя занять, устроился спать в её тени. Его поведение показалось мне удивительной комбинацией хладнокровия и беспечности.

Неделя полевых работ на хребте Улугуру оставила у меня смешанное чувство. С одной стороны леса сохранилось сравнительно немало, рос он на крутых склонах и был совершенно великолепен. С другой стороны, прямо у границы леса располагалось несколько африканских деревень с несколькими тысячами голодных жителей, для которых сельское хозяйство было единственным источником очень небольшого дохода. В отсутствие сильного голода и эпидемий население этих деревень, а вместе с ними и всей Восточной Африки возрастало на три процента каждый год и удваивалось каждые двадцать лет. Для новых людей была нужна земля, чтобы соорудить хижину, древесина на её постройку, приготовление пищи и, самое важное, свободная земля для капусты и кукурузы. Терассирование крутых горных склонов жителям Ньяндиры было неведомо, и по этой причине плодородный слой почвы за несколько лет совершенно вымывался дождями. Одной из главных задач Томаса было обучение крестьян созданию террас и сохранению или посадке лесополос для борьбы с эрозией. Пока же ничего этого люди не знали, почвы истощались, старые поля становились непригодными и вместо них расчищали новый участок леса. Наблюдать такую практику мне было очень горько.

По рекомендации Томаса я поселился в небольшом доме, который принадлежал звероводческой станции Университета Сокоине и отсюда совершал свои ежедневные

экскурсии в лес. Дорога до леса в одну сторону занимала полтора часа и проходила через бесчисленные огороды кукурузы и капусты. Южная оконечность хребта Улугуру была в стороне от маршрутов туристов из-за океана и потому для многих африканцев появление среди их полей европейца с рюкзаком было в диковинку. Особенно радовались голые и полуголые дети детоподобных матерей. Представьте себе тихий вечер в африканской деревне в самом центре Танзании. В сумерках на пыльных дворах копошатся малыши, а другие, чуть постарше, палками гоняют по тропинкам кольца от проволоки. Неожиданно в тишине мирного вечера раздаётся громкий и немного растерянно-настороженный детский крик: "Мзунгу!" Вслед за ним другой детский голос вопросительно и ещё не видя меня: "Мзунгу?" и затем через две секунды, разглядев меня сквозь стебли кукурузы сразу все три или четыре голоса и очень радостно: "Мзунгу!!!"

Моей главной задачей в горах Улугуру помимо общих сборов жуков из лесной подстилки, была поимка загадочного жука-веерокрылки из рода Рионета. После моей поездки с Филлом Кеем по Южной Африке и памятного разговора об этих замечательных микроскопических жуках я очень заинтересовался веерокрылками и во время своих сборов стал обращать на них особенное внимание. За прошедшие с переезда Филла полтора года я перечитал почти всю сравнительно немногочисленную современную литературу об этом семействе и узнал, что во всем мире есть всего четыре-пять человек, которые занимаются его изучением. Я все чаще и чаще подумывал присоединить себя к их числу и со временем посвятить часть своей жизни изучению веерокрылок, особенно Африканского континента.

Во время подготовки к экспедиции по горам восточно-африканской дуги мне на глаза попала совсем небольшая статья с обработкой сборов веерокрылок бельгийской научно экспедиции на горы Улугуру, совершённой примерно тридцать лет назад. В статье, помимо регистрации находок нескольких известных видов, было описание совершенно нового для науки рода этих жуков, который автор назвал Рионета. Описание было основано всего на трёх экземплярах этих жуков и, судя по рисункам, это на самом деле были очень необычные животные длиной чуть меньше одного миллиметра. В статье было сказано, что жуки эти были собраны из лесной подстилки на южной оконечности гор Улугуру на склоне хребта около плато Луквангуле, и с тех пор жуки эти собраны вновь не были. Честно говоря, я не думал, что кто-либо из энтомологов будет организовывать

специальную экспедицию за Рионетой, ибо слишком мало было людей, которых интересовало это семейство. Однако, отправляясь в свою экспедицию, я решил отыскать плато Луквангуле и, если повезет, собрать дополнительную серию этих насекомых.

В свой поход на плато Луквангуле я отправился с таким расчетом, чтобы провести там ночь и вернуться в Ньяндиру вечером следующего дня. Верхние склоны хребта Улугуру во многих местах выглядят почти отвесными и мне понадобилось нанять проводника, чтобы разыскать среди полей выход на единственную тропинку наверх. Это был по африканским меркам пожилой человек лет пятидесяти, который сносно говорил по-английски. От него я узнал, насколько сильно отступил лес за последние несколько десятилетий и что в деревнях людям по-прежнему почти нечего есть. Мы снова пересекли многочисленные капустные поля, приблизились к кромке леса на очень крутом склоне и затем около двух часов медленно поднимались вверх по очень крутой тропе. Временами нам приходилось карабкаться по корням деревьев, словно по лестнице или помогать себе руками на особенно крутых местах. Несколько раз тропа исчезала в густой растительности, и мой проводник отправлялся на её поиски. Наконец крутизна склона начала уменьшаться, деревья попадались реже и ещё через несколько сот метров мы оказались на краю большой холмистой равнины, покрытой травянистой растительностью. Это было плато Луквангуле, лежащее на высоте 2400 метров над уровнем моря.

Оказавшись у цели моего похода, я отпустил своего проводника обратно в деревню и остался один. Весь тот и первую половину следующего дня я провел, обследуя плато в разных направлениях и нигде не дошёл до его края. Однако я не стремился сделать это, ибо опасался далеко уходить от моей тропы обратно в Ньяндиру и рисковать заблудиться в неожиданном тумане. Плато представляло собой неправильный овал, и если пересечь его поперек, то я окажусь у противоположного склона хребта Улугуру. Один раз я увидел трёх молодых чернокожих, которые полу-шли-полу-бежали по тропинке сквозь холмы. На плечах одного из них был полный пятидесяти-килограммовый мешок риса. Очевидно, они шли с противоположного склона гор в Ньяндиру или соседние деревни и были немало озадачены встречей со мной. Увидев меня, они от неожиданности замерли, немного посоветались, очевидно, пришли к выводу, что я человек безопасный и затем шагом

прошли мимо меня. Я поздоровался с ними на суахили, и они хором ответили и заулыбались. Вскоре тропинка сворачивала за небольшой холм, и они пропали из виду.

На плато Луквангуле я провел два восхитительных дня. Я несколько раз спускался в лес на склонах ниже плато, находил себе участки не слишком крутые и там брал пробы лесной подстилки, чтобы принести их обратно в Ньяндиру и выгнать из них жуков при помощи ловушки Винклера. Когда мои мешки для подстилки были наполнены под завязку, я оставил их и рюкзак под деревом и начал переворачивать глубоко сидящие камни в поисках Аниллин. Несколько часов я карабкался на четвереньках по крутому склону, выискивая подходящие камни, пробирался близко к земле под густыми ветвями и пока не собрал ни одного экземпляра. Я уже совсем решил прекратить эти поиски и заняться сбором жуков из-под коры, когда под очередным камнем я обнаружил не одного, а целых четырёх замечательных Аниллин. Я вполне ожидал, что это может быть новый вид или даже род и потому с особым удовольствием поместил их в пробирку со спиртом.

Незаметно приблизились короткие африканские сумерки. Во время поисков Аниллин я разыскал на крутом склоне ровную площадку размером с небольшую комнату и решил провести на ней ночь. Недалеко протекал тонкий ручей, и я сперва облился водой из кастрюли и затем вскипятил на примусе чай. Из Ньяндира я захватил с собой немного вареного риса с кусками цыпленка и теперь с удовольствием поужинал. Оказавшись так далеко от человеческих поселений в глубине настоящего леса, я чувствовал себя удивительно хорошо. Был тёплый африканский вечер. Я не брал с собой палатку и оттого расстелил свою пластиковую подстилку и спальный мешок прямо на полу леса. Пока было возможно, я сидел по-турецки на спальном мешке и дела записи в своем полевом дневнике. Затем я завернул дневник и ручку в пластиковый мешок, засунул его в рюкзак и залез в спальный мешок. Я лежал на спине, разглядывая темные контуры ветвей и листьев на фоне чуть более светлого неба и думал о том, как много хорошего и интересного принес мне мой африканский постдок. Потом я подумал, что со временем надо будет вернуться снова в Танзанию посетить горы Удзунгва и прочие изолированные звенья восточно-африканской дуги. Ещё я подумал, что если мне удастся собрать Рионету, то нужно будет подготовить небольшую статью с подробным переописанием этого рода. Интересно, сколько видов веерокрылок я привезу из этой экспедиции? Лягушонок запрыгнул ко мне

на спальник; по ветвям в кроне деревьев пробежала небольшая обезьяна или галаго; бесшумно полетела летучая мышь. Я уснул.

Только через полтора месяца, когда я закончил своё Новое Большое Жучиное Путешествие и вернулся домой в Преторию, у меня была возможность под микроскопом посмотреть свои сборы в лесной подстилке на плато Луквангуле и поискать среди них желанную Рионету. Мои ожидания не были обмануты, и среди разнообразнейших членистоногих обитателей подстилki тропического леса я обнаружил не один, а целых два вида этого рода, причем оба в количестве нескольких сот экземпляров. Всего же экспедиция принесла около полусотни видов веерокрылок, большую часть которых я послал своему другу Филлу, а оставшихся смонтировал в микроскопические препараты с намерением уже в Германии заняться этими жуками более подробно и описать новый вид рода Рионета. Сортируя новых веерокрылок по видам, я с улыбкой думал, что уже обеспечил себя личными проектами выходного дня на время жизни в Германии в дополнение к основной моей работе с личинками жуков-стафилинов. Впрочем, это было неизбежно, ибо чем больше занимаешься жуками, тем больше их бесконечное разнообразие потрясает и хочется успеть узнать о них как можно больше нового. Столько много, сколько позволяет короткое время человеческой жизни.

Глава 32

Моя вторая экспедиция в восточную часть Экваториальной Африки, подобно первой, была крайне удачной в смысле собранного материала. Помимо этого я снова с большим удовольствием совершил поездку по культурно и природно крайне своеобразным местам и сделав это, горд добавить, что всё прошло в точном соответствии с моим ранее разработанным планом. После восхождения на плато Луквангуле я вернулся в Морогоро, приехал в Дар-ес-Салам и отправился на несколько дней на мусульманский остров Занзибар и там, как настоящий турист, познакомился с архитектурными и прочими памятниками старины. Поездка эта имела особую прелесть, так как билеты во Дворец Султана продавал мой новый знакомый Фанаел, который учился в Советском Союзе на военного летчика и по его словам, провел там шесть лучших лет своей жизни. Он позвал

свою жену подменить его на продаже билетов, отвел меня в маленькую забегаловку на берегу океана и около часа мы болтали по-русски о жизни, и он рассказал мне о своей учебе в Союзе. Самые приятные воспоминания были связаны с его русской подружкой Наташей из Сочи, с которой он дружил в Союзе и даже летал на Черное Море знакомиться с её родителями. Фанаел с сожалением говорил, что эта поездка была тактической ошибкой Наташи, ибо она долго не решалась признаться родителям, что её возлюбленный - чернокожий. Фанаел вернулся в Танзанию один, некоторое время прослужил в армии, затем уволился, приехал жить на Занзибар и сейчас заведует музеем в бывшем Дворце Султана и иногда в отсутствие кассира продает входные билеты. Я с большим интересом и удовольствием слушал отличную русскую речь Фанаела, и к его радости помог ему вспомнить несколько изощренных и большей частью ненормативных армейских выражений. С ним мы расстались большими друзьями.

Второе моё путешествие по африканским тропикам не обошлось также без легких стрессов для моего здоровья. Ещё на хребте Улугуру я заметил, что как и год назад в Кении, тонкая кожа на сгибах моих четырёх конечностей краснеет, как будто её ожгли крапивой и нестерпимо чешется, особенно по ночам. Вернувшись в Морогоро, я провел беспокойную ночь и наутро, по совету Томаса, отправился к единственному, по его словам, надежному врачу в городе, который заведовал небольшой больницей при огромной табачной фабрике. Несколько километров я шёл вдоль громадных табачных цехов, от которых исходил сильный и очень характерный запах перерабатываемого табака. Табачная компания была самым крупным предприятием Морогоро и получить работу на ней для многих неквалифицированных африканцев было заветной мечтой. Заведующий заводской больницей был голландцем; он сказал, что причина моей немощи в резкой смене климата, прописал нехитрые успокоительные мази, и через пару дней я был полностью здоров. Впрочем, более, чем влияние мази, в своем излечении я склонен подозревать, скорее, своё успокоение после визита к квалифицированному врачу.

Второй мой недуг был менее серьезным, однако, значительно бурным и беспокойным. Прощаясь со мной на Занзибаре, Фанаел преподнес мне стакан соку сахарного тростника, который чернокожие подростки выдавливали прямо на берегу из водянистых стеблей растения при помощи двух валиков для отжимки белья. Сок этот показался мне

необыкновенно вкусным, и вечером этого же дня перед отплытием моего судна на материк, я уже по собственной инициативе выпил ещё два стакана. Не знаю, что тому было причиной, то ли стимулирующее свойство этого сока, то ли качка на пути от острова в Дар-ес-Салам, но большую часть этой ночи я провел в судовом туалете, радуясь бесперебойному и обильному поступлению забортной воды. В перерывах между действиями я с трудом поднимался на палубу, уныло смотрел в ночное море сквозь мокрые от слез глаза и затем снова шёл обратно. Наутро я нетвердой походкой сошёл на землю материка и провел весь день в кресле автобуса до Аруши. Моё расслабленное внимание оживилось только один раз, когда автобус проезжал мимо двух горящих машин на обочине, в одной из которых я узнал "бесноватую" матату или, как их называют в Танзании, дола-дола. И в Кении, и в Танзании редкий день происходит без того, чтобы одна или несколько этих переполненных людьми машины не разбивались от превышения скорости на плохих дорогах.

Оставшаяся часть моего Нового Большого Жучиногo Путешествия прошла строго по плану. В Кении я около недели провел в альпийской зоне хребта Абердаре, а затем перелетел в Соединенные Штаты и около месяца переезжал из одного энтомологического музея в другой. Своё нахождение в Северной Америке я завершил участием в огромной конференции энтомологического общества Америки с более чем пятью тысячами участников и к её завершению чувствовал себя прилично уставшим от такого количества народа. Когда я ждал свой самолет на Амстердам в аэропорту Маями, рядом со мной шла посадка на Каракас, и я немного взгрустнул, что в этот раз попасть в Венесуэлу мне не удастся. Большую часть своего времени в Западной Европе я провел в тихом пригороде Брюсселя Тервурен, где расположен знаменитый Королевский Музей Центральной Африки, основанный королем Леопольдом для положительного освещения действий колониальных властей в Бельгийском Конго. Наконец, ровно через два месяца после начала путешествия я сел на самолет и отправился домой в Южную Африку.

На кафедре и дома на Скуман-стрит мне бросились в глаза ряд изменений. Джон закончил всю свою лабораторную работу с жуками-навозниками и вскоре после моей свадьбы вернулся в Англию жить с женой и сыном, чтобы дома дописывать диссертацию. Кармен, которая всего два месяца назад отвозила меня в аэропорт, тоже завершила свою работу в

Претории, и незадолго до моего возвращения она и Хосэ-Луиз вместе вернулись в Колумбию. Офис Кармен и Джона напротив двери моего кабинета неожиданно опустел, и мне стало заметно одиноко, особенно в долгие вечерние и ночные часы работы с личинками. Постдок Марка истекал через два месяца, и он и в самом деле собирался отправиться обратно в Йоркшир на своем лендровере, которому срочно нужно было заменить какие-то важные детали внутри. Со скорым отъездом Марка и Джона мы с Бобом оставались вдвоем в нашем коттедже на Скуман-стрит и, посоветовавшись, решили, что не будем искать себе новых соседей и вдвоем доживем оставшиеся несколько месяцев. Как верно сказал Боб, таких замечательных соседей как Марк и Джон нам не сыскать, а на меньшее мы не соглашались. Постдок Боба истекал на месяц раньше моего, и он уже нашёл себе новый постдок в Бостоне, где он всё так-же намеревался спаривать своих сверчков. Поскольку последний месяц моего контракта я планировал путешествовать по Австралии и Новой Зеландии, то получалось, что мы покидали дом почти одновременно и оттого до самого конца могли вместе платить за его аренду.

На кафедре тоже произошли изменения. Клайд, как обещал, ушёл с поста заведующего, освободил свой бывший кабинет и ушёл в другой, поменьше размером. Сделав это, он заметно повеселел и стал значительно более доступен для своих студентов, так как с него свалился огромный груз административных забот. Ещё два профессора покинули кафедру и переехали на вновь открывшийся факультет в Стелленбош недалеко от Кейптауна. Криса Маруму и другого молодого доцента произвели в звание профессоров и на их места объявили конкурс. Все кафедральные постдоки, включая Боба и меня, написали заявления на эти позиции и примерно через месяц список из более чем 20 претендентов будет сокращен до шести - по три на каждое место. Затем специальная комиссия из профессоров будет лично беседовать с каждым из шести и выберет двух счастливиц для постоянной работы. Ни Боб, ни я особенно не надеялись на успех, однако по долгу оппортунистических постдоков написали по заявлению. В назначенный час мне пришёл вежливый отказ, а ещё через два дня заждавшийся Боб с деланной небрежностью сказал, что он прошёл первый отбор и оставлен на интервью. Это было само по себе большим успехом и наконец у многоопытного Боба с семилетним стажем работы после защиты диссертации забрезжил первый реальный шанс получить постоянную академическую позицию при университете Претории. Мы договорились, что в случае получения работы

Боб поведет меня в ресторан. "Хоть каждый день", - сказал он сперва, однако, поразмыслив, мы решили, что и одного раза будет достаточно.

Заключительные несколько месяцев моей работы с личинками пластинчатоусых жуков в Претории прошли на удивление быстро и без больших эмоциональных всплесков. Причиной тому отчасти была необходимость завершить нашу совместную работу с Клайдом - большую обзорную главу для немецкого издательства и все мои официальные проекты. День за днем я проводил в своем кабинете по 12 и более часов и постепенно стало ясно, что работа будет закончена в срок. По выходным я сортировал и рассылал своим друзьям жуков с гор восточно-африканской дуги, писал отчеты своим грантодателям об этой экспедиции и завершал рукописи своих личных проектов выходного дня. Помимо этого я готовился к экспедиции в Австралию и Новую Зеландию, а для этого следовало снова искать финансирование, получать визы в эти страны и документы на отлов и вывоз оттуда жуков. В дополнение ко всем этим заботам мне предстояло вернуть по почте всех моих разнообразнейших личинок в более чем тридцать музеев мира, причем в Британский Музей и в Смитсоновский Институт посылки были почти по 10 килограмм весом. И кроме того, все мои частные коллекции, книги и одежду нужно было упаковать и приготовить к отправке обратно в Россию. Впрочем, часть коллекций и микроскоп я решил отправить сразу в Германию, к месту моего следующего постдока.

И вот наступил мой последний полный день в Южной Африке. Без микроскопа, сотни чашек и чашечек с личинками, книг и более всего без карт и фотографий моих друзей на стенах мой кабинет выглядел чужим и неуютным. Все было снято, завернуто, упаковано и или отослано, или уложено в рюкзак. Завтра был мой вылет в Сидней. Работу свою я закончил в срок, и довольный Клайд пригласил меня и всю свою группу в ресторан праздновать мой отлет. Я решил не устраивать общего прощального обеда со своими кафедральными друзьями, а приглашал их по отдельности в свой любимый итальянский ресторан посмотреть из окна на всегда оживленную Скуман-стрит и поговорить о дальнейших планах. Друзей у меня в Претории было много, и оттого в течение последних нескольких дней я питался исключительно итальянской кухней. Я уже полагал, что этому наступил конец, когда дверь открылась и в кабинет вошёл Боб.

- Вэз! - крикнул он с порога и с шумом бросил свою сумку себе на стол. - Ну-ка прочти! - и он протянул мне какое-то официальное письмо на бланке университета. Я взял бумагу и в один момент прочитал её короткое и очень важное содержание. Боб прошёл интервью и его берут на работу на нашей кафедре!

- Ну, как? - возбужденно спросил он. - Неплохо, что и говорить. Ну что, какие у тебя планы? Ты конечно голоден? Знаешь что, пока ты не уехал, давай-ка я свожу тебя в приличный ресторан. Я как раз знаю один итальянский ресторан неподалеку, прямо на Скуман-стрит. Там готовят отличную пиццу. Ну что, пойдём?

- Знаешь, Вэз, - сказал Боб, когда мы сидели за столиком и знакомая официантка приняла наш заказ, - знаешь, о чем я подумал? Я немного боюсь. Я так долго ждал этой работы, что даже немного отчаялся её вообще получить. Ты же знаешь, я уже восьмой год переезжаю с места на место и живу на этих "мягких деньгах" А теперь у меня зарплата, позиция, пенсионный план даже будет и всё такое прочее. Но меня беспокоит, что как бы наука мне не разонравилась. Понимаешь, до сих пор я всегда, ну или почти всегда делал, что хотел. На самом деле постдоком быть замечательно. Это даже ещё лучше, чем аспирантом. По сути дела полная свобода - делай, что хочешь. Я сам планировал и делал свои эксперименты, писал статьи и имел кучу свободного времени и жизнь без стресса. За исключением Анголы и Конго, я был во всех африканских странах к югу от экватора, включая Мадагаскар... да, ещё я не был в Руанде и Бурунди, но они всё равно не в счёт... А самое главное - я сам выбирал себе тему. В принципе на постоянной работе тоже неплохо, но тут дело совсем другое. Я почему-то чувствую, что это отчасти конец моей персональной научной карьере. Вернее сказать, её перерождение. Теперь никто не ожидает, чтобы я сам делал эксперименты, набирал статистику, сам все обсчитывал и писал. Нет, теперь мне положено собирать вокруг себя студентов, давать им темы, получать под это гранты и вообще руководить такой маленькой группкой. По-своему неплохо, даже интересно. Но..., Ты понимаешь, уже нет того кайфа собственного открытия. Да и университет давит. Хочешь большое финансирование, тогда выдавай по десятку статей в год. Вот тебе и круг, когда у руководителя не остается времени на науку и он занят только поиском средств. Посмотрим, что к чему; здесь мне кажется главное найти

баланс. Да... Вот такая судьба. А ты знаешь, я ведь приехал сюда всего на шесть месяцев когда-то. Работал в Трансваальском музее... А вот теперь сотрудник кафедры. Первая постоянная позиция в 37 лет. Ну что, по современным меркам неплохо... Хотя сейчас мне кажется, что я что-то теряю. У меня ведь сейчас открытый постдок в Бостоне на два года. Эх, жалко, что нельзя эту работу в Претории немного отложить и вернуться сюда после Штатов. Нет, воистину, постдок - это просто здорово. Ты говорил, что у тебя новый контракт в Германии? Завидую я тебе немного: новая страна, новые люди. В Претории тоже неплохо, но все равно лучше ездить. Нет, видит Бог, постдок - это здорово! А..., к черту! Ну что, где там наша пицца?

На следующее утро Боб отвез меня в аэропорт Йоханнесбурга, и мы простились. Я прошёл регистрацию и через три часа была объявлена посадка на мой самолет в Сидней. Но это уже совсем другая, не африканская история.

Эпилог

Я сидел в международной зоне аэропорта Амстердама и ждал свой рейс на Москву. Прошёл месяц после моего отлета из Йоханнесбурга в Сидней, и за это время я совершил отличную поездку по горам, лесам и энтомологическим музеям восточной части Австралии и севера Новой Зеландии. Сейчас я был на пути домой в Россию и было самое время подвести итоги моего африканского постдока. Я уселся за столиком ещё не открытого по причине раннего утра кафе, достал свои использованные авиабилеты и на их обратной стороне стал набрасывать основные вехи прошедшего постдока.

Прошло ровно тридцать три месяца с тех пор, как с большим рюкзаком и покинул свой дом в Ростове-на-Дону. У меня были все основания предполагать, что это был самый насыщенный и, я рад добавить, приятный период моей жизни. Во-первых, я женился. Но поскольку моя книжка о жуках, Африке и постдокстве, то я обойду вниманием эту приятную, важную, однако, слишком личную тему и перейду к делам более общего интереса.

Африканский постдок очень сильно обогатил меня профессиональным опытом и знанием жизни в академической среде. В своем отчете перед отъездом из Претории я упомянул одну главу для книги и 12 статей по морфологии и филогении жуков, которые я написал за время своего постдокства. Из этих 12 статей половина была результатом работы с личинками пластинчатоусых жуков, а остальные шесть были результатами моих личных проектов выходного дня. Я хорошо знал, что просто число статей значит совсем мало и мне предстоит ещё услышать мнение моих коллег об их качестве. Тем не менее Клайд Купер, мой работодатель в Претории, остался всем вполне довольным. Это было важно, ибо за годы работы в Африке я твёрдо себе уяснил, что для постдока самым главным делом есть держать своего руководителя довольным. Впрочем, мне это было делать нетрудно, ибо Клайд был для меня отличным начальником и я очень благодарен ему за это. Он ясно и чётко определил круг моих обязанностей и затем совершенно не вмешивался в то, как я работу свою выполняю. Он очень терпимо относился к моим многочисленным отъездам и разнообразным интересам в энтомологии - до тех пор, пока это не вредило официальной работе. У меня были и есть все основания полагать, что мне очень повезло с научным руководителем и от этого проистекали все прочие приятные моменты моей жизни в Африке.

За время своего постдока я необыкновенно много путешествовал. По дороге в Африку я провел два месяца в энтомологических учреждениях Европы, затем совершил два Больших Жучиных Путешествия продолжительностью три и два месяца соответственно, и завершая постдок, уехал в Австралию и Новую Зеландию. Ещё два месяца составляли поездки по Намибии и Южной Африке, включая наш с Таней роскошный медовый месяц в лесах Капской Провинции. Суммарно десять из тридцати трёх месяцев я провел в поездках, то есть почти каждый третий день в течение почти трёх лет. Мой паспорт раздулся от многочисленных виз, и в Претории в российском консульстве я должен был получить новый. Вот список стран, в которых я побывал, покинув Россию: Германия, Чехия, Австрия, Франция, Великобритания, Голландия, Бельгия, Соединенные Штаты (дважды), Канада, Южная Африка, Намибия, Кения (дважды), Танзания, Австралия и Новая Зеландия. Цели поездок были разные: сбор жуков, конференции, работа в энтомологических коллекциях и ещё во многом просто желание посмотреть на мир и познакомиться с разными людьми и культурами. Цели эти, я полагал, были достигнуты.

За долгие месяцы работы в Претории у меня появилось много хороших друзей, чьим расположением я дорожил и буду дорожить впоследствии. Я познакомился со многими людьми, которые связали свою жизнь с жуками или с Африкой и всегда люди эти были исключительно интересны. На кафедре в Претории многие её сотрудники были для меня примером хороших ученых и я ценю их вклад в моё профессиональное развитие. После трёх лет африканского постдока я близко познакомился со многими людьми, достойными самого глубокого уважения.

Из других событий личного плана я отмечу, что за изучение жуков мне довольно хорошо платили и за все это время у меня было значительно больше денег, чем я мог потратить. Я чувствовал себя гордым от того, что за все это время не пропустил ни одной среды или субботы, чтобы не бежать на стадион и заниматься там спортом. Вообще за три года в Африке я болел только три раза: клещевая лихорадка в Претории, отит на горе Кения и болезнь кожи в танзанийском городе Морогоро. Я полагал, что прожить в Африке три года и избежать многих её болезней, особенно малярии, само по себе очень неплохо.

В современном мире для занятий жуками нужно быть очень богатым и делать это частным образом, либо получать работу в университетах, музеях или как-либо иначе встраиваться в социальные рамки. Рамки эти порой бывают причудливые и иногда они отбивают у людей охоту заниматься наукой. Меня радовало то обстоятельство, что во время и после моего постдока у меня продолжали оставаться личные интересы в мире жуков и мне по-прежнему хотелось делать что-то еще, в дополнение к моим официальным обязанностям по личинкам пластинчатоусых. За время в Африке у меня развился большой интерес к веерокрылкам и нескольким другим группам жуков, которыми я намеревался заниматься в будущем. И еще, во время работы в Претории я получил новый постдок в Германии по давно интересующей меня теме - личинкам стафилинов. Мне казалось, что постепенно изучение жуков становится моей профессией и я на верном пути к получению академической работы. А что казалось мне ещё важнее, так это то, что во мне ещё оставался живой и непосредственный интерес к объектам моего изучения. Воистину это была редкая комбинация зарабатывать себе средства на жизнь, занимаясь тем, чем хочется заниматься, и я полагал, что это есть удел счастливых людей.

Говоря о людском счастье, мне приходит в голову жизнь людей в Африке. Во время своих путешествий по континенту мне иногда хотелось стать профессиональным журналистом и рассказать миру, в первую очередь людям так называемых развитых стран, о состоянии дел в этом другом, менее "развитом" мире. Примеры социального неравенства в Африке вопиющие, и условия жизни миллионов людей не поддаются описанию. Моя цель была сбор жуков и по соображениям безопасности я не путешествовал в Сомали, Анголе, обоих Конго, на севере Уганды, по Либерии, Сьерре Леоне, Бурунди и прочим местам жесточайших конфликтов. Я старался удержаться от соблазна заострить внимание читателя на бедственном положении людей в Африке, однако это действительно так, и остальному миру надо что-то с этим делать. Впрочем, исходя из своего опыта жизни в человеческом обществе, я понимаю, что, как и между людьми, между странами существование богатых возможно только до тех пор, пока существуют бедные и оттого, я боюсь, не избраны ли страны Африки быть этими самыми бедными. Если дело действительно обстоит так, то тогда изменений к лучшему на континенте ждать не приходится. Однако это тема отдельного исследования.

Я покидал Африку в значительной степени удовлетворенный своей там жизнью и работой. Однако оставалось ещё несколько мест, которые я страстно хотел и пока ещё не смог посетить. Мне совершенно необходимо было успеть посмотреть на лес на Мадагаскаре до тех пор, пока он окончательно не исчезнет под плантациями рисовых полей для миллионов голодающих малагасийцев, число которых удваивается каждые 20 лет. Я так и не дождался окончания гражданской войны в районе Великих Африканских Озер и оттого не смог побывать на лесных склонах вулканического массива Вирунга и хребта Рувензори. Только гора Камерун и соседские с ней горы провинции Баменда были в настоящее время сравнительно доступны, и я раздумывал об организации новой экспедиции в этот район. Покидая Африку, я надеялся снова вернуться туда года через два.

Вот, пожалуй, и все. Через несколько минут должны были объявить посадку на мой рейс в Москву. Я заканчиваю свой африканский период жизни с большим удовлетворением, и мне подумалось, что, пожалуй, стоит написать об этом книжку. А пока я возвращался в

Россию с чувством большой благодарности судьбе и Университету Претории за удовольствие трёх предыдущих лет своей жизни под названием "Африканский постдок".

10 июля – 29 августа 2003 года.

Село Бневское, Приморский край, Россия.